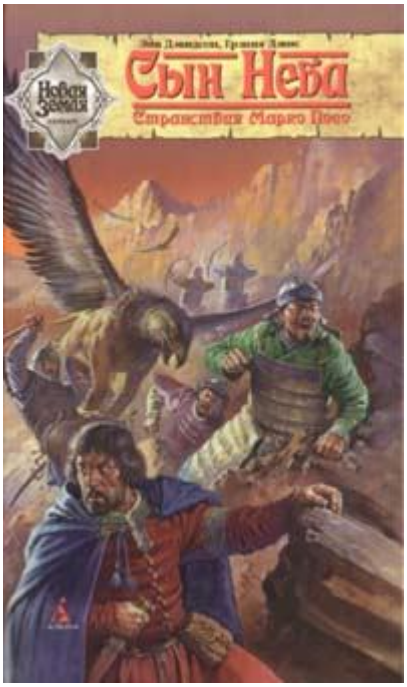
Эйв Дэвидсон Грэния Дэвис
Сын Неба. Странствия Марко Поло



Роман Эйва Дэвидсона повествует о долгом странствии Марко Поло в Китай и о тех невероятных приключениях, что произошли с путешественником по дороге в Поднебесную Империю.

Сия повесть о тайном путешествии Марко Поло, надеемся мы, целостна и закончена сама по себе и не взаимосвязана с любой другой повестью, когда-либо кем-либо изложенной, ни в общей форме, ни в деталях. Марко Поло этой книги не обязательно тот Марко Поло, которого мы знаем из истории. Также Марко Поло этой книги не обязательно не тот Марко Поло, которого мы знаем из истории. «Катай» этой книги суть Азия тайны, фантазии и поэзии. Но это вовсе не значит, что никакого отношения к географической Азии она не имеет.

Авторы надеются, что читатель воспримет эту тайну как книгу, а эту книгу как тайну. Читателю также можно посоветовать смотреть прямо и только прямо вперед. Читателю, наконец, можно порекомендовать краешком глаза внимательно посматривать по сторонам.

«Вы, цари и правители, короли и королевы,
герцоги, рыцари и простые горожане — все,
кому желанно знание о жизни иных рас, о
чудесах иных земель, — вам сия книга, и да
будет она прочитана, и да найдете вы в ней
величайшее для себя изумление…»
Рустичелло из Пизы, переписчик
«Книги странствий мессира Марко Поло»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПУТЕШЕСТВИЕ НАЧИНАЕТСЯ

1

Да-чжуан: Мощь великого.
Гром в поднебесье.
Благородный муж не ступает на опасную стезю.

Сам воздух, казалось, визжит от ужаса.

«Кто не видел и не слышал атаки грифона, тому неведом страх». Где-то Маффео Поло об этом читал. Еще там, дома, когда хватало времени прихлебывать доброе виноградное вино и читать — на чопорной ли старой латыни, на мелодичном ли итальянском… Когда это было? Матерь Божия! Марон! Да будь ему теперь доступна вся главная библиотека синьории Наисветлейшей республики Венеции, разве осмелился бы Маффео хотя бы протянуть руку и снять с полки даже самый пустой и болтливый рыцарский роман?

Прижаться лицом к земле — иначе мертвенная бледность выдаст его грифону. Втянуть руки в стеганые рукава. Отчаянно стараясь не шевельнуть даже пальцем, Маффео Поло лежал и молча молил о том, чтобы его приняли за камень или бревно и не тронули. Его — и всех остальных. Куда бы их ни забросило.

У грифонов невероятно острое зрение. Стоит младенцу только надуть губы в сотне миль отсюда — и мигом взлетят вверх пленки на сияющих золотом глазах. Но: будь пожрана эта сотня миль крылами огромной твари, скажи младенцу всего-навсего (всего-навсего!) лечь лицом вниз и не шевелиться и грифон нипочем не разберется, где его жертва.

Но только — лицом вниз. И — не шевелиться.

Ибо грифоны падалью не питаются. Едят лишь живое мясо — которое (за миг до смерти) быстро двигалось. И дело даже не в том, что, если не шевелиться, грифон решит, что ты мертв. Нет. Если не шевелиться, он тебя даже не заметит. А что он замечает? Ну, замечает он пишу, наиболее желанную для грифонской братии. Какую именно? Старинная поговорка гласит: «Ничего нет вкуснее человечины».

Маффео Поло лежал как труп и изо всех сил старался сдерживать дыхание. Но тут лежавший рядом с ним продолговатый валун словно по волшебству вдруг обернулся насмерть перепуганным катайцем в синей стеганой куртке — и ринулся прочь по мрачной каменистой осыпи к сомнительному убежищу неглубокой впадины в узком ущелье.

«Ангелы небесные, придайте же резвости его пяткам — или его душе!» подумал Маффео, даже и мысли не допуская пуститься вслед за беглецом. А потом последовал дикий, хриплый вскрик — и страшный порыв ветра от взмахов громадных крыл.

Словно метеор, грифон упал с бледного неба — весь как объятый пламенем, — рухнул, бешено вереща, со свистом, с рычанием — и беглец было взвыл… но лишь на мгновение. Гигантская тварь ударила львиными когтями — раздался скрежет, будто ножом по краю блюда. Потом грифон поволок труп по пыльному глинистому сланцу, сдирая кожу, обрывая остатки одежды, щедро разбрызгивая кровь.

Человек не издавал ни звука. Еще бы — уже мертвец. Хрипы и ворчание исходили теперь только от грифона. Исходили и другие, неописуемые звуки чудовищные, не имеющие названий. Хлюпанье, карканье, причмокиванье — пока тварь отрывала конечности, а потом разделывала туловище. Резкие, отвратительные звуки — что-то трещало и рвалось. Нет, такие звуки даже не представить тем венецианцам, что каждый Божий день проходят меж двух колонн с грифонами, украшающими южную аркаду великолепной базилики ди Сан-Марко в Венеции.

Ну что ж — значит, вот так? Так? Марон! Хорошо хоть грифон не станет медлить на месте убийства чтобы переварить свою пищу. Хорошо хоть, он быстро ест. И улетает. Все получается очень быстро. И хорошо.

И все ради великого хана.

Все это и многое другое — ради великого хана.

Но будет ли доволен великий хан Хубилай?

«Матерь Божия! Марон!» — мысленно возопил Маффео Поло. Надо держаться. Иначе — с грифонами ли, без грифонов — все они станут мертвечиной. В которую здесь так легко превратиться.

А в трех или около того ли от места, где лежала пока что мнимая мертвечина, мессир Никколо Поло, заслышав вопль падающего на свою жертву грифона, прочел — быстро-быстро и вслух — один «Отче наш» и три «Аве Мария» — прочел во избавление от напастей своего брата Маффео и своего сына Марко Поло. Хотя и не знал, кому из них — или, быть может, обоим? угрожает атака громадной и безжалостной твари. Помолиться о собственном избавлении ему что-то в голову не пришло. Отправиться же на поиски брата или сына Никколо не мог. Нечего было даже и пытаться. Но горе им, если их разбросало по этой пустоши!

Сам он сидел на корточках, прижимаясь к устойчивому валуну, и воздавал хвалы Господу, что валун этот так устойчив. Всего в нескольких пальцах над головой Никколо возвышался еще валун, а другие плотно лежали по всем сторонам. Не иначе, само Провидение послало ему эту заросшую лишайником груду камней. Ибо снаружи — туда-сюда, туда-сюда — беспрестанно расхаживал громадный зверь, который и загнал мессира Никколо Поло в это тесное укрытие. Время от времени зверь приостанавливался у узкого входа и просовывал лапу меж валунов, но не мог отпихнуть их в сторону.

По размеру страж Никколо во столько же раз превосходил снежного барса, во сколько последний — обычную домашнюю кошку. Шкуру покрывали пятна, каждое с человеческую голову. Острые когти — длинные, как ятаганы. Когти эти уже успели обратить в бахрому полы подбитого мехом халата Никколо Поло. Все пытались — раз за разом, снова и снова — ухватить и вытянуть человека наружу, примерно как франки выуживают устриц из раковин.

— …Иисус. Аминь. — Никколо Поло завершил третье воззвание к Богородице и тут же сопроводил его очередной молитвой Святой Деве Марии. Лилия Израиля, башня слоновой кости, златое пристанище… — монотонно бубнил он, одновременно стараясь припомнить точный порядок слов этой литании, сопровождаемой стуком его бешено колотящегося сердца. А гигантский снежный барс тем временем издал очередной утробный рык. Потом снова сунул лапу в дыру и оторвал еще один лоскут переливающегося серого шелка.

Об этом чудовищном леопарде ходили легенды. Кое-кто даже верил в его существование. Теперь же Никколо мог убедиться — такой зверь и впрямь существует. По крайней мере здесь — в Богом проклятой языческой пустоши, за Великой стеной в 10000 ли. Несомненно, в «Бестиарий» должна быть вписана еще одна глава — об этом страшилище. И непременно следует обсудить с каким-нибудь ученым схоластом его место в христианской религии. Когда? Когда-нибудь.

Когда-нибудь. Там, в благословенной и безумно далекой христианской стране. Дома, сидя на удобной кушетке, в окружении родных и знакомых. И никуда не спеша. Наслаждаясь столь дорогой ценой купленным покоем. Когда-нибудь — дома, в родной, пахнущей морем Венеции. Там, где дом отделанное розовым мрамором Палаццо ди Поло с четырьмя черными скворцами на гербе, невдалеке от Словенской набережной Большого канала, на меньшем канале Словенских послов. Быть может, и не стоило Никколо Поло и его не чуждому разнообразных услад младшему брату Маффео соваться дальше Словении — страны вполне христианской. И страны богатой. Но чем? Солью, к примеру, черносливом, лесом, медом, пенькой, воском и прочим не особенно ходким товаром, что требует множества кораблей для перевозки.

Порой торговля то разгоралась, то тлела на улице Ювелиров, в стороне от Биржи, — на улице, где встречались венецианские купцы, банкиры и ювелиры… («Что новенького на Бирже? Пенька дорожает. Воск дешевеет. Чернослив — как и был. Воск сильно дешевеет. Пенька не очень-то и дорожает…») Порой игра даже не стоила свеч.

А тут: самоцветы!

При одной мысли о самоцветах — о драгоценных камнях, что носишь за пазухой как целое состояние, — дыхание Никколо неизменно перехватывало. Потом он задышал чаще и глубже. Гигантский пятнистый барс, похоже, расслышал. И замер — перестал шастать взад-вперед. А мысли Никколо с легкостью (на самом деле сложно было отвратить их от этого предмета) обратились к некоему списку, почти литании, которая, правду сказать — хоть Никколо и пришел бы в ужас, скажи ему кто-то правду, — утешала его куда лучше любой молитвы.

«Десяток голкондских алмазов чистой воды — без малейших изъянов размером с хорошую словенскую сушеную сливу, из тех, что по полдуката за центнер; ценою же сказанные алмазы — по сотне добрых коней каждый.

Двадцать один рубин из тех, что зовут „паучьими“, — каждый размером со сжатый кулачок крепкого младенца десяти дней от роду; ценою же сказанные паучьи рубины…

Дважды по двадцать и еще десяток сапфиров из тех, что зовутся „звездными“, — с острова Церендиб, или, по-иному, Цейлон…

Сотня и еще десяток отборных коричневых жемчужин в полном блеске — с архипелага Киноцефалов, или Песьеголовых, каждая размером с набухший сосок дородной кормилицы…

Чертова дюжина изумрудов — зеленых, как холмы Терра-Фирмы в дождливую пору…

Ценою… ценою… ценою…»

Забывший о своем отчаянном положении, глухой к звукам страшной угрозы, безразличный к ледяным мурашкам, что бегали по всему его скрюченному телу, Никколо Поло получал неизъяснимое наслаждение от мысленного пересчета самоцветов. Он даже не заметил, что сместившееся зимнее солнце теперь посылает косой столбик света меж двух исполосованных черными прожилками валунов его убежища. Заметил ли гигантский барс? Никколо было не до того.

Что-либо замечать он начал только когда жуткий зверь всем своим могучим телом вдруг бросился на угловой валун. И тут же Никколо Поло сообразил, что валун двинулся с места.

2

Куй: Разлад.
Пламя над озером.
Благородный муж вспоминает свою суть.

— Великий Рим, — учил как-то Марко, неугомонного мальчугана в мешковатых штанах, сморщенный, будто печеное яблоко, монах в бурой шерстяной сутане, — пал от гнева Господня. Но Господь ждал несколько поколений, сын мой, и это — сущая формальность. Он вполне мог ждать и несколько сот поколений. Ибо Господь беспределен, и беспредельно Его терпение. Господь, сын мой, ждет, чтобы ненавидящие Его перестали Его ненавидеть. Чтобы они возлюбили Его и блюли Его заповеди. Если же, несмотря на это любовное терпение, перемен к лучшему не следует, тогда, и только тогда вымещает Он грехи греховных отцов на их все еще греховных сынах. Такую трактовку Священного Писания я услышал от одного ученого раввина в дальней земле Самарканда и считаю ее вполне приемлемым толкованием. Так что…

Впрочем, говоря по-мирски, Марко, Рим пал оттого, что слишком крепка оказалась Великая Катайская стена. — Так говорил отец Павел — голосом слабым и сухим, будто шуршание дубовой листвы под ногами.

Безжалостные варварские орды, взявшие путь на восток, впустую сломали свои стрелы о змеевидную Катайскую стену («То стена Гога и Магога, о Марко!»). А потом повернули на запад — и не успокоились, пока не потопили в крови и пламени славу и могущество великого Рима. Но тысячу лет спустя, когда катайская стража ослабла, утратила боевой дух,

пришли неумолимые монголо-татарские орды. Двигаясь на запад, они достигли самых дальних владений князей Руси и Московии, которые с тех пор платили им дань. А двигаясь на восток, они хлынули сквозь бреши в Великой стене — и в итоге сыны и внуки степных вождей возвысились до Трона Дракона…

…и Чингис родил Тулуя, а Тулуй родил Хубилая — хана ханов. Великого хана, что поднял из руин разоренный войной Катай…

«Могу поклясться, что великий хан, — записал в своем путевом дневнике Марко, сын строгого Никколо Поло и племянник вспыльчивого Маффео, — не только могущественнейший из земных властителей, но и наимудрейший».

Разве не вырос Марко из любопытного юноши в зрелого мужа в добром здравии и достатке (вместе с отцом и дядей) на государственной службе Монголе-Катайской империи? Разве не сделался он (и все трое) одними из первейших любимцев великого хана Хубилая?

Троица оборванных путников с латинского Запада, в вонючих лохмотьях, засиженные мухами и искусанные вшами, — по милости Хубилая они оделись в соболя и шелка. У Марко были все причины безоговорочно верить в мудрость и величие своего господина; и стоило ли теперь в этом сомневаться?

Стоило ли? Даже если по простой прихоти катайского властителя они оказались здесь, за наружными рубежами Великой стены в 10000 ли, чьи полуразрушенные валы все еще высились на гребнях холмов, будто обломки желтых зубов какого-то исполина. Оказались разбросаны подобно землистому песку на краю диких пустошей — столь заброшенных и опасных.

Уже почти час стаи птиц — поначалу лишь черные пятнышки в сумрачном небе — с криками и карканьем кружили над головой. Татарин Петр, молодой раб-оруженосец Марко, который порой казался недоумком, а порой мудрецом, только раз и успел пробубнить себе под нос — мол, дурной знак. А потом хмурые жесты самого Марко погрузили Петра в молчание. Так лучше: не буди лихо, пока оно тихо.

Луноликие монгольские всадники о чем-то кратко переговорили — и дальше обращались уже только к своим коням. И двигались только их узкие черные глаза под кожаными шлемами на меху. Вверх — лишь на мгновение. И опять вниз.

И все-таки — снова вверх. В небо.

— Просто иллюзия, — заявил ученый Ван Лин-гуань, Ван Нефритовый Дракон. — Вся жизнь человека — всего лишь иллюзия. Просто полет птицы в пустом небе. И птица — тоже иллюзия. И небо. Ну и, разумеется, человек. Бесформенное наделяет формой то, что было лишено формы. Реально эти птицы не существуют; они — только иллюзия. А следственно, благородному мужу незачем обращать на них внимание.

Но очень скоро — пока гигантские вороны все кружили и каркали — с неба, будто капризный дождик, закапала бурая кровь.

— Иллюзия, — повторил Ван. Терпеливо. Спокойно. — Недостойно внимания. — И не успел он договорить, как из каждого бурого пятна на каменистой, присыпанной желтой пылью почве средь разбросанных тут и там сухих обломков деревьев и выбеленных ветром и песком скелетов — из каждого пятна крови стали появляться извивающиеся черные змеи.

— Не обращайте внимания, — снова посоветовал ученый Ван, невозмутимо оправляя свой величественный черный халат. — Этих змей на самом деле не существует. Вот, пожалуйста, кони их не замечают…

И правда. Змеи шипели, а кони брели дальше.

Круглая багровая физиономия великого хана Хубилая излучала хорошее настроение. Обращаясь к Марко Поло в громадном приемном зале золоченого зимнего дворца в Ханбалыке, он говорил:

— Мне нет нужды думать об опасности. Что для тебя, По-ло, так называемая опасность? Храбрец приветствует опасность. Иначе как понять, храбрец он или трус? Будь это дело так же просто, как съесть с палочки засахаренное яблоко, я бы и говорить о нем не стал. Более того. Никому бы не понадобилось со мной об этом разговаривать. Так-то. —

Хубилай махнул рукой — еле заметный жест, — и тут же перед ним оказался слуга в ливрее. Стоя на коленях, раб протянул повелителю нефритовый поднос, изящно украшенный выгравированными на нем драконами, и, почти неуловимым движением сдернув покрывало, открыл горячее и влажное, плотное и мягкое, сложенное в несколько раз полотенце турецкой работы. Великий хан взял полотенце и неторопливо вытер лицо и руки. Потом бросил его обратно на поднос. А в следующий миг все — и полотенце, и поднос, и бессловесный раб, — все это исчезло. Лицо великого хана сделалось довольнее обычного.

И разговора об опасности будто и не было.

Но иллюзорные змеи никуда не делись. Возникли много позже и далеко-далеко от Ханбалыка — под тенью осыпающейся стены в 10000 ли.

Какой-то слабый отзвук, все вторясь и вторясь, висел в душном воздухе. И в голове у Марко ясно слышалось шипение. Быть может, то было лишь шуршание сланцевых песков под конскими копытами? Но шипение все нарастало — становилось все громче — все громче, громче — все пронзительней. И тут что-то шумно вонзилось в пески. Еще. И еще. Что-то, громко шипя, стремительно вонзалось в пески. Сам того не желая, Марко поднял взгляд — в небо.

Птицы, повернувшись под каким-то неведомым геометрии углом, от чего вдруг стали казаться тонкими как палочки, уже не кружили. Они падали! Падали с неба. И страшно шипели!

Падали — и вонзались в пески!

Ван Лин-гуань, не теряя своего философского достоинства, выкрикнул:

— Не обращайте внимания. Эти птицы не реальны. Кровь не реальна. Змеи не реальны. И так называемые стрелы тоже не реальны. Все это иллюзия. Она не реальна. Отнюдь не реальна. А следственно…

— А-а…

Последний выкрик повис в воздухе. Последовало еще слово, но Марко его не разобрал. Ясно было только, что исходило оно не от Вана Нефритового Дракона.

Вскрикнул один из двадцати монголов их конной стражи, назначенной главным конюшим внешней охраны великого хана. Совсем молодой парень. Марко даже не знал, как его зовут. Флегматичный, с каменными глазами на плоском лице, весь день он горбился в седле, будто неполный мешок с просом, — и вдруг молодой монгол как-то странно и неловко замахал и захлопал рукой. Быть может, отгонял какое-то жалящее насекомое — или одну из мерзких рептилий, что прячутся меж камней? Но тут рука его замерла и словно оцепенела.

В предплечье у парня торчала стрела.

С иссиня-черным оперением.

И ужас охватил Марко. Но не от вида стрелы. Не впервой ему было видеть, как людей поражают стрелы. Тем более что попадание всего-навсего в руку обычно считалось большой удачей. В таких случаях стрелу просто проталкивали, пока наконечник не выходил наружу, а потом отрезали оперение и благополучно вытаскивали. Рана перевязывалась — и, при достатке времени, боец прекрасно выздоравливал. Как правило.

Но не теперь. Прямо на глазах у Марко, у Никколо, что нервно перебирал свои лучшие нефритовые четки, у Маффео, что встревоженно подергивал свою седую бороду, — на глазах у всех, у всех… О Сан-Марко, благословенный тезка, — да ведь раненый парень растет! Распухает! Вздувается, будто мочевой пузырь! Господи, Господи, каким же мгновенным ядом смазали эту страшную стрелу? Кожа молодого монгола сначала побагровела, потом сделалась синей, как баклажан.

И все растягивалась и растягивалась. Всадник раздувался подобно блестящей иглобрюхой рыбе. А потом — хлоп! Вспухшая, сплошь покрытая кровоподтеками плоть взорвалась, будто фейерверк на каком-то зловещем салюте, — и во все стороны полетели клочья мяса молодого монгола.

Со взрывом разлетелась в клочья и иллюзия об иллюзии — косматые монгольские пони

в диком ужасе заржали и разом встали на дыбы. А потом, словно подхваченные незримыми вихрями, понесли своих всадников кто куда. И вот — Марко остался один. Один — в этой загадочной, продуваемой всеми ветрами пустоши.

3

Мын: Недоразвитость.
Весенние потоки под недвижной горой.
К младому глупцу приходит удача.

Марко дал волю своему взбесившемуся коню. Позволил нести себя куда вздумается. И не обращал внимания ни на спутников, ни на направление стремительного бега. В голове сидели только черные стрелы — если, конечно, то были стрелы. Некогда Моисей и маги Египта превращали жезлы в змей, а змей в жезлы. Но как могли птицы — даже столь необычные — превратиться в твердые, как палки, стрелы? К тому же обычные стрелы не кровоточат. И все-таки особенно потрясало Марко вовсе не само чудо невиданного колдовства. И не страх затеряться в этих безлюдных просторах, оторваться от товарищей и родни. И даже не то и дело звучавшие рефреном вопросы: «Кто это сделал? Зачем?»

Потрясали венецианца жуткие мысли о том загадочном яде — магическом зелье на наконечниках стрел, — которое в считанные мгновения (секунды! о ужас — секунды!) превратило молодого монгола в нечто лилово-черное и немыслимо раздутое — причем он жил! все еще жил! — а отравленное тело все вздувалось и пухло, — пока накопившиеся соки не разорвали в клочья гноящуюся плоть.

…Еще одна стрела, шипя, вонзилась в песок под самыми копытами пони. Это уже был не просто страх. Нечто большее. С диким воплем Марко пришпорил своего измученного коня — а в голове тем временем, будто обрывки сна, проплывали взбаламученные ужасом воспоминания…

— Так почему же римский папа, — уже в сто первый раз вопросил Хубилай, — не прислал с вами, как я того требовал, сотню ученых священников? Пусть бы поведали мне о святом кресте и святом елее, о святом хлебе и святом вине. Пусть бы построили для меня большие часы, большие башни и крепости, большие осадные машины и большие военные корабли. Почему? Раз он называет себя всемирным отцом. Почему? — Великий хан тяжко вздохнул, и в горле у него что-то негромко хрипнуло. А длинная жемчужная бахрома, что свисала с увенчанной солнцем и луной золотой короны, слегка закачалась.

Это посольство к папе составляло главную цель первого и единственного путешествия юного Марко (а для его седеющих дяди и отца — второго) удивительного путешествия по бесконечному разнообразию евразийских просторов. Почему же великий хан пожелал наладить контакт с римским первосвященником? Быть может, святой отец христианского мира и впрямь вызывал у него неподдельный интерес? Тем более что мать Хубилая была из несториан — и поклонялась кресту. А может, он хотел упрочить шелковые торговые связи между востоком и западом? Или Хубилай желал обрести западных союзников для борьбы с лихорадочной экспансией сарацинов и бесчинством неугомонных степных вассалов, направляемых воинственным Хайду-ханом?

А впрочем, неважно почему. Начиналось же путешествие как смелое, но в общем-то вполне обычное торговое предприятие. Марко был тогда совсем еще мал. В году 1260-м по христианскому летосчислению братья Поло — старший Пикколо, немногословный, с пышной каштановой бородой, и младший Маффео, смуглый, непостоянный, — пустились в странствие, желая открыть для себя новые выгодные рынки на широкой реке Волге. Но вместо выгодных рынков нашли они там только ожесточенные военные стычки местных враждующих ханств, которые перекрыли им путь. И только тогда братья решили двинуться на восток — в песчаные земли, где до той поры не бывал ни один венецианский купец. В конце концов им удалось прибиться к верблюжьему каравану, что держал путь по

пустынным торговым путям ко двору Хубилая, великого хана всех монголо-татар, — туда, где побывали немногие европейцы.

Разум Хубилая оказался быстр, как степной конь, а интересы великого хана были еще шире его империи. Он тепло приветствовал оборванных чужеземцев и благосклонно выслушал их рассказы об экзотической христианской Европе. Наконец, великий хан отправил Никколо и Маффео По-ло в качестве своих личных послов к папе, вручив им золотую императорскую табличку, которая гарантировала безопасный проход по всем недружелюбным монголе-татарским землям. Хубилай предложил папе прислать делегацию из ста ученых священников, сведущих в семи искусствах и христианском вероучении. И утомленные путешествием братья Поло отправились на запад как послы сидящего на Троне Дракона и снова пересекли охваченный войнами евразийский континент.

…А в воспаленной голове Марко все шипели и шипели зловещие отравленные стрелы…

В году 1269-м по западным календарям Никколо и Маффео вернулись в свой милый сердцу портовый город — в могучую и процветающую республику Венецию, чьи роскошные сокровищницы полнились византийскими побрякушками и золотом крестоносцев, чьи великолепные закрома распирало от товаров, привезенных купцами из всех торговых портов ведомого им мира. Наконец-то братья Поло вновь увидели отделанные розовым мрамором стены родного дома, по которому они так тосковали, — родного Палаццо ди Поло, на гербе которого красовались четыре черных скворца. Но кое-что здесь, к несчастью, переменилось. Никколо с глубокой скорбью узнал о том, что в эти десять лет умерла его жена. Но его сын Марко вырос в крепкого пятнадцатилетнего юношу — и все еще ждал отцовского возвращения.

Ожидание… ожидание… да неужели Марко всю свою молодую жизнь провел в ожидании? Жил, упрямо ожидая возвращения отца и дяди, хотя все семейство уже решило, что блудные братья Поло давным-давно отправились на тот свет. Потом ожидал аудиенции у недавно избранного папы, чтобы исполнить данное старшим Поло повеление Хубилай-хана. Ожидал, пока пройдут бури, бедствия и баталии и они смогут продолжить свое путешествие в далекий Катай. Полный опасений, ожидал встречи с великим ханом… А теперь — опять ожидал, когда над головой прекратят свистеть эти жуткие отравленные стрелы, чтобы конь его смог наконец прекратить свой неверный бег подальше от опасности. Чтобы можно было опять взяться за исполнение этого нового и совершенно безумного повеления Хубилая…

Марко прекрасно помнил, как удивился он тем туманным венецианским утром, когда вернулся домой после каких-то своих озорных проделок на пахнущей рыбой Словенской набережной Большого канала и недолгой остановки у погруженной в дымку церкви святого Захарии, где покоился прах дожей и его матери. Кичливый школяр из благородной купеческой фамилии со щегольским павлиньим пером в шляпе и первой рыжеватой порослью на щеках. А в прихожей Палаццо ди Поло сидели два нищих монаха-оборванца в потрепанных шерстяных плащах — и ухмылялись, будто уличные актеры, изображающие паяцев.

Марко начал было выговаривать слугам за то, что пустили подобную публику дальше задней двери на кухню, но тут один из монахов — тот, что повыше, с каштановой бородой, — встал и заключил юношу в весьма дурно пахнущие объятия. А потом сказал:

— Здравствуй, сынок.

Мать Марко уже давно встретилась с ангелами в Раю, и на свете оставался только один человек, способный так к нему обратиться. Вне себя от радости Марко воскликнул:

— Папа!

Седовласый крепыш дядя Маффео загоготал и потрепал своего счастливого племянника по щеке. Потом они пообедали телячьим филе, протушенным с вином и грибами, и проговорили чуть ли не до утра. Отец и дядя быстро вскружили юноше голову рассказами о своих странствиях и поручении великого хана.

И что же тогда сказал им Марко? Что он предпочтет остаться за уютными розовыми

стенами Палаццо ди Поло? Что будет и дальше штудировать со сморщенным отцом Павлом сухие латинские глаголы и присматривать за поступлением словенского чернослива в семейные закрома? Нет. Нет и еще раз нет. Марко заговорил, как и подобает отважному венецианскому юноше:

— Отец… дядя… возьмите меня с собой!

…Сюда — в эти опасные пустоши востока, где отравленные стрелы летают подобно воронам и за считанные мгновения превращают молодого монгола в громадный вздувшийся фиолетово-черный баклажан…

Но тогда Марко еще ничего не знал о всех этих чудесах и ужасах. Он и представить себе не мог, насколько мир огромен и многолик. Какие странные и страшные дороги им придется пройти. Тогда ему казалось, что добираться им — примерно как до Болоньи. Или, быть может, чуть дальше, чем до Рима.

А в Риме тогда как раз скончался папа Климент, старый и мудрый франк, и жадные до власти кардиналы битых три года пререкались и спорили. Папский же престол тем временем оставался пустым. Миссия братьев Поло для великого хана затягивалась и затягивалась. Всевозможные тетки, кузены и слуги в Палаццо ди Поло уговаривали их плюнуть на это бессмысленное поручение. Продать драгоценную золотую табличку-пропуск Хубилая и остаться дома — под щитом с четырьмя скворцами. Нежиться подобно шелковистым котам у семейного очага. Вино здесь сладкое и жизнь мирная. Можно пощипывать кухарок за пухлые задницы и таскать миндальные пирожные из громадной открытой печи.

А они вместо этого отправились к желтоватым стенам города крестоносцев Акки — к палящему солнцу над берегом Палестины. Быть может, хотели заручиться духовной поддержкой в Святой Земле, а быть может, просто оттого, что братьев Поло всегда тянуло на восток — будто неустанный ветер подгонял их с запада.

И вот — ледяной ветер западных дебрей задувал в обезумевшие от страха глаза Марко желтую пыль…

Во франкской твердыне Акке братьям Поло суждено было встретить недавно избранного папу Григория, который направил великому хану свои самые доброжелательные приветствия. А в качестве дара — священное масло из лампады, что освещала гробницу Христа в Иерусалиме. В ответ же на настоятельное требование Хубилая папа послал — нет, не сотню — двоих. Всего двое ученых священников отправились с братьями Поло в Катай. Но и те оказались малодушными. Очень скоро их устрашили и тяготы путешествия, и трудность их задачи в языческих землях. Два ученых мужа с облегчением повернули обратно…

Повернули, оставляя усталых Никколо и Маффео Поло (а с ними и юного Марко) путешествовать на восток по дикой и разоренной войнами Евразии без единого сведущего в семи искусствах и христианском вероучении священника. Одних. Даже без какого-нибудь монаха, дьякона или послушника.

Всю дорогу троим путникам приходилось сталкиваться с отчаянными опасностями и тяготами, но ни одна из них не тревожила больше, чем постоянное беспокойство, что туманило разум, и неизбежный вопрос: а будет ли великий хан рад их видеть — без востребованных священников? Или же, убедившись в провале их миссии, Хубилай даст волю своему монаршему гневу?

И не станет ли это рискованное путешествие из богатой Венеции в еще более богатый Катай совершенно бесцельным? Вспомнит ли великий хан после стольких лет, кто они вообще такие?

А теперь, шестнадцать лет спустя, когда и у Марко уже выросла пышная каштановая борода, они держат путь по еще одному высочайшему повелению Хубилая. И снова мучает вопрос: доволен ли будет великий хан? Да и вообще — увидятся ли они с ним (и друг с другом)? Или взмыленный конь Марко в конце концов падет, оставляя своего седока на сомнительную милость отравленных стрел?

4

У-ван: Беспорочность.
Гром рокочет в поднебесье.
Так древние цари взращивали свои народы.

Крики начальника монгольской стражи «Рассейтесь! Рассейтесь!» настойчиво убеждали всех подчиниться. Хотя никаких подобных приказов уже и не требовалось. Многожильные кнуты, что со всего размаху опускались на крупы коней и пони, действовали куда лучше любых приказов. Весь отряд конников сломя голову разбегался кто куда. Куда-нибудь! Хоть к черту на рога! Только бы спастись от этих отравленных стрел. В самом яде ничего нового не было, но ужасающая стремительность его действия наполняла сердца страхом и невыносимым отвращением.

А Никколо, даже когда насмерть перепуганный конь понес его прочь, остался на удивление невозмутим. Как будто поблизости от него никаких стрел с черным оперением в песок не вонзалось. И, даже заметив быстрое приближение гигантской кошки, он, по-прежнему сохраняя выдержку, лишь принялся шарить глазами по сторонам, пока не заметил груду валунов и не поспешил под их укрытие (особенно не мудрствуя и не позволяя себе отвлечься на мысли о том, человек или зверь навалил эту груду).

Грязно-белый, покрытый черными пятнами гигантский ирбис, или снежный барс, с виду напоминал всего лишь (всего лишь!) неимоверных размеров кошку, для которой человек был вроде мыши. Впрочем, знакомый облик чудовища особого облегчения предполагаемой жертве — скорчившейся в подобии норы и перебирающей свои лучшие нефритовые четки — не принес. Но при этом мессир Никколо Поло только лишь испугался. И не более того.

Волею случая Маффео Поло и нервозный катаец — администратор похода бросились удирать в одном направлении. Кто из них первым услышал крик потревоженного грифона, значения не имело. Оба беглеца тоже закричали, обмениваясь отчаянными жестами. Потом натянули поводья, останавливая коней, спешились и легли на землю лицом вниз. Кони не стали их дожидаться и проверять истинность предания о том, что кониной грифоны не питаются. Высоко вскидывая копыта, перепуганные животные понеслись прочь по каменистой земле.

Тут следует заметить, что тот, кто первым описал грифона как отчасти льва, отчасти орла, а отчасти змею, не только не заглядывал в «Комментарий к Аристотелю по поводу категорий». Нет, человек тот, без всякого сомнения, никогда не видел живого грифона. Грифон никоим образом не похож ни на одно из хорошо знакомых и сравнительно безопасных животных. И пусть даже Солдан в Новом Вавилоне, или Великом Кайро, порой держал у своего трона несколько львов, а западные императоры частенько наряду с соколами приказывали приручать и орлов, которыми они пользовались в волчиной охоте, — все равно вряд ли кто-то мог бы назвать орла или льва хорошо знакомым и сравнительно безопасным. Но почему-то все как один прекрасно знают, как выглядит грифон.

Большинство из тех, кто хоть раз листал книжки с картинками, непременно видели хоть один рисунок грифона. И насколько же все эти рисунки далеки от реальности! Вспомнив об этом, Маффео вдруг задумался, а насколько близки к жизни другие иллюстрации к «Бестиарию». Должно быть, они реальны ровно настолько, насколько реальна сама жизнь в этих странных языческих краях…

Потом мысли Маффео обратились к тем летним вечерам, когда он сидел у сводчатых окон библиотеки в Палаццо ди Поло, читая полный цветных рисунков «Бестиарий», — жевал при этом жареные миндальные орешки и потягивал красное вино из хрустального бокала местной, венецианской работы, с золотой гравировкой фамильного герба Поло. Ах, эти легкие вина Венеции… эти великолепные венецианские пиры…

И как же эти итальянские лакеи в роскошных ливреях (многие второстепенные

правители не привыкли носить одежды и вполовину менее богатые) — как эти лакеи один за другим все носили и носили громадные блюда с разнообразными яствами к инкрустированным мрамором пиршественным столам. Вот крупная кефаль, вот четверть жареного быка, вот кролики с полными брюшками приправленных пряностями яблок. Дальше — журавли, цапли, дрофы. Ах, что за крылышко! Ах, что за ножка! Забивалось множество свиней (чье мясо годилось только для слуг), чьи кости и копыта, проваренные вместе с телячьими, шли на превосходный крепкий студень. А разве может быть невкусен студень, к которому примешан толченый миндаль и знаменитый розовый сахар с Кипра (сам по себе источник изумительного вкуса нескольких вин)? Студень, достаточно плотный, чтобы стоять чуть ли не все пиршество, высвобожденный из самых затейливых формочек — слонов и замков, кораблей и египетских пирамид…

Но теперь настало время попировать грифону — и жуткий пир этот был устрашающе реален. Маффео Поло лежал, сплющив седеющую бороду о серую гальку, отполированную какой-то древней исчезнувшей рекой. Лежал, объятый ужасом. Но только лишь — ужасом.

А чувство, что испытывал Марко, было уже по ту сторону страха. В отличие от дяди он не спешился. А в отличие от отца его не бросило в сумасшедший галоп. Марко лишь смутно сознавал, что конь, дай ему волю, сам найдет путь к спасению. Дважды он чувствовал, как его коня бросает в сторону, — и дважды, оборачиваясь, замечал груду гнилья под обрывками одежды. И еще — каркающих ворон на этом гнилье. В голове сидела поговорка: гроб монгола — воронья утроба. Полными дикого ужаса глазами Марко оглядывался вокруг, вовсю напрягая слух, прислушивался — но слышал только барабанную дробь конских копыт… и собственное прерывистое дыхание.

Вот и еще одна стрела, шипя по-змеиному, вонзилась в песок…

Вспомнился тот разговор с великим ханом, когда Хубилай в виде великой милости дал ему из своих царственных рук рисовую лепешку. Марко разломал лепешку и принялся бросать кусочки прожорливым рыбинам в карповом пруду Великого Уединения — в императорском парке Ханбалыка, зимней столицы Поднебесной. Редко кто удостаивался подобной милости.

Взмахнув широким рукавом парчового халата, обильно украшенного золотыми карпами и лотосами, великий хан тогда сказал:

— Вон туда! Вон тому! Там, под ивой, здоровенный желтый карп — кинь ему хороший кусочек. Он был здесь, еще когда пришел мой отец. Совсем древний. «Старый Будда» — так его кличут. Понятия не имею почему. Разве Будда был рыбой? Впрочем, ладно. Я уважаю все религии. А почему нет? Не все ли равно, какое божество поможет усталому и озлобленному? Слышал ты. Марко, когда-нибудь про замок, где все живут вечно — но спят? Всем известно, что карпы живут очень долго… если только им позволяют. Мой дед, Чингис, частенько советовался со сведущими в алхимии отшельниками, которые якобы владели секретом бессмертия. Они говорили, рыбы никогда не спят. Но я давно наблюдаю, и, по-моему, эти карпы все время дремлют — долгим, медленным сном…

Тогда Хубилай впервые упомянул про «замок, где все живут вечно — но спят». И Марко вначале не придал этому значения. Хотя, наблюдая за Хубилаем, он подмечал, что старого хана в последнее время все больше и больше занимают рассуждения о бессмертии даосских отшельников, к которым раньше он не особенно благоволил. Раньше он даже насмехался над их магическими зельями, отбирал и жег их книги. И венецианец понимал, что это вполне естественно для человека, чей возраст приближается к семидесяти. Даже если человек этот — хан ханов всех земель и морей.

Да, Хубилай и впрямь заметно постарел с тех пор, как десять с лишним лет назад Марко впервые его увидел. Тогда великий хан был в самом расцвете своей зрелости. Коренастый крепыш, как и все монголы; с пронзительным и в то же время благосклонным взглядом черных глаз, что выглядывали из узких щелок на круглом багровом лице. Как бывало и с другими облеченными властью людьми, с которыми довелось встречаться Марко, присутствие Хубилая в приемных залах можно было не только наблюдать, но и чувствовать.

Теперь же старый хан чуть горбился и немного прихрамывал от (как утверждалось) периодических приступов подагры. В волосах и длинной ухоженной бороде катайского правителя появились седые пряди, а на широком лице — помимо глубоких складок, проделанных суровым татарским климатом, — паутинки старческих морщин. Но властность его присутствия ничуть не уменьшилась.

Время не обошло стороной и Марко. Из худосочного юнца неполных двадцати он превратился в сильного тридцатилетнего мужчину. И все же он прекрасно помнил свою первую встречу с великим ханом в его летнем дворце в Чэнду, что в десяти днях пути от зимней столицы в Ханбалыке…

Хубилай вопреки опасениям Поло о них не забыл. Напротив, стоило курьерам принести весть о возвращении его послов к папе, как великий хан выслал им навстречу целый отряд всадников, чьи знамена с солнцем и луной гордо реяли на ветру. Отряд приветствовал измотанных путешествием путников и препроводил их к летнему двору катайского властелина. Юный Марко успел повидать много роскошных дворцов — в Венеции и по пути в Катай, — но ничто не поразило его воображения так, как императорский двор в Чэнду…

Колоссальный главный дворец был выстроен из резного и позолоченного мрамора и других полудрагоценных камней. Окружавшая его стена заключала в себе дважды по десять квадратных миль парковых насаждений, прекрасно орошаемых прудами, ручьями и источниками. Масса лиственных и хвойных деревьев. Широкие лужайки пестрели разнообразием диких цветов. В парке этом Хубилай содержал стада оленей и другой дичи, чтобы на славу насладиться охотой с дрессированными леопардами и целой стаей ручных белых соколов.

В высокой сосновой роще, в самом сердце парка, располагалось еще одно впечатляющее куполообразное строение, построенное по типу степных юрт. Крыша из бамбуковых шестов и тонких досок, перевязанных двумястами толстых шелковых веревок, держалась на позолоченных и лакированных столбах с обвивающими их резными драконами. Внутри гигантскую юрту украшали искусные резные изображения зверей и птиц. Здесь-то и располагался летний двор Хубилая.

Только-только прибывшие туда Поло склонились перед великим ханом до земли. Хубилай тут же предложил им подняться и тепло поприветствовал будто старых друзей. Они передали ему письма и священное масло от папы, которое великий хан с благодарностью принял. Затем он во всех подробностях расспросил путешественников о всех опасностях и обо всем том странном и удивительном, что встретилось им по пути. В особенности Хубилая интересовало положение дел в вассальных ханствах на западе и все, что касалось его мятежного племянника и злейшего врага Хайду-хана.

Храня почтительное молчание, Марко не мог отвести глаз от человека, который уже при жизни превратился в величественную легенду, — от этого самовластного и непредсказуемого Сына Неба. Вышедший из воинственных степных варваров, Хубилай тем не менее прекрасно освоил утонченные манеры восстановленного им катайского двора. Беспощадный на войне, он проявлял неизменное великодушие при раздаче зерна беднякам в голодную пору. Марко пожирал глазами хана ханов, что восседал на высоком троне черного дерева резном, украшенном драгоценностями, — величественно восседал в пурпурном парчовом халате с золотой вышивкой.

Рядом с великим ханом сидел хрупкий юноша в бледно-персиковой парче. Позже Марко узнал, что то был второй и любимый сын Хубилая, болезненный царевич Чингин (его Инь и Ян, по слухам, никак не могли прийти в равновесие). Юноша окинул Марко ответным взглядом из-под жемчужной бахромы своей золотой короны — взглядом, полным открытого дружелюбия, — и что-то шепнул своему царственному отцу. Тут великий хан наконец обратил свое августейшее внимание на Марко.

— А где же сотня ученых священников, востребованная мной у римского первосвященника? — поинтересовался Хубилай. Лоб императора было нахмурился, но тут же прояснился. — Я вижу только этого подростка.

— Это мой сын Марко… он здесь, чтобы служить тебе, о повелитель, — с очередным земным поклоном ответствовал Никколо.

— Что ж, я ему рад, — с дружелюбной улыбкой заключил Хубилай.

Так Марко обрел благоволение в глазах великого хана и служил ему десять с лишним лет, — и, пока оба они взрослели и менялись, росла и крепла их дружба…

Поначалу Хубилай удостоил Марко поста сборщика солевого налога в богатой южной провинции Манзи, в людном портовом городе Ян-чжоу, где полноводная река Янцзы, несущая свои воды с запада на восток, встречается с текущим с юга на север Великим каналом. Позднее, обретя уверенность в преданности Марко и обнаружив у молодого венецианца поразительную способность многое подмечать и записывать увиденное, великий хан стал поручать ему особые и конфиденциальные миссии. Такие, как, например, эта…

Вот еще одна отравленная стрела пропела свою жуткую песнь над его головой — и Марко в ужасе пришпорил коня…

5

Гу: Исправление.
Легкие ветры дуют над безмолвной горой.
Опасность; но в конце — удача.

Впоследствии Марко никак не мог разобрать, был то голос или прозвучавшая в голове мысль.

«На север!» — так это прозвучало. А потом снова: «На север!» Возглас все вторился и вторился: «На север… на север… на север…»

— О святой Марк! — взмолился Марко. — О благословенный Сан-Марко, покровитель Венеции и мой тезка! Да где же тут север?

И где-то глубоко-глубоко у него в голове низкий, рокочущий бас ответил:

«Кости мои следовало оставить в Египте — земле, где я проповедовал».

— О святой Марк! О Сан-Марко, твои кости венецианцы забрали на север, чтобы предать погребению под высоким эмалевым алтарем твоей базилики! Так где же тут север?

От рокочущего голоса осталась рокочущая тишина — и вновь сменилась рокочущим голосом: «К тем холмам. Петру знакомы их рыбьи очертания. Туда, тезка. Там север».

Конечно! Татарин Петр, личный слуга Марко, как никто другой должен знать очертания холмов в этой земле — пусть и не в его родной Татарии, то по крайней мере на две тысячи лиг ближе к ней, чем к милой сердцу Венеции!

Отчаянно борясь с поводьями и своим лохматым конем, Марко вскоре увидел на горизонте холмы. Три холма, по форме смутно напоминавшие рыб. Венецианец радостно всхлипнул и пустил коня вперед.

— Конь! — кричал он. — Доставь нас туда живыми и невредимыми — и получишь весь мой запас кумыса! А я как-нибудь перебьюсь. На север! На север! На север!

«Этот проклятый свиток!» Вот как называл его дядя Маффео. Никколо и Марко не вполне соглашались. Хотя этот странный свиток-карта и впрямь какой-то… Даже неясно, что там за текст — проза или поэзия. Быть может, все это невероятно запутанная и загадочная криптограмма? Именно «проклятый свиток» (если это вообще был свиток) и завел их в такую даль — если слово «завел» здесь уместно. По мнению Никколо и Марко, только эта путаная карта могла безопасно провести их вперед или назад — или вообще к черту на рога.

— Великий хан зря ничего не делает, — заметил тогда Марко.

— Великий хан! — воскликнул в ответ Маффео и яростно дернул свою седую бороду. — Марон!

Хорошо хоть говорили они, как всегда, на итальянском. А то наверняка хотя бы один из пестрой массы монголов и татар, сарацин, катайцев и куманцев — и еще Бог знает кого — наверняка кто-то из них шпион. Да что там один! Один — шпион самого Хубилая. Еще один

— его внука и наследника царевича Тимура, сына болезненного царевича Чингина. Наверняка еще по одному — от каждого из других оставшихся в живых сыновей. Сложно себе представить, чтобы кланы шаманов, евнухов, высших чиновников, знатных фамилий, дальних родственников осторожности ради не подкупили некоторых членов отряда, чтобы те любым способом отправляли каждой из этих враждующих клик краткие сообщения. Некоторое утешение, впрочем, приносила поговорка: тот, кого купили, долго купленным не останется. И все же…

Текст же на свитке с картой представлял собой любопытную смесь древнекатайской каллиграфии со странными и загадочными символами. Все это было начертано лучшими чернилами на превосходной бумаге из коры тутового дерева, подклеенной к чистейшему белому шелку составом на основе франкского ладана, который не только укреплял ее и овевал ароматом, но и защищал от плесени, а также моли и других вредителей.

К верхнему и нижнему краям свитка приделаны были планочки из камфорного дерева. Футляр состоял из разноцветных шелковых нитей, сплетенных в изображение конического буддийского храма-ступы. Снаружи футляр был обернут водонепроницаемым промасленным шелком и вложен в ларец из покрытого красным лаком черного дерева (две последние составляющие, должно быть, добавили позднее).

— Будь тут и впрямь какой-то смысл, — продолжал ворчать дядя Маффео, всю эту ерунду можно было бы с таким же успехом накорябать на обычной рисовой бумаге. Вроде той, которой я пользуюсь, когда сморкаюсь или подтираю…

Конечно, ни один шпион не мог бы уловить в выражении «Il Signer Grande» имя великого хана. И все же…

— Дядя! — резко произнес тогда Марко. Недовольный Маффео Поло громко фыркнул, но больше ничего не сказал.

Впервые Марко увидел «проклятый свиток» как-то на исходе зимы, на двадцать первом году царствования Чжи-юаня, или Хубилая, что соответствовало году 1284-му в календаре христианского Запада. Они с Хубилаем прогуливались по берегу карпового пруда Великого Уединения на просторной территории вокруг императорского дворца в Ханбалыке и наслаждались сладким ароматом белых магнолий, алыми цветками айвы и недавно распустившимися бледно-розовыми цветками сливовых деревьев, что росли средь зеленых кипарисов и уже расцветающих плакучих ив. Хубилай вслух энергично планировал грандиозные фейерверки как царский дар близлежащему городу Тай-тиню к празднованию катайского Нового года.

Итак, великий хан и его молодой венецианский наперсник медленно прогуливались по берегу пруда. Все здесь было совсем по-другому, чем при запутанных, строгих церемониях катайского двора, уклонение от которых бывало равносильно смерти. Впрочем, близкое знакомство с ритуальными церемониями при Дворце дожей в Венеции давало троим Поло неизмеримое преимущество перед теми некатайцами из дальней Азии, которые привыкли лезть руками в чужую чашу с вареной козлятиной или кислым кобыльим молоком.

Хубилай вдруг прекратил возбужденно распространяться о хитрых хлопушках из бамбуковых палочек, начиненных громовым порошком, и поманил пальцем глухонемого слугу. Тот мгновенно рухнул прямо на мерзлую дорожку и, стоя на коленях, развернул перед господином замысловато укутанный свиток. Первое время Марко думал, что в неофициальных беседах великий хан просто склонен перескакивать с пятого на десятое, но теперь, лучше познакомившись с катайским властителем, уже не удивлялся внезапным отступлениям от темы. Император прекрасно знал, что делает.

— Вот, Марко, взгляни, — сказал Хубилай. — Этот старинный свиток с каллиграфией недавно попал мне в руки. Он, конечно, не может соперничать с восхитительными рисунками коней работы Чао Мэн-фу — придворного живописца покрывшей себя позором императорской династии Сун, — которого я намерен убедить явиться к моему двору. И все же этот свиток тоже по-своему любопытен. Как думаешь, По-ло?

Марко кивнул и стал терпеливо ждать, когда старый хан сделает свое заключение —

каким бы оно ни оказалось.

Указывая пальцем на свиток, Хубилай продолжил:

— Мои придворные ученые утверждают, что свиток этот — нечто вроде инструкции или карты, что открывает путь к горному замку или храму-ступе, окруженному зарослями колючек и ежевики, где вечно живет прекрасная женщина — но спит. Ну как, Марко, заманчиво? Итак, я желаю, чтобы ты, твой отец и дядя отправились на юго-запад и отыскали для меня эту загадочную женщину. Она станет моей новой занятной наложницей. Хубилай и эта Спящая Красавица… бесподобная пара… а, По-ло? Уверен, мои придворные ла-мы и колдуны сумеют пробудить ее от дремы. А она, без сомнения, должна владеть величественными тайнами бессмертия. Такая женщина окажется и прекрасной, и полезной. Говорят, твой римский папа владеет знанием о вечной жизни. Стоило ему только послать сюда сотню сведущих ученых, как я весьма тактично ему предложил, и этот столь дорогостоящий поход был бы уже не нужен. Не слишком доволен я твоим папой! Нет! Совсем не доволен!

Марко уже и раньше приходилось такое выслушивать. В той или иной форме. Он лишь кивнул и опять принялся терпеливо ожидать, что будет дальше.

— Хотя, — с усмешкой продолжил Хубилай, — может ли сотня сведущих ученых быть еще и сотней прекрасных женщин? По-моему, нет. А я не желаю день за днем находить в своей рисовой чашке одно и то же кушанье. Точно так же я не желаю ночь за ночью находить в своей постели одну и ту же наложницу. — Тут величайший и мудрейший из земных властителей еще раз хитровато усмехнулся и продолжил: — Потому-то мне и нужно, чтобы вы, По-ло, нашли эту бессмертную Спящую Красавицу и доставили ее ко мне.

Но Марко, завидев проблеск надежды, решил вернуть разговор к римскому папе.

— Когда мы с отцом и дядей вернемся в Венецию… — сказал он (зная как свои пять пальцев, что у них нет ни малейшей возможности туда вернуться, если сам великий хан их не отпустит, что без его высочайшего дозволения они не проедут и ли). — Да, когда мы вернемся домой, мы непременно сможем добиться аудиенции у нынешнего папы Григория — а тогда детально обсудим с ним все вопросы относительно вечной жизни.

Узкие глаза Хубилая засветились неподдельным интересом.

— Да! Да! Я хочу… как раз это мне и нужно! Вы там на Западе знаете столько всякой всячины. А что, папа правда не женат? Вот так-так. Даже как-нибудь… неофициально? Ну и ну. И вы, По-ло, тоже не женитесь и не заводите официальных семей. Мне это очень пригодится. Ведь вы преданы только мне! Моим интересам! Все остальные преданы прежде всего своей семье. Семьи преданы кланам. А когда кланы обретают могущество, возникают раздоры: небрежение обязанностями, гражданские беспорядки. Большие бедствия для людей и урон для природы. Не будь Сына Неба на Троне Дракона, пираты грабили бы побережье, каналы переполнялись бы илом, рушились бы плотины и дамбы, падали бы каменные стены, через границу хлынули бы враги — и крестьяне голодали бы в лихую годину. Это общеизвестно. И никто этого не желает. Но если дать волю, никто не удержится от возвышения фамилий, образования кланов, лихоимства…

Марко знал, что все, сказанное Хубилаем, сущая правда. Но знал он также и то, что ни он сам, ни отец, ни дядя не желают потратить всю свою жизнь на безупречную службу великому хану. Не намерены они до конца дней выполнять его административные поручения, помогая обеспечивать мир и спокойствие на необъятных просторах Катайской империи.

Кроме того, отец и дядя уже не так молоды и устали от бесконечных странствий. Все чаще они заговаривали о том, как хорошо было бы со славой вернуться в родную Венецию, под щит с четырьмя черными скворцами, вернуться домой, в нежный уют розовых стен Палаццо ди Поло, пройтись по обсаженным кустарниками берегам Словенского канала. Готов был отправиться домой и Марко — позаботиться об оскудевших и заброшенных закромах семьи Поло. Создать наконец и собственную семью. Теперь все трое только и мечтали, чтобы вернуться, прожить свои жизни в мире и умереть в собственных постелях —

в Наисветлейшей республике Венеции.

Но туда их могло вернуть только позволение великого хана — только его золотой пропуск. А золотой пропуск этот нельзя было добыть ни подкупом какой-либо фамилии, ни подкупом целого клана. Только преданным служением Хубилаю.

Вздохнув, Марко сказал:

— Что же касается повеления вашего императорского величества насчет… — Марко опять хотел обратиться к теме папы, священников и доктрины вечной жизни.

— Ладно! Ладно! Не продолжай… — Великий хан махнул рукой — глухонемой слуга тут же свернул свиток и поместил его обратно в шелковый футляр.

Потом по мановению руки Хубилая доверенная пара здоровенных глухонемых слуг с паланкином, что следовала в семи шагах позади, быстро приблизилась. Поставив паланкин на землю, они с бесконечной аккуратностью помогли своему господину туда войти. Затем великий хан с легким вздохом позволил им приподнять его распухшую от подагры левую ногу и осторожно возложить ее на подушечку из лисьего меха, набитую гусиным пухом. Еще один небрежный жест. Слуги мигом подняли паланкин и медленно двинулись вперед. Марко пошел рядом. Повсюду зеленые ивы свешивали свои сероватые сережки до самой глади пруда.

— Что такое заросли, шипы, колючки и ежевика для таких закаленных путешественников, как вы? — продолжил Хубилай-хан. — Что вам горы, пустыни и колдовские степи? Тьфу! Ерунда! Что вам так называемое чародейство? Что вам воображаемые опасности? И что опасности настоящие?

Пустяки, намекал тон величайшего и мудрейшего из земных властителей. Потом он благосклонно похлопал своего молодого друга по плечу.

— Вы, По-ло, люди Запада. А значит — доблестны… отважны… храбры. Вы сделаете для меня эту малость. Без огласки, разумеется. Мы объявим, что вы отправляетесь собирать солевой налог. Вы это выполните. А тогда я по-царски вас награжу.

Хубилай не требовал. И даже не приказывал. Он просто констатировал факт.

Очередной вздох Марко замер где-то внутри. Среди всех желаний великого хана — где находилось место любым причудам — было и то, чего он явно не желал. Не желал он, чтобы Марко, Маффео и Никколо прямо сейчас или в ближайшее время получили золотой императорский пропуск и высочайшее дозволение навсегда покинуть Катай. Вернуться домой.

«Бог очень терпелив», — частенько говаривал старый учитель Марко, отец Павел.

Троим Поло также предстояло проявить терпение. Возможно, если загадочная миссия венецианцев завершится успехом, Хубилай по-царски вознаградит их золотым пропуском и дозволением отбыть домой, в Венецию. Или если, к примеру, выяснится, что эта Спящая Красавица — кем бы она ни оказалась — секретом бессмертия не обладает. Что она, скажем, просто лентяйка и никакая на самом деле не красавица… Тогда Марко смог бы убедить великого хана, что ему самое время обратиться за советом к римскому папе с его доктриной вечной жизни. Да, эта авантюра все-таки давала кое-какие надежды…

— Слушаю и повинуюсь, мой господин, — с низким поклоном произнес мессир Марко Поло.

И вот они попали сюда — одному Богу ведомо куда именно, — сюда, где таится страшная угроза. И где медленно и неотвратимо надвигается смерть.

6

Кунь: Истощение.
Воды тонут под сухим озером.
В движении — раскаяние.

Когда валун двинулся, мессир Никколо Поло снова зашептал воззвание к Святой Деве

Марии и попытался вжаться еще дальше в щель меж испещренными черными прожилками обломками скалы. И тут произошли два вроде бы незначительных события. Во-первых, под коленом у Никколо щелкнула какая-то щепка, занесенная сюда, скорее всего, давно ушедшими в землю водами редкого дождя. А во-вторых, что-то больно впилось ему в бедро. Никколо тут же сообразил, что это крупный, странной формы кристалл, который он уже многие годы у себя хранил. (Ни один мало-мальски опытный торговец драгоценностями не верил, что кристалл этот представляет собой окаменевший лед, — но никто и не мешал верить в это возможному покупателю.)

Поразительная форма кристалла сама по себе представляла интерес, и Никколо решил хранить его в качестве амулета. И, как выяснилось, некоторыми странными свойствами тот и впрямь обладал.

После еще одного броска гигантского черно-белого барса валун опять двинулся. А потом со скрипом встал на прежнее место. Почти на прежнее место. На какую-то долю дюйма от прежнего места. Будь у Никколо желание, он мог бы прикинуть, сколько времени уйдет на то, чтобы валун упал. Но не было у него такого желания. Вместо этого ему очень хотелось — пока шлепанье громадных лап зверя указывало на то, что людоед по-прежнему ходит вокруг да около и собирается предпринять новую атаку, — отчаянно хотелось ему немного передвинуть в сторону впившийся в бедро кристалл. А заодно отправить куда-нибудь в сторону неба еще несколько воззваний к Святой Деве Марии.

Не отважившись двинуться дальше, чтобы убрать из-под бедра кристалл, Никколо — скрюченный, сдавленный со всех сторон — сунул руку за пазуху стеганого халата и ухватился за карман со странной формы камнем. Отчаянный рывок — и кристалл перестал больно давить ему в бедро. Сначала Никколо просто держал его в руке, снова и снова дивясь странному виду «окаменевшего льда». А потом — осторожно-осторожно — поднес кристалл к единственному лучику солнечного света, что недавно прорвался сквозь щель в обломках скалы. Лучик прошел насквозь. Нет, не просто насквозь — казалось, он закружился внутри кристалла, смешиваясь с клубящимися там облаками, чтобы снова появиться снаружи, но уже под другим углом.

И этот вышедший под углом солнечный луч (неведомо как утолщенный и усиленный) Никколо обратил на оторванные гигантским барсом клочки стеганого халата. С трудом, но ему это удалось. Хотя рука сильно дрожала.

Не отрывая лица от земли, мессир Маффео Поло лежал и слушал, как грифон увлеченно пожирает свежее мясо, только что бывшее человеком. Он пытался припомнить хоть какую-нибудь молитву, но в голову лезла только родная Венеция. Как солоноватые воды Словенского канала лениво плескались под окнами его спальни, еще когда он был зеленым юнцом, — и как те же солоноватые волны плескались в его снах. И как холодно поблескивали золотые мозаики четырех святых покровителей в тенистой арке громадной базилики ди Сан-Марко жарким летним деньком. Поблескивали и слепили глаза своим мутноватым сиянием. А пиршества… ах, эти несравненные пиршества…

Как требовал обычай, прежде дожа в главный пиршественный зал мраморного Герцогского дворца входил отряд одетых в алое волынщиков из Абруцц. Слухи по поводу сего ритуала ходили самые противоречивые. То ли Венеция раз приняла его, покорив однажды Абруццы. То ли Абруццы его добились, покорив однажды Венецию. «Хроники» и об одном и о другом умалчивали, так что каждый мог судить, как ему нравится…

И всякий раз, когда первое потрясение проходило, завывание и зудение тонуло в общей болтовне. Ибо излишняя молчаливость у венецианцев никогда не наблюдалась. И, как однажды заметил их главнокомандующий, никогда венецианцы не снисходили до того, чтобы возить на своих галерах мулов. А значит, волынщикам и мулам приходилось стучать каблуками (последним копытами) от удаленной их области на самом юге Италии.

— Марон! — вырвалось как-то у Маффео. — Что мы тут слушаем? Рев их мулов или их музыку? Или это без разницы?

Первое блюдо трапезы составляла пища, за которой далеко отправляться не

приходилось, а именно: водоплавающая птица венецианских лагун, начиненная трюфелями — белыми трюфелями Терра-Фирмы у венецианских берегов, а не черными, что так любимы франками и испанцами. Трюфелей было не так много, как обычно, ибо в честь близившегося праздника святых колокола звонили денно и нощно, а свиньи, специально выдрессированные отыскивать грибы на запах, выучились также разом бежать в укрытие, только заслышат знакомый звон. Ибо колокола звонят и в час тревоги — когда к городу приближается враг. Свиньи эти, понятное дело, отличались от тех, которым вначале предлагались кусочки каждого лакомого блюда — для твердой уверенности, что пища не отравлена. Таких свиней держали ровно тридцать три рыла. Говорили, мол, в память об Александре Великом, который (по легенде) был отравлен в Вавилоне тридцати трех лет от роду…

Очень скоро до Маффео дошло, что волынщиков уже нет. Появился более привычный оркестр, а когда музыка ненадолго смолкла, чтобы музыканты смогли выдуть слюни из своих инструментов, в дело вступили клоуны и всевозможные шуты. Многие высокопоставленные особы начали без зазрения совести набивать карманы целыми пригоршнями орехов и сластей со всех трех континентов, намереваясь забрать их домой — женам и детям, а также особо ценимым слугам. Тем временем несколько оркестров принялись играть по очереди. Ах, эти чудесные пиршества… ах, Венеция…

Обрывки тряпья, быть может, и не были столь же сухи и горючи, как полотно, сжигаемое в закрытом баке. Сухими, как гнилушки, они также не были. И все-таки оказались достаточно сухими. Особенно присыпанные черными хлопьями из прожилок в валунах — хлопьями этого странного катайского камня, что горит, как древесный уголь. Долгие-долгие мгновения Никколо смотрел на усиленный солнечный луч, проходивший сквозь кристалл как сквозь линзу. И ничего не происходило…

Ничего не происходило.

А потом — из кучки угольного камня и обрывков одежды, слабый-слабый вначале, стал пробиваться дымок. Вился все сильнее. Подрагивал. Никколо отчаянно думал, что же ему теперь делать. Наконец, полностью сознавая опасность принятого решения, с трудом нагнул голову к тлеющей кучке и принялся дуть. Шлепанье лап ненадолго смолкло. Потом гигантский барс снова бросился — и валун опять двинулся с места.

Не переставая молиться, Никколо дул. Вот дымок уже превратился в пламя. Тогда Никколо быстро схватил высушенную временем деревянную палочку и сунул ее в огонь. Вероятно, древесина сгнила не настолько, чтобы лишь тлеть, так как палочка мгновенно и ярко вспыхнула.

Тут мессир Никколо Поло закричал. Огромный зверь тремя широкими шагами обошел груду валунов и, как уже сотню раз до этого, сунул внутрь свою увенчанную страшными когтями лапу. А Никколо что было силы воткнул в эту лапу свою горящую палочку.

Гигантский барс взвыл от боли и потрясения. Бешено царапнул когтями груду камней. А потом, подняв обожженную лапу чуть не к самой пасти, подпрыгивая и громко воя, стремительно побежал прочь, обезумевший от нежданной и невыносимой боли.

Маффео Поло прекрасно знал, что сделает грифон, когда покончит со своей трапезой. Сам он, конечно, этого не видел, но слышал рассказ одного из свидетелей, рассказанный зловещим шепотом у ночного костра из кизяка и хвороста. Вначале грифон вытянет одно громадное крыло, затем другое и по очереди их почистит. Потом поднимет свою птичью голову и, хлопая мощными крылами, вперевалку пустится бежать по земле. Дальше он как бы изготовится к прыжку — и побежит на двух своих львиных лапах. Потом грифон выпустит кал — чтобы, по мнению тюрков, монголов и татар, разом убавить в весе, а значит, чтобы обрести дополнительные силы и легче взлететь. Наконец, с этими страшными звуками топанья и взмахов тяжелых крыл, кажущимися какой-то сатанинской пародией на сладкую песнь крыл серафима…

Звуки, которые теперь слышал Маффео, вполне соответствовали большинству из описанных. И венецианец — отчасти из-за шума, который вроде бы удалялся (известно ведь — «грифон никогда не оглядывается»), а отчасти просто оттого, что не мог он уже недвижно

лежать ничком, — поднял седую голову.

Увиденное немедленно вызвало у него возглас «Марон!» и жуткий испуг. Маффео тут же огляделся — но никто и ничто его не услышало. Тем временем из какой-то прежде не замеченной расщелины в мрачных скалах выскочил гигантский снежный барс, о котором раньше венецианец знал только понаслышке.

Зверь несся какими-то неловкими скачками, в основном на трех лапах, и рычал так, что Маффео тут же вспомнил взрывы катайского громового порошка. Время от времени, видимо просто по привычке, он наступал на четвертую лапу. Когда это случалось, барс испускал дикий крик — по тону совершенно несходный с криком грифона, — и казалось, он сам готов отхватить себе левую переднюю лапу.

Неужели грифон не заметил чудовищную кошку? Или грифону не было до нее дела? А может, грифон просто не мог остановить свой стремительный бег?

Грифон несся навстречу гигантскому барсу. Гигантский барс несся навстречу грифону. Потом, снова приподнявшись и продолжая бежать на двух лапах, грифон отвел в сторону свой змеиный хвост и оставил на земле еще один холм дымящегося смрадного кала.

Наверное, именно оттого, что грифон приподнялся и как бы подался назад, могучая кошка решила, что враг собрался напасть. Или гигантский барс просто обезумел от боли. Немыслимый бросок — и он вцепился грифону в глотку, глубоко запуская когти в мощное тело фантастической твари. Дважды грифон, неспособный сбросить с себя нападавшего, превозмогая страшную тяжесть, с дикими криками поднимался в воздух — и дважды беспомощно падал. Что за вой тогда раздавался! Какие визги и хрипы!

Маффео на что угодно мог спорить, что в третий раз грифон не поднимется. А тот поднялся! Поднялся! Кто еще со времен слепца Гомера, что под звуки арфы поведал о пожаре Трои, лицезрел столь величественную картину? Кровавая схватка разворачивалась уже наверху — под сводом желтеющего к сумеркам неба. Неба, которое Ван Лин-гуань назвал всего лишь иллюзией. «Н-да, — подумал Маффео, — лучше бы оно ею и было».

Выживет ли грифон, если сумеет стряхнуть с себя смертоносную ношу? Выживет ли гигантский барс, если сумеет снова притянуть противника к земле?

Все дальше и дальше в каком-то гигантском вихре ревела битва. Оба чудовища страшно кричали. Наконец, с неба хлынула настоящая река крови — и сплетенные в один клубок тела ринулись вниз. Сама земля содрогнулась от тяжеловесного удара.

Потом комок разделился на две половинки…

И в мире вдруг воцарилась мертвая тишина.

7

Цуй: Воссоединение.
Озеро плавает над землею.
Велики приношения царя хранителям храма.

Пещера оказалась тесной, темной и узкой. Собственно, и не пещера, просто мелкое углубление, выветренное на склоне рыбовидного холма примерно там, где у карпа расположены жабры. И помещался туда разве что один человек со своим конем. Но Марко обрадовался тесноте, когда выяснилось, что пещеру уже занимает татарин Петр, его молодой слуга. Спасаясь от отравленных стрел, татарин тоже бежал к этим поросшим кустарником рыбовидным холмам — будто ведомый своим тезкой, святым Петром, рыболовом.

Двое дрожащих, взмокших пони прижались друг к другу — словно не только от тесноты, но и для поддержки. Марко и Петр крепко обнялись, от души хлопая друг друга по спине, — тоже для поддержки.

— А остальные… ты их не видел? — спросил Марко.

Молодой татарин отрицательно покачал своей угловатой головой. Иссиня-черные волосы парня свисали из-под наушников подшитого мехом шлема будто блестящая шторка,

обрамляя его широкие скулы и черные глаза. Марко выбрал Петра из многочисленной стражи как личного слугу из-за редкой сообразительности парня, а также из-за таинственной способности общаться с ангелами — и духами-дьяволами, — что частенько наделяло его странной способностью предсказывать ближайшее будущее. Но теперь ни ангелы, ни духи-дьяволы не спешили обращаться к татарину, чтобы вывести их с Марко к остальным членам разбежавшегося отряда.

День клонился к закату, и, дав небольшой отдых измученным коням, Марко и Петр оставили свое укрытие и поднялись на вершину рыбовидного холма. Смертоносные вороны уже исчезли — но исчезли и сотоварищи двух путников.

— Мне частенько доводилось играть в прятки с царевичем Чингином среди плакучих ив, что растут вкруг карпового пруда Великого Уединения у зимнего дворца в Ханбалыке, — размышлял вслух Марко. — Здоровье Чингина пошло на убыль еще до моего прибытия в Катай, и он был слишком немощен для бурных охот и прочих мужских развлечений… Но когда погода баловала и царевичу становилось получше, он любил забавляться мальчишескими играми. А вдруг все это лишь игра в прятки в зимних садах дворца?

Сидя на своих мохнатых пони, Марко и Петр тревожно озирали горизонт в поисках хоть каких-то следов пропавшего отряда. А в голове у Марко снова и снова прокручивались игры в прятки с болезненным царевичем Чингином в парке под переливающимися черепичными крышами Ханбалыка.

Побеленные известью внешние стены зимней столицы великого хана в длину составляли почти тысячу ли. Они были окружены рвом и снабжены боевыми укреплениями, складами и мощными воротами, что вели в людный город Тай-тинь, отстроенный Хубилаем из пепла после монгольского нашествия. Меж этой наружной каменной стеной и выложенными яркой черепицей внутренними стенами, что замыкались вокруг роскошной императорской резиденции, располагались мощенные булыжником просторные дворы и сады для всевозможных церемоний. Рощи величавых деревьев сменялись там широкими лужайками, так напоминавшими Хубилаю родные монгольские степи, и всюду были проложены искусно вымощенные дорожки. Среди ив, рано цветущих сливовых деревьев и магнолий мирно паслись олени и играли белки.

В северном конце парка находился холм, где Хубилай приказал высадить великое разнообразие гигантских вечнозеленых деревьев, привезенных на татуированных слонах из самых дальних областей его империи. Холм этот выложили плитами зеленой яшмы и нефрита, а на вершине возвели павильон тоже из яшмы и нефрита — с загнутыми вверх свесами крыши. По углам крыши установили нефритовых драконов-хранителей. Впечатление павильон производил исключительно зеленое.

У основания Зеленого Холма кольцом располагался искусственный пруд, питаемый естественной протокой, куда животные приходили на водопой и где в изобилии водились карпы, лебеди, а также другая рыба и водоплавающая птица. Пруд пересекали изящные эмалированные мостики, что вели к Зеленому Холму и личному дворцу царевича Чингина по ту сторону протоки. Как раз у этого карпового пруда Великого Уединения Марко гулял и беседовал с Хубилаем, кормил с руки старого карпа и играл в прятки с недужным царевичем.

Худой как жердь и бледный как слоновая кость Чингин, лишь несколькими годами старше Марко, был одарен талантами игры на лютне и каллиграфии. Тонкие черты лица царевича то и дело искажались гримасой боли от изнурительной болезни, уже распространившейся по всему его телу. Но разум Чингина был столь же любознателен и остр, как и у самого Марко. Им просто суждено было подружиться.

— Расскажи мне еще раз о путешествии через Большую Армению, — нередко просил царевич, и Марко вновь и вновь рассказывал дивные истории о своих странствиях по Евразии.

Ни один из буддийских монахов, даосских магов или придворных лекарей Хубилая не мог распознать причину неравновесия Инь и Ян у Чингина. Никому не удавалось найти и метод лечения — несмотря на всю ворожбу и многочисленные изгнания нечисти,

исследования пульсов, дыхания и флюидов. Пробовали и лечение с тончайшими акупунктурными иглами, и сжигание лекарственных трав над нездоровой кожей царевича, и втирание едких мазей, и кормление целебными грибами заодно со смесями трав и высушенных, а потом растертых в порошок главных органов молодых сильных животных. Но даже обжаренные в кротовом жире гадюки никакого результата не дали.

— Вот если бы твой папа прислал сотню знающих докторов, как я того требовал… — обычно бурчал Хубилай, когда прикованному к ложу Чингину было особенно худо. Но внимательный взгляд великого хана недвусмысленно высказывал Марко сомнения в том, что даже папские лекари помогли бы любимому сыну катайского властителя.

В конце концов, когда безнадежность лечения Чингина стала ясна всем, Хубилай объявил своим наследником на Троне Дракона Тимура, юного сынишку больного царевича. И совсем юный Тимур получил дворцовые покои, равные покоям самого Хубилая, а также доступ к государственной печати. Отец же его тем временем все слабел и слабел.

И все же, когда погода баловала и недужному Чингину становилось получше, он по-прежнему получал несказанную радость от мальчишеской игры в прятки. А еще царевичу доставляло удовольствие потягивать горячее рисовое вино в зеленом павильоне, практикуясь в поэтической каллиграфии и рисовании коней в стиле прославленного Чао Мэн-фу, и играть на лютне, слушая рассказы своего венецианского друга Марко Поло о его путешествии в Катай… Марко Поло — того самого, который сидел теперь на гребне рыбовидного холма в жутких степях Западного Катая, по ту сторону Великой стены в 10000 ли, лихорадочно обшаривая глазами желтоватый горизонт в поисках своего отца или дяди, и желал, чтобы все эти ужасы оказались только игрой или захватывающим рассказом о чужих приключениях.

— Сир Марко, — внезапно прервал размышления своего хозяина татарин Петр, — а что это там на горизонте? Случайно не дым?

И правда дым. Но что это за дым? Дым уютного лагеря Поло? Или какое-нибудь новое чародейство?

— А что говорят твои духи-дьяволы? — спросил Марко у Петра.

— Они говорят, что не следует нам торчать целую ночь на этом продуваемом ветрами холме. Говорят, надо осторожно подобраться к огню и посмотреть, друг там или враг.

— Ха! — недовольно отозвался Марко. — Мое здравое итальянское разумение могло бы подсказать мне то же самое — без помощи всяких дьяволов.

— Значит, ваше здравое итальянское разумение и есть ваши дьяволы, ответил Петр и звонко хлопнул своего коня по крупу.

Но дым не привел их ни к другу, ни к врагу. Когда они, уже к самым сумеркам, наконец добрались до его источника, там оказалось нечто куда более зловещее, чем друг или враг. Ибо дым лениво вился из груды испещренных черными прожилками валунов — а исходил он от хлопьев загадочного угольного камня и… от серой шелковой мантии Никколо Поло. Вокруг же груды валялись громадные кучи испражнений какого-то исполинского хищника. Но ни страшного зверя, ни Никколо поблизости не наблюдалось. Быть может, тварь утащила отца Марко в свое отдаленное логово, чтобы с комфортом насладиться лакомой итальянской пищей?

— А что сейчас говорят твои дьяволы? — спросил Марко с тревожным выражением на вдруг побледневшем лице.

— Мои дьяволы — и, между прочим, ваше здравое итальянское разумение, если вы только к нему прислушаетесь, — говорят, что навозная тропа, оставленная зверем, размечена не хуже большой дороги великого хана. И еще — что она не замарана человеческой кровью. Так что давайте, хозяин, проследуем по этой навозной тропе и выясним, куда она ведет…

Сказано — сделано. Они проследовали по звериным испражнениям за нагромождение валунов и вскоре миновали разнесенные в клочья останки молодого монгола, пораженного отравленной стрелой. А примерно в трех ли от загадочной струйки дыма, на просторной, усыпанной гравием площадке, обнаружили всех остальных! Отца, Никколо, и дядю, Маффео Поло! Лица старших венецианцев выражали смертельную усталость, а одежда висела

лохмотьями — но они были живы! Целы и невредимы! Вместе с ученым Ваном и другими членами отряда они разглядывали недвижные трупы лежащих бок о бок грифона и гигантского снежного барса.

— Ну что? Значит, иллюзия? Да? Марон! — обрушивался на ученого Вана дядя Маффео.

— Да. Иллюзия. И очень большая. — Ученый утвердительно кивнул и невозмутимо сунул ладони в рукава своего подшитого мехом черного шелкового халата. — Такая большая и искусная, что даже я — если бы не десятилетия философской практики — мог бы поверить в реальность подобных фантазмов.

Живы… живы почти все — кроме молодого всадника, лопнувшего подобно переспелой винограднине от иллюзии отравленной стрелы, и злополучного катайского чиновника, с аппетитом пожранного грифоном. Целые и невредимые, снова собравшись вместе, они разбили лагерь на ночь. Соорудили костер из все еще тлеющих хлопьев угольного камня и остатков халата Никколо Поло и добавили туда всякую всячину. Ветки полыни, засохшие кизяки невесть каких животных и деревянные части вьючных седел, что валялись повсюду, сброшенные во время бешеной скачки.

— Надо отпраздновать наше избавление от этих напастей, — заявил Маффео Поло, пока все потягивали кислое кобылье молоко и глодали жилистую копченую баранину, да еще несколько плодов ююбы. — Давайте-ка пошлем наших слуг на рынок у Биржи — пусть купят там добрый баррель сладчайшего красного вина Тосканы и корзину свежепойманных сардин из наших родных венецианских лагун. Сардины следует поджарить со свежим репчатым луком и чесноком на золотистом оливковом масле. А есть их должно с горячими пшеничными булочками с хрустящей корочкой, испеченными в большой кирпичной печи, что рядом с кухней в Палаццо ди Поло. Что за чудная трапеза для странствующих купцов, наконец вернувшихся к семейному очагу! Нам следовало бы собрать вокруг себя всех наших племянников и племянниц и поведать им удивительные истории…

— Кажется, я сейчас заплачу, — с тихим вздохом отозвался Никколо. Сколько лет я уже не пробовал горячих пшеничных булочек! Здесь нет ничего, кроме проса, песчаного риса и этой проклятой склизкой лапши, что заползает в глотку, будто змея или червяк! Червяк, будь он проклят!

— Лапша может быть и не столь отвратна, если ее приготовить как надо с оливковым маслом и чесноком. Стоит, пожалуй, добавить и тертого сыра. Нет, венецианцам она вполне могла бы прийтись по вкусу. Многие стали бы выкладывать за нее кругленькие суммы. Давай-ка, братец Никколо, захватим домой немного сухой лапши. Если мы, конечно, вообще туда вернемся, сказал дядя Маффео, сопровождая негромкий вздох Никколо своим собственным, куда более шумным, и закутываясь в плащ из шкуры росомахи, чтобы защититься от ледяного ветра, беспрестанно продувавшего пыльные северо-западные степи.

— Если великий хан когда-нибудь нам позволит… — проворчал Никколо, перебирая свои нефритовые четки (каждая бусина размером с доброе голубиное яйцо, ценою же как минимум в три корзины, полные отборных белых трюфелей, на рынке у Биржи). — А теперь давайте закончим нашу жалкую трапезу из скисшего кобыльего молока, жилистого мяса и этих непонятных фруктов, которые вроде и не фиги, и не финики. Пора спать. Кто знает, какие напасти, может статься, будут подстерегать нас утром — когда мы опять пустимся на поиски этой неуловимой Спящей Красавицы…

— «Может статься», отец? Ты сказал — «может статься»? — переспросил Марко.

8

Кунь: Исполнение.
Земля сверху и снизу.
Стойкая кобылица находит друзей на юго-западе.

Новые напасти едва смогли дождаться утра. Закутавшись в давно облюбованные паразитами заплесневелые спальные меха, старшие Поло и их люди крепко спали, когда рассвет уже начал оттенять болезненно-желтоватое небо на востоке лиловыми тонами. Марко же пребывал в какой-то полудреме. В столь суровых условиях он никак не мог нормально выспаться. Усыпанная гравием земля была слишком жесткой и колкой, блохи в спальном меху венецианца оторваться не могли от его аппетитной плоти. А хуже всего духи пустыни, подобно пронизывающим ветрам, что-то беспрестанно нашептывали в самое ухо. Так что если крепкий сон и наступал, то сопровождался он лихорадочными сновидениями и резкими, будоражащими пробуждениями.

И теперь крепкий сон уже не приходил. Вместо него в ушах у Марко вдруг зажужжало и загудело — и духи тут были уже ни при чем. Нет, не духи. Вполне реальное жужжание и гудение целых полчищ кусачих нефритово-зеленых мух, слетавшихся к распухающим трупам грифона, монгольского стражника и гигантского барса. Миг — и они были уже буквально повсюду: садились Марко на лицо, заползали в уши и ноздри, под одежду и под меха — и кусали, кусали, нещадно кусали все тело. Потом поднимались и кружили зеленовато-черными жужжащими облаками — а им на смену тем временем подлетало новое голодное подкрепление и отчаянно бросалось на добычу.

— Марон! Да это же сам Вельзевул! Повелитель мух! — вскричал дядя Маффео, выпутываясь из спальных мехов и тщетно пытаясь отмахнуться от безжалостного роя.

Монгольские всадники, выкрикивая невнятные степные ругательства, принялись отчаянно расцарапывать свою искусанную кожу. Верблюды скалились и фыркали, а кони ржали, били копытами и пытались сорваться с привязи сбежать от этой нефритово-черной жужжащей нечисти, что плотно рассаживалась на их шкурах. Татарин Петр дико вскрикнул, когда маленькие жадные твари залепили его измученные глаза.

И тут сквозь весь хаос и смятение острый слух Марко различил еще один странный звук. Словно бой ручного барабанчика и протяжные распевы поклоняющихся Будде Шакьямуни. («Живи он в христианские времена, говаривал как-то отец Павел, — был бы великим святым для Господа нашего».) Потом в поле зрения показалась весьма любопытная фигура. Низенький оборванный старикашка с бритой головой, в потрепанных бордовых одеяниях буддийского монаха.

Старикашка бил в барабанчик и тянул свою заунывную песнь — а глаза его полны были спокойного безразличия к озверевшим насекомым и хлопающим себя по всем местам и проклинающим все на свете людям. Наконец, он поднял левую руку и как-то по-особому согнул пальцы. Потом голосом певучим, тонким как тростник завел другое песнопение, что словно звучало в тон с жужжанием мух, и закончил его резким бранным «пхат».

Стоило монаху прокричать свое «пхат» трижды, как мухи вдруг куда-то исчезли.

Все монгольские и татарские всадники разом припали к земле в низких благодарственных поклонах своему избавителю, в то время как трое Поло и ученый Ван, сложив руки на груди, склонили перед ним головы. Бродячий ла-ма высунул язык в знак приветствия, что соответствовало обычаю его горного народа. Марко внимательно разглядывал широкую физиономию, обмазанную прогорклым маслом для защиты от непогоды. По сальному перепачканному лицу и грязному зловонному халату можно было заключить, что к воде старик если когда-нибудь и прикасался, то очень давно. От маленького ла-мы несло примерно как от барана в тесном загоне. Но черные глаза его лукаво поблескивали.

Марко и раньше встречал таких бродячих колдунов, когда они шастали по узеньким проулкам беспорядочно расползшегося столичного города Тай-тиня, добывая себе пропитание за счет суеверий идолопоклонников. Частенько один или несколько забредали во владения преуспевающего купца и располагались там, заявляя, что хозяину нужна защита от нависших над ним демонических сил. И вопросов у купца никогда не возникало. Вернее, только один сколько и как заплатить. Торговались, как правило, долго.

А порой они на многие месяцы останавливались в просторных помещениях самых

солнечных двориков при доме и требовали себе самые изысканные блюда, а то и наложниц хозяина. В качестве платы за свои замысловатые заклинания и песнопения, с помощью которых якобы отваживалось зло, монахи предпочитали брать золото и самоцветы (но ни в коем случае не новые бумажные деньги великого хана). И, что любопытно, пока они находились при доме, никаких бед с его хозяином и впрямь не происходило. Быть может, демоны их страшились. Но Марко не раз задумывался, помогает ли им всякий раз удача или некоторые ла-мы сами фабрикуют демонов, чтобы обеспечить себе уютный кров в холодную зимнюю пору.

Но теперь, увидев чародейство в деле, Марко вынужден был признаться себе, что искусство ла-мы весьма его впечатлило. Весьма — и даже очень.

— Благодарю вас, драгоценнейший, за то, что избавили нас от этих докучливых мух, — сказал Никколо Поло как глава и старейшина всего отряда. — Осмелюсь ли предложить вам немного подкрепиться от наших скудных припасов? У нас имеются кое-какие скромные сласти и вино, каковые мы аккуратно хранили для подобной оказии…

— Я всего лишь бродячий монах. Вызываю дождь и изгоняю мух. Сластями меня кормит земля, вином же поит небо. Сегодня сласти? Завтра дерьмо. Сегодня вино? Завтра моча. Я не нуждаюсь ни в чьем подслащенном рисе, ответствовал ла-ма своим высоким дрожащим голосом, что выпевал звуки подобно непрестанным ветрам. — Но как столь сильный и благородный отряд оказался в этих подлых и каменистых степях?

— Мы… мы тут собираем gabelle, солевой налог для великого хана Хубилая, — ответил Маффео, все еще расчесывая мушиный укус на своей крепкой руке. Убедит ли это монаха? Маффео и сам сильно сомневался.

— Ах да… соль так важна для притянутых к колесу. Говорят, без нее пища теряет вкус. Ха! Теряет вкус! Одна чувственная иллюзия порождает другую. Сначала платят за соль, которая вызывает жажду, потом платят за вино, чтобы эту жажду утолить. Вот забава! Но здесь вряд ли кто-то может заплатить налог — разве вон те кусты колючек. Хотя, полагаю, царь Хубилай непременно исхитрится получать барыш даже с них. — Маленький ла-ма захихикал и покрутил своим барабанчиком, который, разглядел вдруг Марко, состоял из двух истертых человеческих черепов, непонятно как сцепленных и накрытых черной как сажа шкурой, а также нескольких бирюзовых бус, что висели как бахрома и постукивали по барабанчику, когда тот крутился.

В ответ на столь смелые, почти крамольные речи монгольские всадники недовольно заворчали, а ученый Ван, нахмурившись, принялся важно крутить свои усы из двенадцати с половиной волосков. Придворные философы вообще-то не очень ладили с бродячими кудесниками.

— Тут, драгоценнейший, вот какое дело, — поспешил вмешаться Никколо. Мы сбились с дороги. В эту пустынную местность нас загнали хищный грифон и гигантский снежный барс. Их трупы, надо думать, и привлекли сюда этих злобных мух… Так что если бы не вы…

— Сбились с дороги? В самом деле? — своим пронзительным голоском перебил ла-ма. — Так поднимитесь на те холмы на севере. Видите вон те холмы, похожие на косяк жирных карпов? Сразу за ним находится торговый город, где вы найдете кров и пищу и для себя, и для ваших коней и верблюдов. А заодно и прибыток для налоговых закромов Хубилая. — С этими словами маленький ла-ма зашагал прочь, вовсю крутя своим барабанчиком из человеческих черепов и заводя песнь, что звучала в ушах у Марко как подвывание беспрерывных ветров.

— Что-то не помню я за теми холмами никакого торгового города, — хмуро проворчал татарин Петр. — Мои духи-дьяволы шепчут, что тут какой-то подвох.

— Все иллюзия, — заявил ученый Ван, снова с облегчением ступая на свою родную философскую почву.

Несмотря на шепотки петровских дьяволов, Поло все же решили перевалить за рыбовидный гребень.

— …Что нам там сделается? — резюмировал дядя Маффео, дергая себя за бороду так,

словно убеждаясь, что она по-прежнему надежно крепится к подбородку.

И правда. Что им там сделается? Марко и Петр снова повернули своих коней на север — обратно к извивам спасительных холмов. Но Петр оказался прав. Не было за холмами никакого города. Лишь безлюдное топкое дно пересыхающего озера.

— Попробуем немного проехать по этому болоту, — сказал Пикколо, теребя свои вторые по значимости янтарные четки.

— Не нравится мне все это, — пробормотал Петр.

Не понравилось это и первому же монгольскому всаднику, что въехал на зыбкую почву, держа в руках императорское знамя с солнцем и луной, трепыхавшееся на унылом ветерке. Совсем не понравилось. Конь сразу же чуть не по брюхо погрузился в омерзительно липкую грязь — и невозмутимое выражение на круглом лице монгола сменилось гримасой сильного испуга.

— Стой! Трясина! — крикнул начальник стражи.

Все остановились и стали в безмолвном ужасе смотреть, как конь с диким ржанием погружается по самую шею. Потом, в отчаянной попытке хоть на что-то опереться, животное наклонилось вбок — и тут же голова с украшенной цветными лентами гривой ушла в болотную жижу. Молодой всадник соскользнул в мерзкую кашу и, бешено размахивая руками, попытался доплыть до твердой земли. Начальник стражи бросил монголу пеньковую веревку и попробовал его вытащить, но заляпанная липкой грязью веревка выскользнула из рук бедняги, как отчаянно он за нее ни цеплялся. Марко затошнило при виде того, как трясина, будто живая, хватает всадника за кожаные доспехи, сжимает его в своих полужидких объятиях и тянет вниз — вниз, вниз, — пока руки его лихорадочно машут, а безумные глаза мертвеют от ужаса. Вскоре на поверхности болота остался только кожаный шлем с отороченными мехом наушниками.

— Вопрос теперь в том, кто замыслил против нас это непостижимое темное колдовство. — Так выразился отец Марко, когда они разбили на ночь грубое подобие лагеря.

Кто наслал зловещих ворон, что сначала обратились в змей, а потом в страшные стрелы? Кто измыслил жуткую и стремительную гибель молодого монгольского всадника, отравленного ядом, с которым не сравнится яд самой опасной из змей? Кто напустил на них грифона и гигантского барса, вызвав этих монстров из их древних логовищ? Кто выслал к ним вероломного ла-му, что отправил отряд в смертоносное болото, где еще один всадник встретил мучительный конец?

Дядя Маффео потеребил золотой крестик на груди.

— Будь уверен, братец Никколо, тут зло номер один. Сатана. Сам дьявол.

Но братец Никколо сомневался.

— Выполняй мы какое-нибудь христианское поручение христианского короля, дьявол, конечно, попытался бы нам воспрепятствовать. Такова его природа. Но что мы имеем на самом деле? Наш царственный повелитель — вовсе не христианин. Он язычник. Идолопоклонник. И какое его поручение мы теперь выполняем? Пожалуй, не сказал бы, что оно противоречит святой католической вере… Но все-таки это и не доброе деяние во славу Господа. Нет, не вижу, ради чего самому дьяволу совать сюда копыто. Но какой-то из меньших чертей наверняка тут замешан. А может, целое их полчище. Как думаешь, Марко?

Марко медленно кивнул.

— Но все же, — вслух размышлял он, — черти могут направляться людьми. И очень часто. А тот ла-ма — был он человеком, степным призраком или самим чертом? Голос его так странно звучал у меня в голове — будто ветер. Кто же обладает могуществом, достаточным, чтобы воплотить в жизнь подобное чародейство? И кто к тому же враг великого хана?

— Престер Иоанн? Или, быть может, Горный Старец? — предположил дядя Маффео. — Марон! Да откуда нам знать?

Но Марко продолжал свои раздумья:

— Престер Иоанн — из Индий. Из которых Индий, точно не знаю, но по крайней мере

не отсюда. А разве Горный Старец властен над этими степными пустошами? Его горы далеко на западе.

— Хайду-хан достаточно могуществен для подобного чародейства. И он враг великого хана, — заметил татарин Петр. — Помните, ведь этот ла-ма, человек он или иллюзия, дьявол или призрак, осмеивал имя великого хана и дотошно расспрашивал нас о нашей миссии. Он запросто может быть шпионом враждебного Хубилаю племянника — Хайду из Самарканда, хана льющихся трав и варварских степей. Хайду тоже приходится внуком великому завоевателю Чингису; он отказывается повиноваться Сыну Неба и присваивает себе его титул хана ханов.

— Кто знает, может, ты, парень, и прав, — отозвался Никколо. — Только надо было раньше соображать. До того, как мы влезли в это проклятое болото.

Много разговоров. Несчетные вопросы.

Немногие ответы. И никаких выводов.

При свете догорающего костра Марко сверялся со своими скудными картами, готовясь к утреннему выступлению. В дополнение к невероятно запутанному свитку-карте Хубилая он пользовался переведенными ученым Ваном картами Катая, сделанными с Летучей Птицы. На этих картах были прекрасно размечены хорошо известные провинции, но в приграничных районах все становилось куда туманнее.

Марко также внимательно изучал сильно потрепанную карту, которую начертал на пергаменте его старый учитель, отец Павел. Этот прощальный дар Поло несли от самой Венеции, и, несмотря на всю ее неточность, Марко дорожил картой, ибо она напоминала ему о доме. Конечно, отец Павел не был великим картографом, — а кто, впрочем, был им со времен великого Птолемея? Но едва разборчивые каракули монаха и удручающе неточные наброски разных районов Катая («Я, сын мой, родился под знаком краба, чей боковой ход соответствует ходу Луны… итак, я дитя Луны по рождению, а раз ход ее легок…») — все это, аккуратно скопированное Марко на случай, если совсем сотрется оригинал (который почти уже и стерся), путешествовало в переметной суме Марко. Часто он сверялся с набросками — и помощь, хоть и весьма малую, от них получал.

Отец Павел все именовал по-своему, игнорируя более ранние названия (если таковые имелись). Он никогда не утруждал себя отметить, что север находится сверху или (как бывало не менее часто) что там находится юг. Порой он нацарапывал заглавную «Г» для города — и точно такую же «Г» для гор. Хотя старый монах путешествовал по восточным торговым путям в качестве странствующего священника еще во времена своей молодости — давно, так давно! — ясно было, что он не прошел по всему тому неясному пути, которым, исполняя волю Хубилая, следовал отряд. Только немного на восток а потом совсем в другом направлении.

Возможно, скитаясь где-то еще, отец Павел слышал рассказы об этих пустынных землях на краю обжитого катайского мира. Быть может, когда выискивал татарскую орду, по слухам исповедовавшую христианство, или Потерянное Племя, чтобы его обратить. А может, ища владения Престера Иоанна — или Земной Рай. Земных же сокровищ монах не искал — как не интересовали его те люди и города, что привлекали всех остальных.

Марко уже не сомневался — отряд их теперь находится в области, что была указана на фрагменте, пронумерованном им самим римской цифрой L. Отец Павел, разумеется, был далек от того, чтобы что-то нумеровать. В левом нижнем квадранте трясущаяся рука монаха вывела: «Равнина Великой Опасности от…» — а дальше следовало прожженное насквозь место. Ветка хвороста превосходной растопки на этих гладких, безлесных равнинах — стерла слово или слова, которые подсказали бы Марко, в чем именно заключается «Великая Опасность».

Чуть выше на клочке пергамента та же рука нацарапала: «Здесь водятся грифоны и гигантские ирбисы». И здесь горящая ветка частично стерла написанное — на самом деле строка читалась как «Здесь водятся г…ы и гигантские ирбисы». Но впоследствии отец Павел другими чернилами аккуратно вывел под прожженным пятном: «грифоны». Почему же он

тогда не переписал то, что было стерто огнем на «Равнине Великой Опасности»?

Этого Марко узнать уже не мог. Но ему очень хотелось надеяться на то, что, какая бы опасность ни поджидала их на той равнине, она все же не столь велика, чтобы о ней предупреждать особо.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОДНА СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА НАЙДЕНА

9

Вэй-цзи: Еще не конец.
Огонь пылает над водами.
Отважный лисенок вымочил хвост.

Туманные карты увели их на много ли к югу, когда кто-то вдруг выкрикнул:

— Эй, путники!

И тишина. А потом:

— Стойте!

Поначалу путники загадочному голосу не вняли. Но выкрик, исходивший из-под кучки деревьев ююбы, повторился. Не отвечая и не спрашивая друг у друга, что предпринять, все замерли.

И тогда из тени выступил тот, кто их окликнул. И тень словно на нем и осталась — хотя, скорее всего, то была дорожная пыль. На вид мужчина был катаец, роста среднего, но очень крепко скроен и явно силен. Густые сплетения морщинок в уголках рта указывали на то, что человек этот либо не прочь при случае улыбнуться, либо привык щурить глаза от солнца и пыли. А быть может — и то и другое.

На поясе у мужчины висел видавший виды меч, и он нагнулся еще за каким-то оружием — как вскоре выяснилось, за алебардой, топор которой выдавался вперед заметно больше шипа. Шест алебарды был выкрашен красным. Красной, хотя и темной от пота, была его кираса из шкуры буйвола, что проглядывала из-под опять-таки красного выцветшего плаща. Поношенные короткие ботинки-сапожки красной кожи, свободная зеленая блуза (если ее можно было так назвать) и доходившие только до икр грубые конопляные штаны завершали костюм незнакомца.

Марко и раньше попадались подобные типы, что бродили по большим дорогам, проселкам и тропкам империи. Целые отряды их стояли лагерем под прикрытием арок величественного мраморного моста при въезде в столичный город Тай-тинь (широкий мост этот всегда завораживал Марко множеством изящных колонн, увенчанных резными каменными львами, — причем двух одинаковых львов там не было).

Эти «юй-ся» были странствующими искателями приключений, что частенько пользовались мечами для подкрепления своего достаточно сурового кодекса чести. Ряды их пополняли мелкие безземельные дворяне и их вассалы, оставшиеся без работы мастеровые и воины, разорившиеся купцы и крестьяне все, кто испытывал отвращение к повседневной работе — или просто ее не находил — и предпочитал вольную жизнь странствующего рыцаря. Они предлагали свою преданность и свою жизнь властительным феодалам — и, если их нанимали, не подчинялись уже никакому закону, кроме воли своего господина и собственного обостренного чувства справедливости. Со своим непокорным нравом и острым мечом такой рыцарь порой отважно (пусть и не всегда мудро) защищал приглянувшегося ему человека, не думая ни о награде, ни об опасности. Марко всегда уважал этих свободных и неукротимых воинов хотя и предпочитал делать это на почтительном расстоянии.

— Приветствую вас, путники, — хрипло обратился к ним незнакомец. Найдется ли в вашем отряде место для странствующего рыцаря?

— Рыцаря каких достоинств? — Никколо.

— Рыцаря из какой фамилии? — Маффео.

— Рыцаря с какими намерениями? — Марко.

Незнакомец держался со спокойной учтивостью. Марко почувствовал, что от заданных вопросов рыцарь испытывает затаенное удовольствие.

— Рыцаря многих достоинств. Рыцаря принципов — неважно каких. Рыцаря широких равнин и узких проулков. Порой именуемого Цзин Кэ, порой — Цзи Ань, а порой… но разве бывает у ветра молочное имя? Значит, назову себя Хэ Янь. — Все молчали, и незнакомец продолжил: — А вам, юный господин, скажу: истинный рыцарь не имеет собственной цели или намерений. Он просто идет по пыльной дороге, куда ему велят — или как он сам себе прикажет. А когда видит неправду, быстрым своим мечом ее исправляет. Так об этом принято говорить… — Тут Цзин Кэ, Цзи Ань или Хэ Янь умолк.

А ученый Ван Лин-гуань, до той поры бесстрастно сидевший на своем коне, вдруг откашлялся и смачно сплюнул. Но неуважения он как будто не выказал да и рыцарь так этого не воспринял. Вообще говоря, катайцам свойственно откашливаться и сплевывать безотносительно к человеку, месту или времени. Затем ученый Ван заговорил — нарочито искусственно, словно цитируя некий трактат.

— Хотя люди рыцарского достоинства с древности прославлены за бескорыстие, о мастере Цзине Кэ известно, что, будучи человеком слова, он вел распущенную жизнь. Ибо валандался заодно с торговцами собачиной, уличными музыкантами, шутами и прочей низкой публикой. С теми, что пьют на людях и поют на улицах. То поют, то плачут — то плачут, то поют.

— Хо! — снисходительно отозвался предполагаемый Цзин Кэ.

Ван Лин-гуань аккуратно пригладил двенадцать с половиной волосков своей бороды и продолжил:

— Хотя люди рыцарского достоинства с древности прославлены за верность и справедливость, о Цзи Ане известно, что он, несмотря на свою жертвенность, нрав имел неучтивый и самонадеянный.

Предполагаемый рыцарь Цзи Ань едва заметно пожал плечами.

— Мэй-яо фа-цзе, — отозвался он.

Ученый Ван кивнул. Катайская поговорка «ничего не поделаешь» хорошо подходила к его собственной философии. И он продолжил свой распевный речитатив:

— Замечено было, что Чу Мынь, пусть и прославил свою мать, имел малое уважение к закону и учтивым манерам. Ибо по душе ему были игры с буйными и беспутными юнцами. Такие низменные занятия, как бросание финиковых косточек в вышитые туфельки, которые снимают со своих лотосовых ножек певички.

Рыцарь с легким поклоном ответил:

— Когда я не при деньгах, я могу играть в финиковые косточки со своими грубыми сотоварищами у мраморного моста Многих Львов, что у городских стен Тай-тиня. Бессмертный Лао-цзы как-то шепнул мне на ухо, что «чем больше законов выдумывают законники, тем больше беззаконного народу». Несомненно, я Чу Мынь.

Но ученый Ван еще не закончил.

— Касательно Хэ Яня, другого странствующего рыцаря, прославленного в песнях и преданиях, известно, что, будучи пусть и смиренным стражем ворот Вэй, он послужил образцом рыцарского кодекса чести, отваги и преданности, с радостью предложив отдать свою жизнь за господина, оказавшего ему уважение.

Легкий ветерок поворошил просторную зеленую блузу рыцаря.

— Можете звать меня Хэ Янь, — справедливости ради заключил он.

Дядя Маффео беспокойно заерзал в седле.

— Марон! Известно, что катайцы, из которых, похоже, этот человек, часто меняют имена… причем законно… но все же какое из этих четырех…

Ученый Ван учтиво пояснил:

— Касательно этих четверых, старший господин, то все они давно мертвы.

Все трое Поло восседали на своих конях в полном недоумении. Монголы о чем-то переговаривались, катайцы посмеивались, а татары зевали.

Наконец рыцарь многих имен заговорил:

— Приходил некогда могучий князь с запада. Звали его Ис-кан-да, а жену его — Локша-на. Учитель того князя звался Ай-лис-тоту. Частенько он говаривал: «Определи понятие». Так что значит «мертвы»?

Ван с радостью вскочил на любимого конька.

— Иллюзия. Такова жизнь. И так, со всем своим состраданием, учил Будда Шакьямуни. А учитель Кун спрашивал: «Не зная жизнь, как узнаешь смерть?»

Никколо вздохнул. Глубоко-глубоко. Как всегда, когда речь заходила о столь эзотерических материях. Куда охотней его купеческий ум обращался к мыслям типа: «Полные два десятка аметистов „кошачий глаз“, каждый размером со зрачок взрослой кошки, что вышла на охоту в полнолуние» — и тому подобным. Никколо потер нос и принялся теребить свои нефритовые четки.

Маффео что-то проворчал себе под нос, а потом спросил, хватит ли у них провианта для лишнего рта. Марко прикинул, что если «лишним ртом» считать этого рыцаря — то скорее он и сам худо-бедно обеспечит себя провиантом.

— Значит, ты, племяш Марко, считаешь, что этому ловкому и крепкому парню можно позволить к нам присоединиться?

Марко рассмеялся:

— По-моему, уважаемый дядя, он уже к нам присоединился. Смотрите сами он уже с нами идет.

И точно. Никто не мог сказать, сколько они стояли и разговаривали. Никто не понял, когда именно они возобновили движение. И никто не знал, сколько они уже идут.

«Мэй-яо фа-цзе». Ничего не поделаешь.

Легкий на ногу, новый член отряда без видимых усилий не отставал от коней. А что до того, кто он на самом деле (хотя все вскоре привыкли звать его Хэ Янем, пользуясь последним из четырех имен), то… кто мог знать?

Наверное, только он сам.

10

И: Питание.
Гром рокочет у подножий.
Голодному тигру нет брода через великую реку.

В бесконечно тянущемся безводии — вода. Наконец-то.

Что, в общем, неудивительно, подумал Марко. Просто набрели они наконец на обширный водоем, служивший, скорее всего, в качестве отстойника для древнего водостока всей этой области. Если тут хоть раз в жизни шел дождь, то та вода, которая испариться не успевала (большая часть конечно же испарялась), скапливалась именно здесь. Хотя много жизней требовалось, прежде чем одна-единственная капля дождя просочится от широкой глади водоема до его дна — бесконечно долго фильтруясь сквозь почти непроницаемые толщи скал.

Мутная жара днем, ледяные туманы ночью. Грязь, сырость и слякоть… И все-таки — вода. Мужчины привстали на стременах. Нет, не от радости слишком они для этого измучились. Мужчины возвысили голоса. Едва-едва. Там, впереди, виднелась зелень. Там пруды и ручьи. Там…

— Эхма! Боюсь, только мираж! — Никколо, перебирая свои четки.

— С чего ты взял? — Маффео, дергая себя за бороду.

— С чего? А вот — кони. Верблюды, пони и прочая живность. Почему они не поднимают головы и не скачут туда галопом — утолить жажду?

И правда. Ведь теперь наверняка — да и давно уже — все животные почуяли бесконечно желанную воду. Сам Марко с трудом удержался от того, чтобы хлестнуть кнутом и пришпорить коня — рвануть туда, вниз по склону к отмели — к водной кромке. Затем спрыгнуть вниз, сдирая пыльную, пропитанную потом одежду, — и нырнуть в водоем…

Но все же он этого не сделал. И никто этого не сделал. Все только то и дело вскидывали головы и ежились от тупого гудения целых туч насекомых. А животные, как и раньше, трусили, не обращая внимания на водную гладь. Пока звуки плещущих по воде копыт не доказали, что все это по крайней мере не мираж. И, благодарение Господу, не болото.

— Похоже на Маремму или Понтине, — после долгого вздоха заметил Никколо, имея в виду знаменитые болотистые местности Италии.

— Да. Точно, — отвечая вздохом на вздох, отозвался его брат. — Боюсь, тут окажутся одни болота. Хотя… погодите-ка… почему одни болота… Он не договорил.

Теперь до их ушей донеслось кваканье — словно сотни тысяч лягушек составляли единый хор.

И — никаких зеленых полей. Зеленые поля оказались лишь иллюзией, созданной пенной поверхностью застойного болота. Никаких прудов и ручьев только бесчисленные разверстые дыры, проделанные ленивым ветерком или потоком, что разрывал липкую корку ила. Почти всем путникам тут же подумалось, что пусть бы этот мираж так и остался миражом. Почти всем…

Кроме одного из стражников, моложе остальных, которого Марко вполне мог бы принять за монгола, татарина и даже катайца, не выясни он ранее, что парень этот — из маньчжурской народности «кьоу». Всю дорогу юный всадник горбился на своем коне, позволяя тому везти себя куда придется. Глаза парень не просто полузакрыл от пыли, а еще и опустил их долу — отвел от монотонной череды равнин, — ехал, не замечая ничего, кроме желтоватой пыли, что оседала на украшенной яркой лентой гриве его коня…

Молодому маньчжуру, привыкшему к холмистым зеленым лугам родного края, надо думать, виделись о нем сны. Или он терялся в еще одном сне, где все тянулись пыль и песок, гравий и камни — тянулись и тянулись до бесконечности…

И вдруг что-то заставило поникшую голову вскинуться. Какой-то миг парень просто смотрел поверх гривы своего мохнатого пони. А потом с безумными воплями «Вода! Вода! Вода!» бросил пони в галоп.

Все смотрели, как конь со всадником несутся по склону ко дну естественного водоема, где грязь мешалась с промозглым туманом. Одной рукой парень держал поводья, а другой, с зажатой в ней шапкой, бешено колотил по напрягшемуся боку животного. Наконец они ворвались на мелководье — и всадник даже не спрыгнул, а просто соскользнул вниз, прорывая подсохшую корку и погружаясь ногами в грязную жижу. Все смотрели, как он, не обращая внимания на промокшие ноги, нагибается, складывает чашечкой ладони и подносит мутную воду к запекшимся, пересохшим губам.

Когда к маньчжуру подъехали товарищи, с его безбородого подбородка все еще капала вода…

И вдруг парень поднял широко распахнутые глаза.

— Ну как? — поинтересовался у него странствующий рыцарь, чаще всего именуемый Хэ Янем.

Юный маньчжур обвел всех взглядом, в котором нечто большее, нежели обычная боль, смешивалось с чем-то большим, нежели просто разочарование. Затем тоном малого ребенка, которому вместо привычного подслащенного вина вдруг дали прокисшее, парень вымолвил:

— Нельзя… нельзя пить.

Вдруг покрасневшие глаза маньчжура глядели на всех обиженно.

— Да? Нельзя? А почему? Она что, затхлая?

Парень все еще сидел на корточках.

— Затхлая? — неожиданно завопил он. — Нет! Нет! Хуже! Куда хуже затхлой!

Горькая! Поганая! Зараженная! Тут какая-то соль… — Блуждающий взгляд юного маньчжура наконец обнаружил то, что остальные давно заметили, — и он понял. — Проклятие! Смотрите! Даже кони ее не пьют!

— Это потому, что им хватает соображения, — откровенно высказался дядя Маффео.

Легкой иноходью отряд двинулся дальше, обходя злополучное болото по краю. Молодой стражник вскоре с трудом влез на своего коня и удрученно последовал за всеми.

А лягушки тем временем продолжали свой победно-издевательский хор.

Итак, победно-издевательский лягушачий хор продолжался. Горькая желтоватая грязь из отравленной почвы перемешивалась с жарким туманом болотного отстойника. Рыцарь Хоу Инь вдруг испустил странный звук — не то вздохнул, не то фыркнул. А потом медленно указал куда-то своей алебардой.

— Ну вот, — глухо и безразлично заметил Никколо. — Опять миражи. — И умолк. Снова.

Но не успел голос отца умолкнуть, как Марко заметил, что облака пыли и мглы быстро темнеют и пухнут. Затем в самом их средоточии, далеко-далеко, показалась пара приземистых серо-зеленых тварей.

— Лягушки! — изумился Марко.

Тем же бесстрастным тоном Никколо произнес:

— Нет, сынок, это не лягушки.

И отец оказался прав — это были вовсе не лягушки. Даже какие-нибудь искаженные, порожденные миражом. Путники увидели фигуры людей с лягушачьими головами, затянутые в серо-зеленые с оттенком бурого одежды. Казалось, твари спускаются по облаку прямо с небес.

— Но это, отец, и не миражи, — заметил Марко.

Странные твари то приближались, то удалялись. Трясли конечностями. Лягушачьи физиономии гримасничали.

— Марон! Что это? Что это еще такое? — Дядя Маффео был скорее заинтригован, чем испуган.

Перед тем как ответить, ученый Ван усердно откашлялся.

— Это варвары Южного моря, — пояснил он затем. — Хорошо известно, что между пальцами рук и ног у них имеются перепонки. Как я полагаю, чтобы удобнее было плавать. А благородный муж не плавает и даже не пытается плавать — точно так же, как благородный муж не пробует и летать. Учитель Кун Фу-цзы, чье имя вы, латиняне, искаженно произносите как «Конфуций», сказал однажды касательно чжоуского управителя…

Но Маффео не был расположен выслушивать, что сказал учитель Кун касательно чжоуского управителя.

— Как-как? Варвары Южного моря? Да, на некоторых тамошних островах живут люди с песьими головами. А вот с лягушачьими… но тысяча чертей! Почему они здесь? За тысячу лиг от Южного моря?

Ван предположил, что то, должно быть, бунтовщики против благих и справедливых (хотя порой сурово-справедливых — или справедливо-суровых) законов великого хана.

— Хотя и поразительно, что их демоническая магия распространяется на столь далекие расстояния.

Ученый Ван, похоже, не сомневался, что тут замешана магия. Не сомневался в этом как будто и Маффео. Ибо какое еще объяснение тут можно было придумать?

— Очень странно, — размышлял Ван. — Так далеко… впрочем, гнев порой передается на далекие расстояния. Мне доводилось слышать предания о громадном старом храме, построенном в этих приграничных областях, чтобы славить милостивую госпожу Гуань-инь и отваживать бесчинствующих демонов с головами лягушек, так что… Хо! — Мерзкие фигуры в очередной раз удалились в желтый туман, но взгляды всех путников были обращены на невозмутимое (до той поры) лицо ученого Вана. Катаец впервые с начала

похода позволил себе опуститься до уровня обыденных чувств настолько, чтобы вскричать «хо!». Что бы это значило?

Буквально мгновение спустя ученый Ван несколько прояснил ситуацию, как всегда нараспев процитировав указание из загадочного свитка Хубилая, который, как предполагалось, должен направлять их маршрут:

— «Отведай моря там, где нет моря…»

И стоило ему это сказать, как таинственные фигуры снова появились из тумана и облаков, — но теперь их стало больше. Все они разевали рты и бурно жестикулировали. Тут у Маффео Поло вырвалось какое-то нечленораздельное восклицание.

— Может, отведать еще и этих мерзких демонов? — возопил затем вспыльчивый венецианец. — Говорят, франки едят лягушек. Они-то, возможно, их бы и отведали! Но мыто? Нет! Никогда! Пусть сарацины зовут «франками» всех европейцев — мы же…

Но тут тираду Маффео прервал недавно принятый в отряд рыцарь Хэ Янь, который многозначительно поднял свою алебарду.

— Слова и названия, мой добрый господин, могут подождать, — отрезал он. — А теперь времени осталось только на то, чтобы каждый из нас обнажил свое оружие и приготовился к битве за того славного повелителя, под чьим знаменем с солнцем и луной он несет службу.

Рыцарь не ошибся. Тут же и слева, и справа из желтоватых облаков пыли и тумана начали возникать громадные фигуры тварей с лягушачьими головами.

Число их было несметно.

А назойливый шум кваканья все нарастал.

Впоследствии Марко не мог в точности припомнить, каким оружием сражался тот жуткий и нежданный враг. Но ясно было, что оружие оказалось острым свидетельство тому не один глубокий порез и не одна колотая рана. Однако не раны сделали то сражение столь памятным. Марко уже приходилось сражаться и против ножеметателей, и меченосцев, и лучников — и в памяти все эти схватки часто накладывались одна на другую.

А это сражение ярко запечатлелось в голове у венецианца. Почему? Во-первых, странные враги были громадного роста. Во-вторых, целые полчища их выпрыгивали вроде бы ниоткуда — если не считать густых зарослей болотного тростника, — выпрыгивали, будто казни египетские. А еще — из-за их причудливой внешности. Приплюснутые черепа; глаза, горящие на таких же серо-зеленых, как и одежда, лицах; широченные рты и бородавчатая кожа. Запомнились и квакающие боевые возгласы тварей.

Но больше всего впечатался в память исходивший от врагов затхлый, навозный смрад. Запах дерьма и плесени — словно раздавили гнездо болотных гадюк. Хотя и каналы Наитишайшей Венеции, куда опорожнялись тысячи уборных, тоже не пахли розовым маслом. Но тут… Марко навсегда запомнилась вонь тех демонов. На всю жизнь.

Но оставалось и еще кое-что, достойное припоминания.

И некоторых раздумий.

Ближе к концу яростного сражения на северо-западе, на фоне закатного неба, Марко увидел громадную фигуру. И то был уже не варвар Южного моря не жаба и не лягушка.

— Хэ Янь! — завопил Марко, ибо фигура непонятным образом напоминала странствующего рыцаря. Сходство было даже большим, чем (пример родился сам собой) сходство между венецианцами и катайцами. — Хэ Янь! — снова завопил Марко, но в шуме битвы никто его не услышал.

И в то же время чертами лица и одеждой фигура не походила ни на одного из земных рыцарей. Марко казалось, что громадный силуэт — парящий в мутно-красном закатном небе и словно топчущий мощными ногами желтые сумерки, — что лицом и внешностью фигура эта напоминает одного из царей-хранителей, стоящих на страже у входов в храмы идолопоклонников. Но которого из них? Хорошенько подумать просто не было времени…

Багровокожая фигура оглядывала поле боя выпученными глазами, сверкающими из-под колючих бровей. В опущенных уголках губ виднелись длинные клыки, а пальцы

идола, увенчанные острыми ярко-красными когтями, сжимали корчащуюся белую змею. Сияющая позолоченная мантия лучшей парчи свободно окутывала массивное тело, искусно уложенные волосы словно окольцовывали гневное багровое лицо, а огромные конечности посверкивали от золота и драгоценностей.

Марко казалось… хотя горящее желтовато-красное солнце, обманная пыль и мгла, да еще бешеные броски его почти обезумевшего коня не позволяли судить с уверенностью, — и все же казалось ему, что грозная фигура держит в руке громадный боевой топор и могучими ударами буквально косит страшного и смрадного врага. То возносится, то кружится как смерч в золотистых одеждах — сверкает топор и искрятся драгоценности. И с каждым огнистым взмахом несметное множество ужасных врагов валится на болотистую, кочковатую землю.

Пусть редко, но Марко все же удавалось прикрыть рукой глаза от алеющего солнца и бросить взгляд на сияющее видение. А потом фигура, так напоминавшая Хэ Яня, исчезла. Будто растаяла. Впрочем, Марко уже увидел достаточно.

Тут и там причудливые твари («Фигуры и силуэты, — размышлял позднее ученый Юань. — Силуэты и фигуры. Силуэты фигур и фигуры силуэтов. И все, естественно, иллюзия…») — по-прежнему причудливые лягушки приседали и прыгали. Временами им даже удавалось почти одолеть пешего или конного — но теперь врагов оставалось так мало, что людям великого хана удавалось вовремя подоспеть на помощь своему собрату. И вскоре орда демонов — если они, конечно, были демонами — вся полегла. На поле боя не осталось ни одной сражающейся болотной твари.

Мокрым от пота рукавом Хэ Янь вытер побагровевшее лицо.

— Я бьюсь со всеми, кто нападает, — еще не успев отдышаться, заметил он. — Но все-таки предпочел бы сражаться всего лишь с людьми или призраками. — «Всего лишь!» — повторил про себя Марко. — А эти… — Рыцарь сделал акцент на последнем слове и качнул по своему обыкновению алебардой, с топора которой стекала мерзкая сукровица. — Насчет этих я сомневаюсь, что они в той или иной мере люди… или призраки.

Когда Марко взглянул туда, куда указывал алебардой рыцарь, на ум ему пришел другой латинский изгнанник, Овидий, и его «Метаморфозы». Ибо там, на земле, повсюду валялись порубленные трупы. И поодиночке, и по двое, по трое, а где — целыми грудами и холмиками. Ни одного целого тела громадная армия дохлых и издыхающих лягушек.

«Отведай моря там, где нет моря…» Так было начертано в «проклятом» свитке великого хана. Превосходно! Ведь лягушки — водные твари. Все верно. Впрочем… теперь, когда у Марко появилось время подумать спокойно, он понял, что к морю их враг отношения не имеет. Итак, кровь пролилась, а загадки свитка так и не разгаданы.

Наконец, желая до прихода ночи убраться из этого мрачного места — а то как бы им совсем тут не остаться, — Марко оседлал коня и поднял руку, призывая всех ко вниманию.

— Вот куда нам теперь нужно, — сказал он, указывая на мерцающий в отдаленной мгле гребень, откуда хорошо просматривались все окрестности. Туда и отправимся.

Негромко (и уже далеко не столь победно) провожали их кваканьем лягушки. Квакали и квакали — а отряд двигался дальше.

11

Гуань: Созерцание.
Ветер кружит над землею.
Древние цари отправлялись наставлять народы.

Всю ночь преследуемый зловещими видениями и голосами, к утру отряд достиг желанного гребня. Но там не оказалось твердых гранитных скал. Вместо них в небо поднимались желтовато-красные крутые утесы с прожилками загадочного черного камня, что горел, как древесный уголь. А по ту сторону гребня оказался целый лабиринт

извилистых ущелий и каньонов.

— Итак, молодой господин, как бы вы предложили преодолеть это препятствие? — с некоторой ехидцей поинтересовался ученый Ван.

— Искомый путь за нас выберут кони, — с той же ехидцей ответствовал Марко. — Методом простого переставления копыт они найдут выход из этого лабиринта.

Но на самом деле все оказалось не так просто. Паутина ущелий головоломно мотала отряд то туда, то сюда, то вообще непонятно куда. И порой лишь струйки воды, бегущие по песчаному дну, указывали на трещины в крутых каменных стенах.

Ослепительные столбики солнечного света падали поначалу почти вертикально, а потом — под все более заметным углом. Время шло. Солнце ослепительно сверкало на гладких камнях, и от этого блеска, а еще от удушливой желтой пыли из-под копыт животных у Марко уже начала кружиться голова. Время от времени по какой-нибудь из раскалившихся на солнце каменных плит шустро пробегала полосатая ящерица — но больше никаких признаков жизни не наблюдалось.

Лениво переставляя копыта, кони следовали по немыслимо запутанному клубку проходов от удручающих тупиков к монолитным баррикадам, а оттуда к неожиданным каменным карнизам. Множество раз приходилось возвращаться назад — и всякий раз оказывалось, что обратный путь перекрыт. Так животные и блуждали, пока Поло, наконец, не убедились, что дорога к тому месту, где они вошли в лабиринт, потеряна безвозвратно.

— Примерно так же размечен наш путь обратно в Венецию, — проворчал Маффео, нетерпеливо дергая себя за бороду. — Пусть хоть Петр спросит своих дьяволов, как нам отсюда выбраться.

— Простите, падроне, а какого именно дьявола? — осведомился молодой татарин. — У меня их много — и все превосходные.

— Марон! Почем мне знать какого? Того, который нас выручит, — или грех падет на твою некрещеную башку…

Но обращаться к дьяволам Петра не пришлось, так как, стоило им только войти в очередной узкий тупик, перед ними возникла фигура, очень даже смахивавшая на дьявола. Хотя, присмотревшись сквозь сияющую мглу, Марко понял, что фигура на самом деле вполне обычная — и лишь странность ее появления в столь уединенном месте придавала ей что-то… демоническое.

С виду фигура выглядела совсем по-человечески, — и Марко надеялся, что это и впрямь человек. Мягкая кожа, раскосые глаза и вьющаяся бородка нормального катайца. Черные волосы стянуты в тугой узел на затылке. Над длинными шароварами черного шелка и черными войлочными шлепанцами довольно потрепанный черный халат ученого. Внешность незнакомца никак не вязалась с этим отдаленным местом — и тем не менее он как ни в чем не бывало с настойчивостью хорошего борова подкапывался под один из выступающих из стены валунов своей тросточкой с набалдашником из слоновой кости.

Марко скорее ожидал бы встретить такого ученого растрепу сидящим под персиковым деревом в солнечном дворике владений какого-нибудь богатого купца и штудирующим вместе с купеческими детьми выдержки из «Четверокнижия» за хозяйские харчи. Хотя этот и впрямь что-то нараспев цитировал — вот только Марко никак не мог понять что. О чем он тут поет и что ищет — и почему здесь?

Подобравшись поближе, Марко удалось разобрать самые простые фразы:

— «Металл валит дерево… Вода тушит огонь… Дерево проникает в землю… Огонь плавит металл… Земля задерживает воду… Такова последовательность подчинения пяти стихий…

Осенний металл творит воду… Зимняя вода творит дерево… Весеннее дерево творит огонь… Летний огонь творит землю… Предосенняя земля творит металл… Такова последовательность творения пяти стихий…»

— Он цитирует взаимодействие пяти стихий в человеческом теле, негромко пояснил ученый Ван. Все они двигались и говорили очень тихо, так как незнакомец почему-то все

еще не слышал приближения отряда из двадцати мужчин и вдвое большего числа животных и прерывать его размышления было бы весьма невежливо.

Наконец, прекратив свою декламацию, ученый поднял взгляд и с глубоким поклоном приветствовал путников. Все трое Поло и ученый Ван спешились и подошли к незнакомцу, желая удовлетворить свое любопытство и по возможности узнать выход из этого лабиринта, что выглядел лишь закорючкой на их приблизительных картах.

— Приветствую вас, достойные путники! — без малейшего удивления обратился к ним ученый в потрепанной одежонке. — Осмелюсь спросить, что привело вас в столь пустынное место?

— О том же мы могли бы спросить и вас, — отозвался Никколо, глава и старейшина всего отряда.

— Я нередко прихожу сюда собирать травы для скромной аптеки, которую я ношу в плетеной корзине за спиной, где также хранятся все мои земные пожитки подобно тому, как в раковине у улитки есть все, что нужно улитке. Медленно, как улитка, брожу я с места на место, высматривая травы, необходимые для поддержания равновесия Инь и Ян, а потом охотно раздаю их нуждающимся. Ибо в своем знаменитом медицинском трактате «Нэйцзин» древний Желтый император написал, что принципы взаимодействия Инь и Ян суть основные принципы мироустройства, а также источник жизни и смерти. Небо суть проявление Ян, светлого начала; Земля же суть проявление Инь, начала темного…

— Все это крайне интересно, — без малейшего интереса перебил Никколо, перебирая свои лучшие нефритовые четки. — Но раз вы часто сюда приходите, вы, наверное, сможете вывести нас из этого проклятого места.

— Проклятого? О нет, уверяю вас, — возразил ученый лекарь. Пустынного, да. Но полного совершенной красоты, какую можно найти только в местах полного уединения и покоя… и к тому же богатого благословенными лекарственными травами. Здесь произрастают редчайшие дикие гранаты, чья сушеная кожура и горькая желтая кора как рукой снимают лихорадку. Растет здесь и тигровый чертополох, чьи пышные лиловые цветки избавляют от прилива крови к матке. В солнечных уголках, где скапливается дождевая вода, растут высокие и сильные побеги конопли. Это благотворное растение известно с древности — и император Шэнь-нун предписывал его употребление в то же самое время, когда развивал культивацию шелковицы и шелковичного червя. Конопляное масло, или ма-яо, превосходное снотворное и болеутоляющее средство. Употребление в пищу семян конопли способствует укреплению организма и задерживает старение. А курение цветков конопли излечивает сто двадцать недугов, которые я теперь же с удовольствием вам перечислю… — И лекарь приготовился загибать пальцы.

— Марон! Ради Бога, любезнейший, избавьте нас от перечисления ваших недугов и укажите нам выход из этого лабиринта! — взмолился Маффео. — Ибо мы исполняем важное поручение великого хана Хубилая и просто не располагаем временем для усвоения столь эзотерических познаний.

— Постойте-постойте… — задумчиво проговорил Марко. — Великого хана наверняка заинтересуют семена, употребление коих в пищу может задерживать старение. Ибо в последнее время подобные материи сильно его беспокоили.

— Если ваш великий хан начинает догадываться, что его плоть изнашивается точно так же, как плоть любого другого смертного, вам, вероятно, следует поговорить с той госпожой, что спит в пещере.

— Что-что? Кто спит? Где? — вскричал Никколо, и его исчерченное морщинами и утомленное скитаниями лицо просияло — наверное, впервые с самого начала этого прискорбного путешествия.

— Надо же! — хихикнул оборванный травник. — Да неужто вы так долго воздерживались от общения с женским полом, что ваши щеки начинают пылать при одном упоминании о даме? Пожалуй, вам следует поспешить в рыночный город, что по ту сторону этой пустоши. Там много постоялых дворов, где куртизанки щедро одарят вас своим

вниманием.

— Все городские удовольствия могут подождать до тех пор, пока мы не повстречаемся с «той госпожой, что спит в пещере», которая знает, как задержать старение. Ведь именно на ее розыски нас и послал Хубилай! Никколо говорил с таким радостным видом, будто только что нашел прямо на дороге ярко-красный бир-мяньский рубин размером с зерно крупного дикого граната.

— А, ну так место ее отдыха вон там, — сказал травник и махнул рукой куда-то в сторону запада.

— А точнее? — спросил Марко.

— Ну, это где…

— Марон! Эти катайцы никогда ничего толком не объяснят! — вскипел Маффео. — Проклятие! Мало того, что, когда надо говорить, они поют! Так еще и в их песнях сам черт ногу сломит!

— А знаете что, — пряча лукавую улыбочку, начал Марко, — наш ученый Ван, как мне думается, просто жаждет узнать названия ста двадцати болезней, излечиваемых курением целебной конопли. Пожалуйста, составьте нам компанию в пути до пещеры этой спящей госпожи. А пока мы едем, вы вполне сможете перечислить ученому Вану названия всех ваших ста двадцати недугов.

Оборванный травник отвесил венецианцу очень низкий поклон.

— Ничтожный лекарь Хуа То всегда рад поделиться своими скудными познаниями с теми, кому они смогут принести пользу. А в особенности с теми достопочтенными господами, которые рады будут разделить с ничтожным лекарем Хуа То содержимое своих рисовых чашек.

Тяжко вздохнув, ученый Ван окинул всех вежливо-снисходительным взглядом.

12

Сянь: Взаимодействие.
В горном озере отражается вершина.
Радостная женщина приносит удачу.

Оборванный травник Хуа То все водил их туда-сюда по лабиринту из красного камня. Порой он так погружался в свои фармацевтические рассуждения, что напрочь забывал, где они находятся. Отсюда вытекали бесконечные возвраты из тупиков — и бесконечное нетерпение троих Поло.

— …Итак, те, чей недуг находится под знаком угря, обитающего в местах темных, узких и скользких, должны принимать порошок сушеного угря, смешанный с бурыми морскими водорослями и увлажненный жиром куликов, каковые встречаются в тех же местах, что и угри… пусть даже ветры и дождь сильны во всех бухтах, — объяснял добросовестный травник, пока ученый Ван то и дело учтиво прикрывал разинутый в отчаянном зевке рот.

Наконец они все-таки добрались до выступающего гребня, откуда открывался вид на просторную желтоватую долину. На самой вершине гребня росла одинокая сосна, за которой виднелся узкий вход в пещеру. А на узловатых ветвях сосны резвилась короткохвостая обезьяна, чей белоснежный мех поблескивал будто хрусталь.

— Значит, здесь? — спросил Никколо с плохо скрываемым интересом, который он обычно приберегал для партии сапфиров с острова Церендиб, каждый размером с яйцо хорошей колибри.

— Ага, здесь, — кивнул Хуа То, указывая на пещеру своей тросточкой с набалдашником из слоновой кости — и с не меньшим интересом поглядывая на пухлые мешки с провизией, словно там хранились особо ценные и редкие травы. — Но сперва хорошо бы развести костер и немного подкрепиться — пока наши пути не разошлись.

— Не разошлись? — переспросил Марко. — А почему они непременно должны разойтись? По-моему, ученый Ван запомнил только сто восемь недугов, излечиваемых благотворным курением конопли, — а кроме того, мы надеялись, что вы сможете представить нас госпоже.

— О мой юный господин, — сказал Хуа То. — Я не рискну приблизиться не только к грозной госпоже, но и к этой шустрой обезьяне, что охраняет вход в пещеру. Так как насчет скромного, но питательного ужина?

После того как бродячий травник ушел своей дорогой, радостно пережевывая вяленую баранину, плоды ююбы и просяные лепешки — ту самую пищу, что уже стояла всем Поло поперек горла (хотя Маффео никогда не мог отказаться от того, чтобы разделить с кем-нибудь небольшую трапезу), трое венецианцев спешились. Затем вместе с ученым Ваном и татарином Петром не спеша подошли к пещере.

— Стой! Кто идет? — вдруг выкрикнула короткохвостая белая обезьяна на безупречной латыни.

— Марон! — воскликнул Маффео, все еще слизывая с пальцев крошки еды. Мало того, что в этих языческих краях люди предпочитают петь, а не разговаривать, — тут еще и обезьяны болтают на языке самого папы!

— Прошу прощения, — с озадаченным видом возразил ученый Ван, — но эта обезьяна разговаривает на весьма совершенном мандаринском наречии.

— Да нет же, — вмешался и Петр, — это татарское животное. Иначе с чего ему говорить по-татарски?

— А может, эта обезьяна — еще один мираж? — предположил Никколо, устало перебирая свои нефритовые четки; каждая бусина размером со спелый миндальный орешек.

— Вот еще! Никакой я не мираж, — отозвалась белая обезьяна на том же понятном для всех языке. — Ибо мираж кажется менее реальности, а я куда больше того, чем кажусь…

— Но ведь и реальность, и кажимость — в той или иной степени иллюзия, возразил ученый Юань.

— Так кто же ты в таком случае? — спросил Марко.

— Можете звать меня Царем обезьян, если уж осмеливаетесь ко мне обращаться, — ответила обезьяна. — Я родился из каменного яйца, оживленного энергией солнечных лучей, — оно раскрылось, и я вышел на свет. Благодаря моему уму и отваге я сделался Царем обезьян, и мы жили счастливо в Пещере водного занавеса на Горе цветов и плодов. Но как-то раз я почувствовал, что ледяная рука Ямы, быкоголового Властелина Смерти, тянется меня забрать. Пытаясь избегнуть смертоносной хватки Ямы, я пересек множество континентов в поисках бессмертия. Наконец один скромный дровосек привел меня к бессмертному патриарху Суботи, который назвал меня Знанием-Ниоткуда, научил семидесяти двум превращениям, а также открыл мне тайны просветления и вечной жизни. После этого я получил прозвание Мудреца из Пещеры водного занавеса… Но вы можете звать меня просто Царем обезьян — если вообще осмеливаетесь ко мне обращаться.

— Марон! Мы, венецианцы, рискуем головами, странствуя ради каких-то записей в графу дохода наших гроссбухов. А эти катайцы — и даже их животные — шляются где ни попадя в поисках жизни вечной, — проворчал дядя Маффео. — Может, они думают, что купечествовать для язычника означает мухлевать со своими странными бумажными деньгами, подсчет которых тоже более чем странен?

— Мы хотели бы поговорить с госпожой, что спит в этой пещере, — сказал Никколо, нетерпеливо перебирая свои четки.

— Ха! Вы что, думаете, госпожа — это куртизанка с лотосовыми ножками, принимающая обходительных визитеров? — захохотала белая обезьяна. Госпожа сейчас пребывает в глубокой и совершенной медитации. Если хотите с ней поговорить, ждать придется довольно долго. Лично я прождал семьсот лет, прежде чем она удостоила меня одним-единственным словом. Теперь я терпеливо дожидаюсь второго. Прошло уже девятьсот лет, и пройдет, быть может, еще девятьсот, — но ожидание того стоит, уверяю вас.

Если обещаете не действовать мне на нервы, разрешаю вам разбить лагерь вон в том ущелье, установить палатки и дожидаться вместе со мной.

— Мы не можем ждать даже девятьсот дней, — возразил Марко. — Мы всего лишь простые смертные. Поэтому нам надо войти в пещеру и поговорить с госпожой прямо сейчас.

— Нет, этого я позволить не могу, — сурово ответил Царь обезьян. — Ибо госпожа попросила меня охранять вход в пещеру от незваных гостей.

— Это как же она попросила, — усмехнулся дядя Маффео, — если всего-то одним словом и разродилась?

— Такая госпожа способна и одним словом сказать очень многое.

— Но как может мелкая обезьяна вроде тебя охранять пещеру от целого отряда воинов великого хана, имеющих при себе оружие великого хана и его серебряную печать? Лучше перестань придуриваться и дай нам пройти, потребовал Маффео, дергая свою седую бороду так, будто это дверная ручка Палаццо ди Поло в окутанной мглой Венеции.

— Хо! Так по-вашему я… я, кого сам Нефритовый император нарек «Великим Мудрецом, равным небу»… я слишком мал, чтобы охранять эту пещеру? — вскричал Царь обезьян. — Так смотрите же!

Вытащив из-за уха железную иглу, он проревел: «Расти!» И в тот же миг сделался высок, как гора, с выпуклыми, будто гребни, мышцами. Красные глаза его засверкали как молнии, а зубы — как боевые топоры. Железная игла превратилась в чудовищной тяжести посох, украшенный золотыми обручами, что доставал до самого неба. Стоило обезьяне захохотать, как земля вокруг задрожала.

— Марон! Весьма эффектно, — признал Маффео, когда Царь обезьян восстановил свои нормальные размеры. — Но все-таки ты один. А нас много. Наши люди смогут тебя отвлечь — а мы тем временем проберемся в пещеру.

— Ха! — снова расхохоталась обезьяна. — Я же сказал, что владею искусством семидесяти двух превращений, включая бесподобное «тело вне тела». Вот, смотрите!

Вырвав у себя из груди пучок белых светящихся шерстинок, Царь обезьян бросил их в воздух. Шерстинки мгновенно обернулись доброй сотней короткохвостых обезьянок, которые тут же принялись что-то тараторить и кувыркаться на узловатых ветвях одинокой сосны.

Потом обезьянки соскочили с дерева и засновали меж конских ног — столь прыткие и ловкие, что достать их каким-то оружием казалось немыслимо. Окружив троих Поло, обезьянки принялись дергать полы их халатов, а одна даже осмелилась ухватить Никколо за нос…

— Прекрати! — выкрикнул Марко, едва удерживаясь от смеха при виде обиженного выражения на строгом лице отца. — Да, у тебя и впрямь полно всяких обезьяньих трюков. Но и мы, венецианцы, тоже владеем кое-какими фокусами.

— Мы? — с сомнением переспросил сына Никколо.

— Конечно, — заверил его Марко. — Мы великие волшебники.

— Мы? Волшебники? — снова удивился Никколо, встревоженно перебирая свои четки.

— Так покажите мне фокус! — проревел Царь обезьян, уже обративший всех обезьянок обратно в шерстинки.

— Я покажу тебе, как я исчезаю, — сказал Марко и направился прямо к сосне, что охраняла вход в пещеру. За ним осторожно последовали старшие Поло, Петр и ученый Ван.

— Смотри, Марко, не спеши, — предостерег его отец.

— Ха! Это славный фокус — для смертного, — прикинула обезьяна. — Давай показывай, как ты исчезаешь.

Тогда Марко подошел к темному проходу в пещеру — и исчез.

— Ну, кажется, я тоже могу исчезнуть, — усмехнулся Маффео Поло, шагнул в пещеру — и был таков.

— А можно, мы все исчезнем? — с едва заметной улыбкой спросил Никколо,

пропуская в пещеру Петра и ученого Вана.

— Да ведь это никакой не фокус! — раздосадованно выкрикнул Царь обезьян. — На самом деле вы не исчезли! Вы просто вошли в пещеру! Все вы вошли в пещеру… Проклятие! Ведь вы вошли в пещеру! В пещеру госпожи! Он заскрежетал зубами и провыл: — Нечестно! Так нечестно!

13

Гуй-мэй: Невеста.
Гром тревожит радостное озеро.
Зыбкие начала ведут к нескончаемым концам.

Они оказались в высоком гроте, сводчатый потолок которого усеивали светящиеся каменные сосульки. Никаких признаков жизни и никакого источника света, если не считать странного свечения, что исходило от любопытной груды камней в дальнем конце пещеры. Тяжелый воздух отдавал какой-то приторной затхлостью.

А снаружи доносились глухие вопли беснующегося Царя обезьян:

— Вернитесь! Вернитесь! Вы пожалеете! Пожалеете…

Но путники осторожно двигались дальше — к светящейся шишковатой груде, а с каменных сосулек им на головы что-то капало. И вдруг в пещере зазвучала песнь, которую исполнял высокий женский голос столь завораживающей красоты, что все пятеро замерли, охваченные каким-то смутным томительным чувством.

Песнь оборвалась так же внезапно, как и началась, — и тот же хрустальный голос наполнил пещеру вопросом:

— Как смели вы оторвать меня от вечной медитации?

— Простите, бессмертная госпожа, мы жалкие и ничтожные посланники великого хана Хубилая — и нижайше просим вашу милость об аудиенции, сказал Марко, кланяясь и лихорадочно подыскивая слова для самых учтивых и изысканных форм обращения.

— Великого хана? — с веселыми нотками переспросил голос из светящихся скал. — Значит, степные варвары добрались до Трона Дракона?

— Да, госпожа, некоторое время назад. С тех пор как пала династия Южная Сун на берегах волшебного Западного озера, монголы покорили весь Катай, пояснил Никколо Поло, ощущая странную надежду, что эта госпожа, чей голос сверкал и переливался подобно орошенным чистой влагой голкондским алмазам, скорее станет обсуждать с ними вопросы столь тонкие, как политика и коммерция, а не мистическую восточную чепуху.

— Для феи Облачного Танца время мало что значит, — отозвался мелодичный голос. — О столь приземленных материях я не задумывалась с тех пор, как кончилась эра бессмертного Желтого императора.

— Да-да, госпожа фея, конечно-конечно, — вздохнул Никколо, чьи надежды так быстро развеялись.

— Но выговор у вас не катайский… и в то же время вы не степняки, заметил голос. — Подойдите, я хочу получше вас разглядеть.

— С радостью, госпожа, — ответил Марко, страстно желая взглянуть на эту фею Облачного Танца и почему-то надеясь, что она будет напоминать рыжую итальянскую милашку.

— К вашим услугам, бессмертная фея, — с галантным поклоном добавил дядя Маффео, надеясь, что лицо и фигура этой облачной плясуньи будут так же любезны Хубилаю, как и ее мелодичный голос (а еще надеясь, что она, быть может, пригласит их отобедать)…

И все сильно разочаровались. Подойдя ближе, путники увидели, что светящаяся груда на самом деле тщательно выложена в манере традиционного катайского сада камней. Неровные и выступающие ее части напоминали скалистые холмы и горные пики. Вода, стекавшая с каменных сосулек, образовывала у подножия груды безмятежное озерцо. На

каменных выступах располагались изящные павильончики красного дерева. Их крыши выложены были полупрозрачным зеленым нефритом, а загнутые кверху свесы увенчаны по углам миниатюрными лисами из белого нефрита. Внутри каждого павильона горел крошечный каменный фонарик, который и покрывал все окружающее удивительным глянцем.

А на вершине миниатюрного горного пика стояла семиярусная восьмиугольная пагода коричного дерева, охраняемая парой голубых лазуритовых лис. Свет игрушечной пагоды приглушался плотными и зловещими завесами паутины. А по ту сторону искрящейся паутины путники разглядели тонкие очертания сидящей в позе медитации крошечной полупрозрачной фигурки.

— Марон! Да она короче моей руки, — прошептал Маффео. — Хубилай будет недоволен.

Искрящийся смех прокатился по пещере.

— Уже много столетий я практикую «Путь, что по ту сторону слов». Я приняла золотую и коричную пилюли и применила сокровенную алхимию для трансмутации моего физического облика. Играя с бесчисленным множеством юношей в игру Белого Тигра и Зеленого Дракона, я впитывала их жизненную сущность и объединяла Инь и Ян. Наконец, я достигла бессмертия и теперь представляю собой нечто вроде эмбриона, вечно подвергаясь перерождению. Я плаваю над горными вершинами и облетаю луну. Мне не особенно нужна телесная оболочка.

— Зато Хубилаю нужна… — пробормотал Маффео.

— Теперь, когда вы меня пробудили, я чувствую себя вяловато, — пропела фея Облачного Танца. — Самое время восполнить мой запас Белого Тигра… мужской жизненной сущности. За этим, наверное, вас и направили к моему пристанищу…

И Марко тут же охватил странный озноб — будто холодный огонь пробежал по всему его телу. Завороженный, он не сводил взгляда с миниатюрной пагоды — и казалось, она растет прямо на глазах. Потом завеса паутины раздвинулась, и венецианец увидел сидящую на бархатных подушках женщину. Столь прекрасной женщины Марко в жизни видеть не доводилось. Красива, как итальянка, — но с гибкой грацией уроженки Катая. В черных волосах, окутывающих изящную фигуру, мерцают золотые блики. Под халатом из просвечивающего персикового шелка виднеется нежная кожа. Сверкающие черные глаза смотрят прямо на Марко — и словно притягивают к себе.

Холодный огонь пробежал по всему телу Марко, и в голове будто взбурлило. Все мысли заняты были теперь только красотой этой женщины — и стремлением заключить ее в объятия. Марко шагнул вперед, страстно желая попасть в волшебную пагоду — к ее чарующей хозяйке…

— Остерегитесь, хозяин. — Голос Петра донесся словно откуда-то издалека. — Остерегитесь, ибо фея эта, может статься, дух лисы, который принимает облик прекрасной женщины, чтобы вытягивать жизненную энергию мужчин — опустошать и уничтожать их.

Но Марко не обращал внимания на далекий голос Петра. Он уже готов был рискнуть своей жизненной энергией — и самой жизнью — ради ласк этого неземного создания. Горящие черные глаза женщины, казалось, тянут его все дальше и дальше — будто хотят поглотить. И все же, когда желание достигло своего апогея, в голове у Марко вдруг возникла странная картина. Дымящееся поле боя, где посреди трупов лежит черная женщина. Лежит — и подмигивает ему…

— Стой! — послышался вдруг тонкий пронзительный вскрик. А потом какое-то небольшое существо бросилось к Марко и оттолкнуло его назад прерывая влекущий взгляд феи и разрушая ее чары.

Магическая пагода разом восстановила свои игрушечные размеры и укрылась под завесой паутины. А всю пещеру заполнил громкий насмешливый хохот феи Облачного Танца.

Все с интересом воззрились на маленькое существо, что спасло Марко от голодных

объятий феи. А оно оказалось золотистым, похожим на кошечку сфинксом. Усевшись на выступ скалы, сказочное создание принялось вылизывать свою шелковистую шкурку. На очаровательной мордашке сфинкса светилась лукавая улыбка.

— Ну и ну, сфинкс! — удивился Никколо Поло. — Далеко же занесло тебя от твоей родины в западных пустынях.

— Да уж не дальше, чем вас, — отозвался сфинкс, не переставая увлеченно вылизывать свои крылья.

— Верно. Но ты-то как здесь оказался?

— Моим хозяином был купец из западных пустынных земель, что отправился на восток с шелковым караваном. Во время слепящей песчаной бури его верблюд отбился от остальных и, совсем потеряв дорогу, забрел в эту пещеру. А тут госпожа обольстила его — так же, как собиралась обольстить одного из вас.

— И где теперь твой хозяин? — поинтересовался Марко, все еще немного ошарашенный чарами феи.

— О, это занятная загадка, ибо теперь он там, наверху… вместе с остальными, — ответил сфинкс, взглядом указывая на сводчатый потолок пещеры, где истекали своим холодным дождем каменные сосульки.

— И впрямь занятная загадка, любезный сфинкс, — заметил Марко. — Что-то я не вижу, чтобы к потолку прилип какой-нибудь купец.

— Ты видишь окаменевшие останки обезумевших любовников феи, — сказал сфинкс. — Существо их высосано, и они до сих пор истекают последними остатками своих жизненных флюидов.

— Марон! — изумленно таращась на потолок, воскликнул Маффео. — Ты хочешь сказать, что эти сосульки — измочаленные останки людей?

Никколо торопливо перекрестился и пробормотал несколько воззваний к Святой Деве Марии.

— Иллюзия, — невозмутимо заметил ученый Ван. — Безусловно, иллюзия.

Взбешенный подлым коварством феи Облачного Танца, Марко выхватил из-за пояса короткий меч и рубанул по паутинам, занавешивавшим вход в коричную пагоду феи. Визгливый смех тут же перешел в яростный вопль… а потом фея умолкла. И когда Марко вгляделся в ее светящееся обиталище, теперь открытое для затхлого пещерного воздуха, то феи Облачного Танца там уже не увидел. Она обратилась в груду сухих белых косточек, словно там оставили разлагаться труп какой-то нежной пташки.

Марко вздрогнул — и наконец-то полностью очнулся. А в памяти снова возникла картина дымящегося поля боя, виденного им во время скитаний, поля, на котором незадолго до того сражались две татарские орды. И когда он, потрясенный до глубины души, брел по этому полю мимо обезображенных трупов мужчин и даже детей — тут и там то отрубленная рука, то голова, то лишенное членов туловище, — именно тогда Марко увидел, как ему подмигивает черная женщина. Лежа на земле с обернутым вокруг бедер халатом, женщина подмигивала ему. Марко никогда не слышал о чернокожих в этих краях, — но, подойдя ближе, понял, что женщина на самом деле не черная, а скорее лиловая. Темно-лиловая — как гниющий на солнце баклажан. Лиловая кожа до предела растянулась на распухшей плоти — местами тонкая оболочка уже рвалась и трескалась, обнажая желтый слой жира. Раньше Марко и не знал, что человеческий жир желтый.

И еще Марко в ошеломленном ужасе заметил, что женщина на самом деле ему не подмигивает. В глазах у нее шевелились личинки. И во рту, и в ноздрях. Оттого и казалось, что она подмигивает. Вонзившаяся в нее стрела явно была случайной — жирная до болезненности женщина нечаянно забрела на линию огня. Никто не просил ее там быть — как никто не просил и Марко найти ее там — мертвую, пристроившуюся среди трупов мужчин всевозможных народностей. Надо было двигаться дальше. И все же Марко прекрасно помнил, как притягивали его эти подмигивающие глаза…

— Все мы испытываем к тебе, благородный сфинкс, глубочайшую признательность за

избавление моего сына от несчастной судьбы быть пожранным этой демонической феей, — низко поклонившись прелестному созданию, произнес Никколо. — Как нам тебя отблагодарить?

— В ваших бородах до сих пор остались песчинки западных пустынь, и я почувствовал их запах, — сказал сфинкс. — Тогда я подумал, что вы сможете доставить меня домой, где я снова смогу погреться и понежиться под горячим солнцем.

— Видит Бог, мы рады были бы доставить тебя домой, хотя и сами не знаем, когда судьба — и великий хан — позволит нам вернуться на запад. Так что пока можем предложить тебе, прелестный сфинкс, попутешествовать вместе с нами. Слышал я, что сфинксы весьма умелы в разгадывании загадок. Может статься, ты поможешь нам распутать тот клубок, что ждет нас на выходе из этой страшной пещеры, — ответил Никколо, адресуясь к сказочному существу с самыми похвальными словами, ибо всем известно, что сфинксы обожают лесть.

— Марон! Давайте-ка поскорее выберемся из этого жуткого места, пробормотал Маффео, старательно уворачиваясь от капель, что падали с каменных сосулек.

— Ну, вы и впрямь великие волшебники, коль сумели целыми и невредимыми выйти из этой пещеры, — заметил Царь обезьян, сидя на узловатой сосне и не сводя своих красных глазок с только что появившихся из пещеры путников.

— Тебе уже не стоит дожидаться второго слова феи, — отозвался Марко, засовывая свой покрытый паутиной меч обратно за пояс.

— Ха! — рассмеялась обезьяна. — Госпожа бессмертна и бесконечно перерождается. Ее последней песни я еще не слышал… и вы, между прочим, тоже.

Потом маленький крылатый сфинкс устроился в переметной суме у Марко, и отряд торопливо поскакал прочь. Но еще долго слышали венецианцы эхо оглушительного обезьяньего хохота и хранили в памяти чарующую бессловесную песнь феи Облачного Танца.

14

Цзи-цзи: Уже конец.
Огонь мерцает под водами.
Благородный муж берется за оружие прежде, чем нагрянет беда.

Туманные указания «проклятого» свитка великого хана вели отряд на юг по ту сторону извилистых горных гребней на приграничных землях. Приблизительные карты кое-как направляли их по настоящему лабиринту проселков, которые то заворачивали на запад, в обход неприступной горной гряды, то на восток, мимо людного торгового города, ибо появление там отряда могло возбудить подозрения катайских горожан, которые обычно держались настороже в отношении иноземных (и чаще всего — особенно жадных) сборщиков налога для великого хана.

Много утомительных дней спустя бесплодные желтые пустыни северо-западного Катая сменились темной, изобильной почвой влажных речных долин. Путники ненадолго остановились, чтобы пополнить запасы продовольствия и дать отдых животным, у грубой перевозной пристани, расположившейся среди скалистых ущелий, где вили свои гнезда ласточки. Затем лодочники переправили отряд через мутную и широкую реку Янцзы, которая и обозначала границу Южного Катая.

Еще несколько дней отряд двигался дальше на юг, и путешественники подмечали поразительные перемены в окружавшем их пейзаже. Лежала здесь широкая зеленая долина, изобильно орошаемая целой сетью извилистых ручьев, что стекали с дальних величественных гор к дальней полноводной реке. В роскошный ковер долины и террас на окружавших ее холмах, чьи верхние склоны заросли плотными бамбуковыми чащами, вплетены были просторные рисовые поля. Попадались тут и деревушки с грубыми

глинобитными хижинами, крытыми соломой, где простые крестьяне жили бок о бок со своими собратьями-буйволами, работая от зари до той поры, когда почва начинала припахивать ночью.

Здесь-то отряд и остановился — не столько от усталости, сколько от неуверенности в дальнейшем маршруте. Отдохновение и очищение в стремительном горном потоке оказалось воистину желанным. Люди напоили животных и напились досыта сами. Сняли поклажу, седла и упряжь (кроме недоуздков). А потом все долго-долго мылись и плескались.

Затем какие-то дикие животные — дикие козы, овцы… или, быть может, необычные антилопы? — которые явно привыкли ходить сюда на водопой, не возымели достаточно сообразительности, чтобы нарушить привычку. Мигом полетели острые стрелы, а прямо по воде, поднимая тучи брызг, побежали полуголые люди с ножами в зубах…

И вот — свежее мясо. Свежеподжаренное. Наконец-то — разнообразие.

Деревенские девушки, спустившиеся к речушке, чтобы набрать воды в глиняные кувшины, остановились похихикать и поглазеть на чужеземных странников. Позднее, уже в сумерки, они вернулись с яркими лентами и весенними полевыми цветами, вплетенными в длинные черные волосы, и с глиняными кувшинами, полными приправленного имбирем рисового вина, которое им хотелось обменять на соль. Их энергичная южная речь казалась не менее странной, чем жужжание ночных насекомых в прибрежном тростнике. Они остались полакомиться жареным мясом и пряным вином — и вскоре их смех сделался для усталых мужчин просто сладкой музыкой. Ибо язык веселых схваток в зарослях тростника един для всех.

Как славно было бы обосноваться в этом местечке! Но великий хан посылал их не затем, чтобы они где-то обосновывались.

При неверном свете костра Марко записал в свой путевой дневник: «Воистину земля Катая столь обширна и неисчерпаема, что диву даешься, как монголы — или любой другой народ, даже самый жестокий, — может покорить ее и удерживать».

Тут к Марко подошел странствующий рыцарь, чаще всего именуемый Хэ Янем, как раз вернувшийся из очередного своего загадочного похода за провизией. Рыцаря заинтересовало, о чем пишет молодой господин. Когда Марко прочел вслух свое несколько крамольное наблюдение, Хэ Янь глубоко вздохнул и негромко заметил:

— И впрямь удивительно. Ибо хотя воины великого завоевателя Чингиса и убили почти половину населения Катая, этого не должно было случиться.

— В самом деле? — тоже понизив голос, спросил Марко. — А мне говорили, что слабая династия Сун не сумела поднять армию настолько сильную, чтобы защитить Катай от непобедимых монголов.

— Ты услышал то, в чем тебя хотели убедить ученые и аристократы, ответил Хоу Инь по-прежнему тихо, но и с заметным жаром. — Когда чжурчжэни, предки маньчжуров, взяли северную столицу Кайфын, великий крестьянский вождь поднялся на юге. Юэ Фэй было его имя, и мать вытатуировала у него на спине девиз: «Преданное Служение Родине». Могучая крестьянская армия Юэ Фэя сокрушила чжурчжэней в битве при Янцюани, и ей вполне по силам было отвоевать весь Катай.

— Что же случилось? — спросил Марко, оглядываясь и лишний раз убеждаясь, что их не подслушивают.

— Изнеженная сунская знать боялась победоносной армии Юэ Фэя куда больше, чем чжурчжэней, татар и всех остальных, ибо взаимная неприязнь между учеными аристократами и темными крестьянами существовала в Катае всегда. И тогда сунский император согласился на мирный договор, который делал его вассалом чжурчжэней. А первый императорский министр, его жена и двое сообщников — этот трусливый союз четырех — арестовали и убили храброго Юэ Фэя. Таким образом, чжурчжэни властвовали на севере, а знать Южной Сун вовсю услаждала себя живописью, поэзией и музыкой в своей столице Кинсае, на величественных берегах Западного озера… где, погребенный под соснами, лежит храбрый Юэ Фэй. Так что впоследствии мощная монгольская армия Чингиса

нашла там легкую добычу для своих огненных стрел.

— И таким образом внук Чингиса, великий хан Хубилай, вновь объединил Катай и поднял его из руин, — громко и твердо объявил Марко (просто на случай, что их все-таки подслушивают). А потом резко сменил тему: — Да, видел я людный и прекрасный город Кинсай на берегу поразительного Западного озера, что к югу от Янчжоу на Великом канале, куда нас, Поло, великий хан посылал собирать солевой налог. Запомнились мне благородные особняки и сады вокруг озера, плавающие там громадные прогулочные баржи какая с драконом, а какая с птицей на носу, — полностью снаряженные для роскошных пиров, которые так любят чувственные жители Кинсая.

Тут к разговору со своими собственными замечаниями присоединился дядя Маффео:

— И правда, племяш Марко, ничто так не освежает, как вояж по Западному озеру. Разглядываешь острова и храмы, дворцы, павильоны и пагоды по берегам — и потягиваешь тем временем местное рисовое вино цвета янтаря. Прислушиваешься к играющим на лютнях певичкам — а тебе меж тем подают на обед запеченную в глине дичь, подслащенную маринованную рыбу, сочных некрупных крабов и угрей, дикие грибы и засахаренные фрукты — все, чем славится та изобильная провинция. Так давай же, друг рыцарь, поговорим об этих сладостных воспоминаниях — ибо нет мудрости в памяти о горьком.

Еще некоторое время они провели в том месте, давая отдых измученным членам и поправляя снаряжение. Наконец, Никколо Поло, как старший, заговорил о дальнейшем маршруте.

— Про север и восток даже речь вести не стоит. Мы оттуда пришли, и я не вижу смысла следовать обратно по нашим же следам. Так что я, со своей стороны, предложил бы двигаться дальше на юг, за тот уединенный водопад, что примерно в пол-ли по течению. — Тут Никколо помедлил, и за это время монголы и татары успели что-то пробормотать, а катайцы сплюнуть.

Потом отец Марко продолжил:

— Как я понимаю, вдоль этой реки идет тропа — следует рядом с ее быстрыми водами от одного скалистого водоема к другому. Здесь река питается родниками, что бурлят на дне, и если мы пойдем на север, вверх по течению, то в конце концов доберемся до еле заметного ручейка. Юг же приведет нас к местам, пригодным для установки водяных мельниц, — а значит, к селениям.

Маффео на время прекратил увлеченно глодать жареную ногу, облизал пальцы и откашлялся.

— Как всегда, — начал он, — я с уважительным вниманием слушал своего брата. И совершенно согласен с ним насчет севера и востока. Конечно, никакого севера. Разумеется, никакого востока. Но вот что касается юга… Мне говорили, что катайцы так любят шум водяных мельниц, что даже поминают его в своих стихах. Полезные, конечно, штуковины. И где водяные мельницы, там народ. Причем самый простой. Любящие поглазеть и полюбопытствовать горожане. Верно?

Когда жареная нога на этот вопрос ему не ответила, Маффео укоряюще хватанул ее зубами и продолжил:

— Далее. Если то, что мы ищем, это город, городские предместья или еще что-то неподалеку от города, мы уже теперь наверняка знали бы, что это за город. Ибо у нашего царственного господина, если так можно выразиться, весьма острый слух, и название искомого города давно достигло бы его ушей. — Сделав это не вполне точное, но достаточно ясное замечание, Маффео умолк.

Но лишь ради еще одной задумчивой паузы и очередного кусочка жареного мяса.

— Теперь что касается запада… — продолжил он затем. — Идти в дикую местность, где только камень и песок… и где не знаешь, когда в следующий раз добудешь воды… н-да, не слишком приятная перспектива.

Однако великий хан посылал их не развлечений ради.

— Но если север, восток и юг отпадают, — размышлял Маффео, — то что же остается?

Пусть и с неохотой, но отвечать надо. Остается запад. Запад. Он уставился на свою жареную ногу, словно ожидая, что та ему возразит. Когда нога не ответила, Маффео погрузился в хмурое молчание.

Луноликие монголы принялись, по своему обыкновению, о чем-то переговариваться.

Теперь настала очередь Марко.

Хотя он конечно же слышал речи отца и дяди — и даже уяснил их смысл, думалось ему все это время о своем. «Заросшая тростником река на троянском берегу». Почему эта старая, знакомая со времен ученичества строчка вдруг всплыла у него в голове? При чем здесь Троянская война? Какое отношение имеет она ко всему тому, что происходит сейчас?

И все же где-то на задворках его сознания мысль эта продолжала следовать своей тайной тропкой. Совершенно не сознавая, что он делает и почему, Марко накинул седло на спину своего коня, взнуздал его и сел. Потом он провел глазами по реке в сторону водопада — и дальше, к скалистому ущелью. Затем взглянул вверх по течению, где поток сужался и почти исчезал из виду в узкой полоске зелени. Наконец, посмотрел прямо через реку — в сторону безмолвной пустыни, где из земли тянулись не растения, а скалы.

Взгляд на юг… взгляд на запад… а потом глаза Марко задержались на желтовато-зеленой от тростника болотистой местности, что лежала на юго-западе. «Заросшая тростником река…» И разум вдруг прояснился.

— Марко, сынок, мы ждем твоего слова…

— Давай, племяш Марко… давай говори…

Младший из Поло кивнул. Потом поднял правую руку.

— Следуйте за мной, — произнес он. И, не оглядываясь, двинулся вперед не на юг и не на запад, а на юго-запад. На юго-запад — диагональным курсом через заросшее тростником болото, в сторону от реки.

Ехал Марко медленно. Когда все остальные оседлали и навьючили животных, он был еще в поле зрения.

И все последовали за ним через тростниковые заросли.

Путь, избранный Марко, со временем привел отряд в безлюдную местность, изобилующую крутыми известняковыми холмами, одетыми плотными рощицами зеленого бамбука. Меж этих холмов, будто язык демона, высунутый поверх оскаленных зубов, вилась быстрая речушка, вдоль которой путники долго следовали своим тростниковым курсом.

— В пещерах этих похожих на зубы демона холмов водятся демоны, — заявил татарин Петр. — По крайней мере так говорят мои дьяволы…

Но все остальные не слышали ни демонов, ни дьяволов — а только топоры лесорубов да вопли сорок и обезьян. Попалось им и несколько намеков на чье-то жилье, но местность здесь была слишком пересеченной для пахоты. Как-то раз встретился угрюмый охотник в грубой конопляной одежде, сандалиях и широкой соломенной шляпе. Желания остановиться и просто поболтать с людьми великого хана мужчина не изъявил, но не отказался обменять несколько только что убитых им кроликов на кусок соли из их запасов.

— Лицо его — сплошные загадки, — выразился маленький крылатый сфинкс в переметной суме у Марко.

Позднее отряд наткнулся на рыбаков, баграми перетаскивавших хрупкие тростниковые плоты из одного мелкого водоема в другой, сетями выуживавших жирных рыбин, в чем им помогали остроклювые птицы, шеи которых были обернуты плотными соломенными воротниками. Птицы эти послушно загоняли рыбу в расставленные сети хозяев — а воротники не позволяли им проглотить даже лакомых пескарей.

— Там, где есть рыбаки, должны быть рыбные рынки. А значит, и селения, — заметил Никколо.

— А там, где есть селения, можно получить ценные сведения о том, что нас ждет по дороге дальше. Ибо следует признать, что убогие карты, невразумительный свиток Хубилая и наши собственные умные догадки привели нас только лишь сюда, заставив испытать массу переживаний, — сказал Марко. И все с ним согласились.

Вскоре река стала шире, и на ней появились небольшие деревянные сампаны, переправлявшие товары из крестьянских деревушек, что лежали во мгле меж зелеными холмами. Все здесь очень напоминало картины классической пейзажной живописи Катая. Марко теперь наблюдал весьма оживленное движение — кто с шестом, кто на веслах, а кого тянут запряженные крестьяне или животные — вверх по реке к рыночному городу, который был всего лишь неясной отметинкой на их приблизительных картах.

Наконец однажды на закате за поворотом реки путникам открылась сторожевая пагода и кирпичные стены города. Город этот, погруженный в тень коричных деревьев, отчего и назывался Куэ-линь, не имел ни славы, ни особой важности в мировой торговле — и все же он был экономическим и культурным центром этой отдаленной провинции.

Окруженные рвом кирпичные стены в несколько раз превосходили человеческий рост. Массивные главные ворота сколочены были из толстых досок, а сверху выложены нежно-зеленой черепицей цвета окружавших город холмов. Обсаженный рядами деревьев центральный въезд роскоши ради даже был вымощен гладкими камнями — в отличие от извилистых боковых проулков, где сырая земля мешалась с навозом. По сторонам проулков за стенами прятались особнячки с хлевами, садами и огородами.

Уже зажигались масляные фонари, и все Поло, их люди и животные быстро присоединились к толпе, что спешила пройти в ворота прежде, чем они закроются на ночь. Потом отряд побродил по главным улицам города, мимо плотных кучек невысоких строений с побеленными кирпичными стенами, деревянными балками и серыми черепичными крышами. На улицу выходили маленькие лавчонки, позади которых дома их хозяев образовывали тихие внутренние дворики.

Марко заметил, что в освещенных фонарями лавчонках и палатках торгуют обычным набором катайских товаров: рулонами хлопка и шелка, рисом и кунжутным маслом, пухлыми дынями, луком-резанцем и капустой, нитками, свечами и ладаном, лекарственными травами, вяленой рыбой, маринованными овощами и консервированными яйцами, лапшой и горячими плюшками, нежным белым творогом, хрустящими побегами и темным соленым соусом из соевых бобов.

На улицах толпились крестьяне и торговцы вразнос в коротких синих куртках и штанах из хлопчатника, соломенных сандалиях и остроконечных шляпах. Товары свои они таскали в плетеных корзинах, свисавших с бамбуковых наплечных шестов. Иногда попадались молчаливые товары — но частенько из корзин слышались поразительные симфонии визга и хрюканья, кудахтанья и лая.

Помимо крестьян встречались купцы и ученые чиновники в просторных шелковых халатах, шлепанцах с войлочным верхом и шляпах. А жены их ехали на мягких парчовых подушках в занавешенных паланкинах, которые несли домашние слуги, — ибо миниатюрные спеленатые ножки красавиц мало годились для ходьбы.

Бритоголовые буддийские монахи и монахини, непрерывно распевая свои песни, то и дело совали Поло свои чаши для приношений, в то время как даосы в строгих черных рясах и высоких шапках пытались продать им свои магические амулеты. Местный люд с холмов в ярких вышитых одеяниях и филигранных браслетках взирал на диковинных чужеземцев изумленными глазами, вокруг которых красовались темные татуировки. Уличные музыканты пели, подыгрывая себе на лютнях, а жонглеры подбрасывали в воздух чашки, ножи и фрукты. Повсюду стремглав носились мальчуганы с разрезами на штанишках — для скорейшего удовлетворения своих природных потребностей.

Все-все оборачивались и удивленно глазели на высоких круглоглазых чужеземцев с длинными носами и пышными бородами, сопровождаемых конными воинами великого хана.

— Марон! До чего бесцеремонно глазеют! — возмутился Маффео. — И все-таки приятно снова вдохнуть городской воздух, насладиться ароматами торговли и кухонной стряпни.

— А по-моему, тут скорее воняет содержимым ночных горшков, — возразил татарин Петр.

— Если только это не смрадное дыхание демона — или его человеческих приспешников, — пробормотал рыцарь Хэ Янь.

Проигнорировав замечания дерзкого слуги своего племянника и странствующего рыцаря, Маффео с воодушевлением продолжил:

— Воистину, брат Никколо, я считаю, что если не считать нас, венецианцев, то у катайцев острейший торговый нюх в мире… ну, если, конечно, не считать еще и евреев. И эти хитрые катайцы производят вдобавок и изрядное количество народу, чтобы покупать товар у любого купца.

Людные улицы наглядно подтверждали это замечание, и Маффео подвел итог:

— Давай-ка, Марко, найдем для ночлега приличный постоялый двор, где можно на славу выпить и закусить, а потом помыться и с удобством поспать. Так, чтобы над нашими несчастными седыми головами была крыша, а наши усталые кони получили свежее зерно. Завтра надо будет расспрашивать народ насчет дальнейшего пути — а сегодня вечером мое пустое брюхо гудит и грохочет, требуя доброй пищи. Давайте, в конце концов, насладимся радостями этого городка!

— Хотелось бы посоветовать вам благоразумнее наслаждаться радостями, тоном предупреждения заметил Петр, оглядываясь на четыре мрачные фигуры в грубых плащах из овечьих шкур.

— Ты о чем? — спросил Марко. — О каком благоразумии может идти речь среди всех этих любопытствующих взглядов?

— Я о том, что мои дьяволы — и два моих острых глаза — говорят мне, что за нами не просто наблюдают. За нами следят, — ответил татарин Петр.

15

Дин: Жертвенник.
Огонь занимается от растопки.
Чистится перевернутый котелок.

Просторный постоялый двор с соседней таверной выглядели заманчиво. Разноцветные занавеси с рисунками пионов в залитом лунным светом проходе. Изысканно вырезанные и раскрашенные деревянные веранды и балконы. В аркадах меж низенькими домиками, где среди цветущих растений и карликовых деревьев в глиняных горшках расставлены столы, висят яркие фонарики из золоченой и малиновой промасленной бумаги. Веселые певички распевают вместе с гостями и пьют из фарфоровых чашек горячее рисовое вино.

Приветливый хозяин в длинном халате бледно-голубого шелка и синей шляпе стоял перед своим заведением вместе с женой и несколькими служанками-наложницами. Все они тепло приветствовали порученцев великого хана низкими поклонами со сложенными у груди руками — и широчайшими улыбками. Слугам было велено отвести коней в стойла, помыть и накормить, а также подать в задней столовой ужин всем всадникам, Петру и Хэ Яню. Потом хозяин постоялого двора провел троих Поло и ученого Вана к низенькому столику в личной своей комнате, примыкающей к главной трапезной.

— Слуга и наложницы этого человека — катайцы, — заметил Никколо. — Но он сам и его жена — нет. Быть может, они сарацины?

Выставив на стол сиреневый глазурованный кувшин с горячим вином из цветков сливы и блюдо с запеченными в тесте яблочками, хозяин сказал:

— Мы из народа хуи-хуи — секты, которая учит книгу и удаляет из мяса сухожилия. Мое ничтожное семейство ведет свое происхождение из старой столицы в Кайфыне, где у нас был процветающий постоялый двор на улице Земляного рынка, неподалеку от храма Чистоты и Истины. Но большой пожар за одну ночь уничтожил наше благополучие. Потеряв все, мы отправились вдоль южного канала Линь, чтобы обосноваться в этом провинциальном городке. Здесь у моего дяди имелось кое-какое хозяйство — и нам выпал шанс попытаться

вернуть себе благосклонность судьбы.

— Другими словами, вы евреи, — кивнул Никколо. — На родине, в Венеции, — до возвращения куда я все же надеюсь дожить — знавал я много ваших сородичей — с которыми опять-таки надеюсь еще поторговать. Ладно. Теперь я по крайней мере буду думать, что пища ваша здоровая и что эти пироги — не с собачиной. — Сказав это, он разломил запеченное в тесте яблоко.

— О нет, что вы, — ответил хозяин постоялого двора, вытирая жестким полотенцем вспотевший лоб. — У нас подают только наилучшую, свежайшую и вкуснейшую баранину.

— Язык подсказывает мне, что вы говорите истинную правду, — сказал Маффео, отправляя ароматный кусочек себе в рот… и вспоминая, как счастлив был его язык и прочие органы в прискорбно далеких пиршественных залах родной Венеции… когда подходил черед приготовленных с медом или со знаменитыми александрийскими цветными сахарами фруктовых тортов, что подавались вместе с лучшим имбирным конфитюром. Дальше следовали лакомые ломтики соленых тунцов, пойманных в дурной славы сицилийские рыбьи ловушки, где громадных рыбин забивают острогами, — и, сказывали, в такие дни само море делается красным. А потом — вино в больших оловянных кувшинах; один кувшин на четверых. И как однажды при этом один богатый болван из захолустной синьории вытащил из-под полы собственный кубок, весь усыпанный самоцветами…

Никколо, разумеется, пришлось взглянуть на кубок — тем более что деревенщина никак не замечала ухмылок и смешков, вызванных столь наивным и старомодным жестом. И Никколо зашептал мужчине на ухо, прося его не смущать хозяев демонстрацией кубка «столь дорогого и роскошного» — чего хам, впрочем, добивался сознательно. Хотя, по правде, сосуд тот не стоил и дохлого поросенка. Да, верно, Венеция славилась своим стеклом. Но если бы мастеровой хоть однажды осмелился продать свой товар как самоцветы, сделать это второй раз в жизни ему бы уже не пришлось. «Что, — позднее заметил Никколо, — единственно правильное…»

— Здесь вы отдохнете как дома, — прерывая воспоминания Маффео, заверил хозяин постоялого двора. — А после ужина сможете насладиться игрой труппы бродячих актеров, которая сегодня вечером дает в нашем дворике представление.

— Прежде чем мы сядем обедать, — сказал Марко, — нам бы хотелось выяснить, что за люди таятся там на улице и почему они нас выслеживают. Вы их случайно не знаете?

— О нет, я никогда раньше не видел этих хулиганов, а их плащи из овечьих шкур кажутся мне более чем странными для столь мягкого и влажного начала весны. Бывает, шляются тут банды негодяев из глухих мест — и грабят путников среди бела дня. Я теперь же пошлю слуг, чтобы выяснить намерения этих людей — или прогнать их отсюда.

— Может статься, они не бандиты… и не иллюзия, — заметил ученый Ван. — Возможно, это шпионы, нанятые врагами великого хана, которым желательно выяснить, что нам тут нужно… хотя мы и сами едва ли сможем ответить на столь иллюзорный вопрос.

Впрочем, стоило слугам хозяина постоялого двора приблизиться к четырем незнакомцам в овечьих шкурах, как те немедленно смешались с суетливой толпой. И исчезли.

Труппа артистов расположилась на невысоком помосте в главном дворике постоялого двора, над которым, прикрепленные к бамбуковой решетке, обросшей ароматно-цветущим жасмином, висели цветные фонарики. Позади помоста встали трое музыкантов в черных шелковых халатах и шляпах, с кушаками из зеленой парчи. Еще дальше висел занавес, где изображалась сценка из жизни горной деревушки.

Шумная отобедавшая толпа собралась за расставленными вкруг помоста столами и то и дело требовала полные кувшины горячего вина у сбившихся с ног слуг. Наконец один музыкант принялся перебирать струны своей лютни, другой занялся трещотками и барабаном, а третий задудел на флейте с боковым отверстием. Совместные их усилия рождали, по мнению старших Поло, стопроцентную какофонию.

Потом к краю помоста выступил верзила в охряной хлопковой куртке и штанах,

окаймленных узором из листьев. Лицо его покрывал карикатурный грим, а на голове красовался грубый конопляный колпак клоуна-хулигана. Вызывая громкий хохот и привлекая внимание толпы, здоровяк принялся очень похоже подражать голосам домашних животных — петуха и свиньи, пса, куры-несушки и коня. Потом нараспев завел пролог к пьесе на основе популярных «Преданий изгнанников с болот Лян-шань». Ученый Ван, откашлявшись, начал пояснять троим Поло речь паяца…

— Зовут меня Тан-Вол, и кувшин теплого вина куда милей мне теплой женщины. Трудно утолить мою воловью жажду, и трудно раздобыть мне деньги. Сегодня вечером отправился я на поиски моего старого доброго друга, уважаемого чиновника Сон Цзяня, в надежде занять у него пару-другую монет на кувшин-другой славного напитка. Прослышал я, что Сон получил немного денег.

Тут Тан-Вол принялся шастать взад-вперед по помосту, как бы высматривая Сон Цзяня, а потом уныло пропел:

— Видать, мамаша Ян успела перехватить его первой. Надеется примирить Сона со своей дочкой По-ши, холодной и неверной его наложницей.

И Тан-Вол убрался со сцены. Занавес с деревенской сценкой тут же заменили другим, где изображалась спальня По-ши. Вот резная кровать черного дерева под красным шелковым балдахином, вот вешалка для одежды, лакированный столик и керамическая ванна. В центре сцены, занятые ссорой, стояли чиновник Сон Цзянь и его неверная наложница По-ши. Все это по-прежнему сопровождалось музыкальным безобразием.

На густо загримированном Соне был длинный халат алого шелка, полы которого украшали роскошно вышитые белые журавли. Обмахиваясь круглым веером белого шелка, Сон гневно запел:

— Твоя мать настояла, чтобы я пришел повидаться с тобой и выпить немного вина, но ты так холодна со мной, что я просто без толку трачу время.

Высокая и стройная По-ши носила парчовый халат персикового цвета, на просторных рукавах которого были вышиты цветки персика. Густые волосы красавицы с помощью элегантных гребней слоновой кости уложены были в низкую прическу. Лицо — напудрено до белизны, составляя контраст с ярко нарумяненными щеками и подчеркнуто черными глазами и бровями. Длинные ногти по тону гармонировали с цветом халата. Пальцы По-ши наигранно подрагивали, когда она пропела:

— Тогда верни мне договор купли-продажи, чтобы я могла выйти замуж за того, кого люблю!

— С радостью передам твой договор этому несчастному, — пропел в ответ Сон Цзянь.

— И передай мне всю свою собственность! — потребовала По-ши.

— Что я, по-твоему, дурак? — рассмеялся Сон.

— Конечно, дурак. Иначе не стал бы снимать свой пояс, когда присаживался выпить. Ведь я припрятала содержимое твоего кошелька включая золотой слиток и письмо от главаря мятежников из болот Лян-шаня, где он благодарит тебя за былые заслуги. Увидев утром это письмо, твой начальник, уважаемый судья, сильно удивится.

Теперь уже задрожали пальцы у Сона.

— Я всегда хорошо относился к тебе и к твоей матери. Можешь забрать договор… и золото… только верни мне письмо! Иначе судья поменяет мой прискорбный чиновничий стол на еще более прискорбную тюремную камеру!

Громко рассмеявшись, По-ши отказалась вернуть компрометирующее письмо. Тогда, в панике, Сон набросился на женщину, и они схватились. Актеры успели исполнить несколько невероятных акробатических прыжков и кульбитов — а потом Сон вытащил из-за пояса нож и перерезал горло своей неверной любовнице. Действие это, впрочем, хоть и фатальное, не помешало По-ши исполнить весьма продолжительную жалобную песнь…

Потягивая рисовое вино, Марко Поло во все глаза следил за экзотическим представлением. Еще подростком в родной Венеции он любил смотреть комедии уличных актеров, а порой даже мечтал о том, чтобы примкнуть к какой-нибудь беззаботной бродячей

труппе.

В особенности внимание Марко привлекала молодая женщина, игравшая роль По-ши. Черты лица вроде бы катаянки — но глаза и нос более выразительны. Да и ростом выше большинства катайских женщин. В густых черных волосах мелькал рыжеватый оттенок. Двигалась актриса со змеиной грацией. А самое приятное — ножки ее были нормального размера в отличие от уродливо (по мнению Марко) перебинтованных лотосовых ступней придворных катаянок высшего сословия.

Для второго действия снова сменили занавес. Теперь там изображался фамильный храм Сона, с большим золотым Буддой на алтаре. Музыканты ударились в нестройные буддийские мотивы. Отчаявшийся Сон Цзянь прятался в нише под алтарем — а тем временем важно вышагивающий полицейский чиновник явился арестовать его за убийство По-ши.

Только молящего о снисхождении Сона увели прочь, как на сцену выпрыгнула чернобородая фигура. Тот же атлетичный актер, что играл Тана-Вола, теперь переоделся в главаря мятежников, Черного Смерча, намалевав на бородатом лице яростную черно-красно-белую маску. На нем были кожаный шлем, куртка и штаны. Грозно топая босыми ногами по помосту, он выступил вперед с двумя громадными боевыми топорами, чьи обоюдоострые лезвия буквально слепили глаза. Потом, мечась по сцене и бешено крутя своими топорами подобно смерчу, от которого он и получил свое прозвище, главарь мятежников во всем блеске показал искусство неистового боя «кун-фу». Когда Черный Смерч освободил Сон Цзяня и помог ему скрыться в болотах Лян-шань, музыканты (особенно тот, что с трещотками) учинили такой гвалт, что старшие Поло начали опасаться за свои барабанные перепонки.

Третье действие разворачивалось в дремучем лесу на склоне туманно-голубой горы. Музыканты неистово били в барабаны, пока Сон Цзянь в одиночку пробирался через зловещую чащу. Внезапно ему предстал призрак По-ши в хмурой рогатой маске ведьмы, размалеванной синими и зелеными полосками. Упираясь в Сона выпученными черными глазами, бывшая наложница скрежетала острыми волчьими клыками. Длинные волосы ее были распущены — и, бешено мотнув головой, ведьма откинула их назад. А потом, вцепившись трясущимися руками в Сона, с нечеловеческой силой поволокла его вслед за собой в преисподнюю.

Как раз в преисподней и проходило четвертое и последнее действие пьесы. На занавесе позади сцены изображались окруженные языками пламени десять быкоголовых судей Властелина Смерти. Сон Цзянь стоял перед вратами преисподней, умоляя стража его отпустить. Стража играл тот же могучий актер, которого зрители уже видели в ролях Тана-Вола и Черного Смерча, но теперь у него был простой конопляный халат, вьющаяся седая борода и длинные волосы отшельника.

— Меня зовут Хэ Янь, — пропел он. — При жизни я был отшельником, что сторожил врата столицы древнего царства Вэй. Однажды наследный принц оказал мне дружеские почести, и я поведал ему тайный способ, как защитить его царство от злого властителя Цао. Когда жизнь принца оказалась в опасности, я сам перерезал себе горло — из преданности тому, кто удостоил меня уважения, — и улетел в преисподнюю на спине белого журавля. Воистину смешон мне твой ужас при виде этого места…

— Марон! Да ведь так зовут странствующего рыцаря, что прибился к нашему отряду! — вырвалось у дяди Маффео.

— Во всяком случае, это одно из его имен, — уточнил Никколо…

Вдруг на сцену выскочила фигура в свободной шелковой блузе и шароварах, с веселой обезьяньей маской на лице — и принялась выдавать головокружительные акробатические прыжки и перевороты. Марко сразу узнал актрису, игравшую роль По-ши.

— Я Мудрец из Пещеры водного занавеса, — пропела обезьяна, — и я требую поведать мне причину беспорядков, из-за которых прервались мои глубокие размышления.

— О Великий Мудрец, равный небу, этот слабовольный человечишка заявляет, что ему

здесь не место, — с низким поклоном ответил страж.

— Почему же ты не проверишь по небесной книге? — вопросил Царь обезьян. — Там должно быть указание, предписано ему прибыть сюда сегодня или тут какая-то дьявольская ошибка.

Недовольный страж сверился со своим толстенным фолиантом и выяснил, что Сон Цзяня и в самом деле нет среди тех, кому назначено встретить смерть в этот день. Тогда заносчивая обезьяна освободила Сона — под музыкальное бесчинство и общий восторг публики, — чтобы тот соединился со своими друзьями, мятежными изгоями из болот Лян-шань…

Когда восторги и музыка стихли, Марко кивком подозвал одного из слуг и прошептал ему на ухо:

— Я хотел бы увидеться с той рыжеволосой актрисой. Быть может, она поужинает у меня в комнате?

16

Сяо-го: Переразвитие малого.
Гром грохочет над горой.
Певчая птица летит низко.

Марко отвели в непритязательную комнату с кафельным полом и видом на задний дворик, где цвели сливовые деревья. На резной деревянной кровати лежал соломенный матрас, а поверх него — толстые стеганые одеяла и синие шелковые покрывала с вышитыми пионами. Оловянный светильник стоял на струганом лакированном столе красного дерева, по обе стороны от которого располагались два одинаковых стула. Рядом с бело-голубой фаянсовой ванной на низеньком деревянном столике лежало жесткое полотенце. Все помещение наполнял аромат жасмина из голубой глазурованной вазы на том же низеньком столике. Марко давно не приходилось отдыхать в столь уютной комнатке — и он со вздохом глубокого облегчения снял свои запыленные в странствиях кожаные башмаки и подбитый мехом плащ.

Слуга наполнил ванну теплой водой, чтобы Марко мог вымыть лицо, руки и ноги. Потом положил на лакированный стол две пары палочек слоновой кости и поставил туда же две лакированные фарфоровые чашечки для вина. Дождавшись, пока слуга удалится, Марко с удовольствием вымылся.

Вскоре слуга вернулся с белым лакированным подносом в форме цветка лотоса. На подносе, в чаше с теплой водой, стоял сиреневый глазурованный кувшин, полный вина из цветков сливы. На небольших фарфоровых тарелочках разложена была разнообразная закуска из маринованных овощей, соленых орешков и зерен, кремовых консервированных яиц, ломтиков холодного цыпленка и рыбы, хрустящих пончиков с рубленой бараниной и луком-резанцем. Вскоре после того, как слуга с поклоном удалился, послышался легкий стук в дверь. Марко поторопился открыть.

За дверью стояла приглашенная им актриса. Глаза девушка опустила долу. На ней был изумрудно-зеленый стеганый халат поверх салатной шелковой блузы и длинной юбки и зеленые же атласные туфельки. Густые черные волосы, уложенные с помощью пары простых гребней слоновой кости над ее лебединой шейкой, поблескивали в свете лампы. Проскользнув в комнату, девушка стыдливо присела на самый краешек лакированного стула.

Марко разлил по чашечкам теплое вино. Оба выпили и, пользуясь палочками, закусили.

— Мне очень понравилось представление, — начал Марко, стараясь нарушить неловкое молчание. — Но после таких сложнейших трюков вы, должно быть, проголодались. Несравненное удовольствие доставила мне обезьяна, которую вы играли… Между прочим, мы недавно встретили этого плута у пещеры бессмертной феи в безлюдных северо-западных степях.

— Здесь многие утверждают, что видели Царя обезьян — и его трюки. Сама я его никогда не видела, но, говорят, мое жалкое подражание довольно искусно, — красивым, звучным голосом ответила девушка. — Кстати, тут поблизости как раз та самая пещера Царя драконов, освещенная единственной сияющей жемчужиной, откуда в стародавние времена Царь обезьян выкрал свой громадный посох.

— Как хотелось бы мне взглянуть на эту пещеру! — воскликнул Марко, позабыв на время о подчеркнуто сдержанных катайских манерах.

— Возможно, я смогу ее вам показать… когда-нибудь… если получу разрешение моего уважаемого хозяина, — ответила девушка все с той же робостью и неловкостью.

— Меня зовут Мар-ко По-ло, и я из далекой латинской земли, что зовется Венецией, — решил, наконец, познакомиться Марко. — Мои отец и дядя оказавшиеся в Катае купцы, где великий хан своей милостью предоставил нам скромные должности сборщиков солевого налога.

— А меня зовут Си-шэнь, — сказала девушка. — Хотя иногда, за гибкость моего тела, меня еще зовут Змеиной Грацией. Фамилии у меня нет, и происхождение мое неизвестно. Помню себя только катайской девочкой-рабыней при караване, пересекавшем пыльные пустыни на шелковых путях. Так что я, можно сказать, дитя верблюжьего кизяка. Говорят, отец мой был искателем приключений из травянистых гуннских степей. Наверное, оттого я так высока и рыжеволоса… Хотя кто знает? Как сироту меня еще озорной девчонкой продали этой доброй труппе бродячих актеров. С ними я с тех пор и живу, совершенствуя жалкие акробатические трюки, чтобы наполнить свою рисовую чашку. — Тут она еле заметно поклонилась и протянула вперед гибкие руки словно эту чашку в них и держала.

— Так значит, тебе знакомо, каково не иметь постоянного пристанища? спросил Марко, не сводя с девушки разгоревшихся от вина глаз. — Каково не принадлежать ни Европе, ни Катаю… всегда быть чужаком, сторонним наблюдателем… каково глядеть через деревянные решетки на теплый свет ламп в чужих домах — не имея ни собственного дома, ни собственной семьи?

— Да, хорошо знакомо, — просто ответила девушка. И тут, к удивлению Марко, две слезинки из ее раскосых черных глаз покатились по белоснежной коже щек.

Марко протянул руку, чтобы стереть эти слезинки, — и девушка сжала его загорелую ладонь своими маленькими пальчиками, увенчанными персикового цвета ногтями. Рука ее была прохладной и шелковистой. Такими же показались Марко и ее ароматные губы, когда он наклонился их поцеловать. Потом еще поцелуй — уже более страстный. И еще — пока жар от вина все нарастал и пел свою зазывную песнь. И еще — когда Марко заметил, что печаль девушки испаряется, а в глазах проглядывает ответное чувство. И еще — когда это чувство уже всецело овладело ими обоими…

Марко бывал со множеством женщин — самых разных народностей, во многих странах. Но ни одна из них так ему не подходила — не предчувствовала каждого движения его тела и души. Впрочем, и Си-шэнь, или Змеиная Грация, тоже бывала со многими мужчинами, ибо бродячей актрисе всегда приходится откликаться на первый же зов мужчины, играть для него и под сценическим занавесом, и в постели. Но Марко тем не менее почувствовал ее пробуждающуюся привязанность…

Как-то раз, когда они с великим ханом кормили того древнего карпа в окольцованном ивами пруду Великого Уединения в императорском парке, Хубилай сказал Марко:

— Ты, По-ло, сильный юноша. Да и твои отец и дядя, хоть и немолоды, все еще крепки и обладают прекрасным здоровьем. Каждый из вас вполне может иметь жену и давать ей все, в чем только может нуждаться женщина. Разве не так?

— Так, о повелитель.

— Но до сих пор никто из вас так и не упомянул о своей жене. Неужели никто из вас не женат?

— Никто, о повелитель, — ответил тогда Марко. — Мой отец был женат на моей матери в Венеции, но она умерла, когда я был еще совсем мал.

— Н-да, вот жалость. Моя мать тоже давно лежит под погребальным курганом.

Последовало молчание, а потом великий хан в очередной раз умышленно сменил настроение…

— Вздор! — вскричал Хубилай, и на его широкой багровой физиономии появилось знакомое Марко лукавое выражение. — Чепуха! Надо же, чуть было кольцо от досады не проглотил! — Великий хан имел в виду полость под самоцветом, куда многие осмотрительные люди кладут яд. — Надо же было подумать, что вы, все трое, можете вдруг оказаться кастратами. И даже хуже того. Что ты, мессир Марко, можешь мне лгать. Нет-нет — не протестуй. Я понимаю. Никколо, Маффео и Марко По-ло — все они полноценные мужчины. И все же ни одна из тех женщин, с которыми вы имеете дело, не связана с вами церемонией, называемой вами… браком. Не так ли?

— Так, о повелитель.

— Ага! Вот видишь! — Великий хан сильно порадовался своей прозорливости. — Я и это знаю! Меня мать учила — она тоже была христианкой. Правда, несторианского толка. Нет священника? Значит никакого брака. В смысле, того, что вы называете браком. Но почему вам нельзя провести этот обряд с несторианским священником? Ведь он тоже христианин.

Марко вздохнул. Тяжко вздохнул при одной мысли о женитьбе на одной из тех детоподобных женщин с непоправимо искалеченными ступнями, что появлялись при дворе. Вслух же он сказал:

— Потому что несториане считаются еретиками, о повелитель.

Император нахмурил брови. Потом лицо его прояснилось, и он махнул рукой.

— «Считаются еретиками». Значит, по-вашему, несторианские христиане еретики? Ах-ах! Какая любопытная теория! А вот как мне объясняла мать. Вы говорите, что та великая святая, Мариам, была матерью вашего божества. А они говорят, что та великая святая, Мариам, была всего-навсего матерью тела, в котором пребывало ваше божество. Что, не так? Вот видишь, я и это знаю! Знаю! А еще вы, франки… в смысле, латиняне… поклоняетесь образам, подобно буддистам. А несториане, мусульмане и иудеи — нет. Хуи-хуи и мусульмане едят верблюжатину, но не конину. А иудеи ни той ни другой не едят. Не едят они и баранины, и говядины — пока не извлекут из бедра сухожилие и не выбросят его. Зачем они это делают? Вот глупцы! Ведь если питаться сухожилиями, станешь крепким и жилистым. Это же очевидно! А они говорят, что какой-то там Муса, отец их пророков, запрещает им это делать. Что ты на это скажешь, По-ло?

Не вполне понимая собственных слов, но помня, что их говорил старый, очень старый отец Павел, Марко ответил:

— Закон Моисея был пригвожден к кресту, и теперь он мертв и нечестив.

Лицо великого хана, только что задумчивое, вдруг оживилось.

— Скорее! Скорее! Брось Старому Будде кусок лепешки, а пока будет брать, брось пару кусков поменьше вон тем двум карпам — иначе им так ничего и не достанется…

Марко бросил куски рисовой лепешки прямо в разинутые рты древних карпов, что притаились под огромной плакучей ивой.

Затем великий хан подвел итог:

— Моя мать очень почитала крест, и я часто давал ей денег для ее священников и ладан, чтобы они его жгли. И как хорошо, что я это делал! Ее бог будет мною доволен! А как там на самом деле с его святой матерью Мариам — не столь важно. Однако я очень недоволен твоим папой! Да-да! Пришли он сотню не еретических священников, как я того просил, я мог бы женить тебя на подходящей даме — и создать подходящий для меня союз!

Очнувшись от полусонных воспоминаний, Марко протянул руку и приласкал женщину, что лежала бок о бок с ним под стеганными одеялами. Сиреневый рассвет уже просачивался сквозь оконные решетки. Марко приподнялся на одном локте, нежно улыбнулся Си-шэнь и предложил:

— Давай быстренько оденемся и ускользнем отсюда, пока никто не проснулся. Я хочу,

чтобы ты показала мне пещеру Царя драконов… и чтобы никому из нас не пришлось просить разрешения уйти.

— Я не могу уйти, не предупредив хозяина… Если он узнает… — Но тут девушка откинула голову и весело рассмеялась. — Хотя почему я боюсь, что он дознается? Ведь моя скромная обязанность — развлекать. А если посещение пещеры развлечет тебя, Мар-ко По-ло, то все будет в порядке!

Торопливо натянув разбросанные по всему полу одежды, они заспешили к стойлам — оседлать лохматого пони Марко. Только собрались ехать, как что-то с негромким стуком вдруг опустилось рядом…

— Какое прелестное создание! — воскликнула Си-шэнь и протянула руку, чтобы погладить крылатого сфинкса, слетевшего с ветвей цветущего сливового дерева, где он провел ночь.

— Прелестное видится прелестным, — с загадочной улыбкой отозвался сфинкс. — Быть может, молодой хозяин, мне отправиться с вами?

— Это просьба или загадка? — рассмеялся Марко.

— Где пещеры, там и загадки, — заметил сфинкс, легко запрыгивая в переметную суму. И они выехали с постоялого двора. Марко сидел в седле, а Си-шэнь — сзади, держась руками за его пояс, а ногами со змеиной гибкостью обхватывая круп лохматого пони. А улыбающийся сфинкс то и дело высовывал из переметной сумы свою золотистую голову, чтобы Си-шэнь его погладила.

Хрустальная пещера Царя драконов находилась в северо-западной оконечности города, где торчащие будто зубы демона холмы встречались с рассветными туманами, что поднимались от реки, составлявшей часть городского рва. Привязав пони. Марко вместе с Си-шэнь и сфинксом по крутой тропке пробрались через густые заросли бамбука и очутились перед загороженным тростником входом в большую пещеру.

В центре пещеры, в странном углублении, покоилась громадная светящаяся жемчужина размером с человеческую голову, оценить которую было бы не под силу даже самому мессиру Никколо Поло. Переливающаяся жемчужина освещала колонны, остроконечные пики и необычные скальные образования.

— Так значит, здесь плутоватый Царь обезьян и похитил у Царя драконов железный посох? — спросил Марко.

— Не послышалось ли мне презренное имя бесчестной обезьяны? пророкотал поразительно низкий бас, а где-то глубоко-глубоко в недрах пещеры заворочалось нечто невообразимо огромное.

— Мы всего лишь ничтожные путешественники, господин дракон, — торопливо выкрикнул в ответ Марко, — и пришли насладиться красотами твоей пещеры.

— Ха! Некогда эта сырая пещера была частью величественного кораллово-хрустального дворца Царя драконов в океанской пучине, охраняемого гигантскими креветками, что восседали на боевых крабах и имели при себе армию жалящих медуз. Купол матери-жемчужины поддерживался мощным железным столпом, которым регулировались глубины всех рек и морей. А потом явился этот шустрый Царь обезьян и попросил у меня какое-нибудь оружие. Я предложил ему все, что имелось в моем арсенале, — но проходимца устраивал только тот мощный железный столп, который он и украл, чтобы использовать как посох. И когда подлая обезьяна стащила опорный столп, бурные воды затопили мой замок и вышвырнули его на сухую землю. Тут, в окружении высохших останков моей армии и моего дворца, я и живу. И только жемчужина, лежащая в той нише, где прежде был столп, напоминает мне о былом величии. А вы — вы видели ту гнусную обезьяну? Да? Видели? О, даже сам рассказ о моем несчастье приводит меня в ярость! Слышите? В ярость! — Тут дракон так заревел, что даже стены пещеры задрожали.

— Не пора ли нам отсюда? А, молодой хозяин? — спросил сфинкс, когда со стен начали сыпаться камни… и на сей раз это уже была точно не загадка, а настоятельная просьба.

Стремглав выскочив из содрогающейся пещеры, все трое сбежали вниз по склону. Потом вскочили на коня и зашлись возбужденным смехом.

— Неужели наши приключения могут продолжаться и продолжаться… без конца? — выкрикнул Марко, когда они поскакали прочь.

— Могут… если очень захочешь, — шепнула ему на ухо Си-шэнь.

— Но как? — спросил Марко, пожимая ладонь девушки, что держала его за пояс.

— Мой хозяин — тот самый здоровяк, которого ты видел на представлении, — говорит, что хочет продать меня в наложницы, подобно несчастной По-ши. Ему срочно нужны деньги для выплаты игорных долгов. И еще он говорит, что запросто может натренировать новую акробатку, а из меня, пока моя сила и молодость не пришли в упадок, нужно извлечь выгоду. С тех пор как он завел эти речи, я живу в постоянном страхе. Но мои горестные слезы могут обратиться слезами счастья — если тем, кто меня купит, станешь ты!

— Увы, жизнь со мной будет долгим и тяжким странствием, — со вздохом ответил Марко.

— Дитя верблюжьего кизяка не страшится странствий, — ответила Си-шэнь.

Долгое-долгое мгновение Марко размышлял. Женщина, которая смогла бы разделить все тяготы его скитаний. Он даже не смел надеяться встретить такую. А теперь — точно не мог надеяться встретить другую такую вновь.

— Так я и сделаю! — выкрикнул он. — Да!

Карие глаза девушки заблестели от радости под золотыми лучами восходящего солнца.

— Я немедленно скажу отцу, чтобы он переговорил с твоим хозяином!

А потом Марко повернулся в седле, чтобы поцеловать Си-шэнь — еще… и еще.

17

Кунь: Исполнение.
Желтая земля сверху; желтая земля снизу.
Стойкая кобылица находит друзей на юго-западе.

— Нет, Марко! Даже и речи быть не может! — заявил своему сыну мессир Никколо Поло. — Это путешествие слишком опасно для женщины — а она слишком опасна для нас. Одна женщина среди стольких мужчин неизбежно навлечет беду.

Все трое Поло стояли во внутреннем дворике постоялого двора, наблюдая за репетицией актеров. Си-шэнь, в желтой шелковой куртке и шароварах, с перевязанными желтой лентой в два змеиных хвоста волосами, практиковалась в акробатике. Сначала она легла лицом вниз на соломенный мат в центре помоста и неправдоподобно выгнула вверх голову, руки и ноги. Потом одной рукой стала осторожно устанавливать тарелки, блюдца и наполненные водой чашки на поднятую голову, подошвы и ладонь другой руки, пока над ней не воздвиглись колеблющиеся и позвякивающие горки посуды. Слуги постоялого двора и играющие поблизости в шахматы торговцы изумленно глазели на девушку, тыкали пальцами и хохотали. Наконец, с той же предельной осторожностью, Си-шэнь опустила всю посуду на землю.

— Марон! Надо же, как искусна! — воскликнул Маффео. — Но не бросает ли ее искусство вызов грубым вкусам? Не потакает ли им? И разве ты, Марко, не встречался — и не проводил время — со многими обворожительными гетерами на всех тех дорогах, которыми мы следовали? — Дядя Маффео хитро подмигнул племяннику и сунул в рот пригоршню соленых зерен.

— Да, встречался, — ответил Марко. — И достаточно со многими, чтобы понять, что она… особенная… не такая, как все.

— Для разговора об «особенных», сынок, у нас будет время, когда мы вернемся домой, — с непривычной теплотой в голосе сказал Никколо, перебирая свои нефритовые четки. — Что, если Хубилай скоро нас отпустит? А, Марко? Что тогда? Мы с твоим дядей

тоже холостяки — но у нас и в мыслях нет обременять себя женами и наложницами, детьми и домашним хозяйством в этих языческих краях. Наше богатство остается в наших кошельках для самоцветов, а наши привязанности остаются в Италии. А почему? Потому что мы хотим располагать собой, чтобы всегда иметь возможность вернуться под наш фамильный герб с четырьмя скворцами. И мы рассчитываем, что и ты, мой мальчик, вернешься с нами в родную Венецию, где тебе можно будет найти христианскую невесту подобающего происхождения, которая обеспечит фамилию Поло наследниками. И позволь мне напомнить тебе, Марко, что христианки, мягко говоря, не очень охотно делят домашнее хозяйство с наложницами! Что ты тогда будешь делать со своей прелестной катайской актрисой? Утопишь ее в канале? А здесь хозяин девушки отдаст ее солидному господину, способному обеспечить все ее потребности на всю оставшуюся жизнь. Поверь, много достойных мужчин захотят ее купить. Они и дадут ей ту роскошь, к которой всегда так стремятся женщины. А что хорошего принесешь ей ты, если купишь ее по прихоти, а потом бросишь? Добра не будет ни твоей семье, ни тебе самому. Нет, Марко. Я сказал — нет!

Си-шэнь тем временем встала на голову на фарфоровой урне, одновременно вращая подошвами босых ног два ярких зонтика из рисовой бумаги. Бело-голубая урна балансировала на деревянной подставке — а та, в свою очередь, на красном лакированном столике, который держали на своих мускулистых плечах два актера из труппы. Когда девушка, наконец, спустилась на землю, Марко отозвал ее в сторону.

— Ну как? — с нервным смешком спросила Си-шэнь. — Они разглядывали меня будто тушеную курицу на рынке.

— Сказали — нельзя, — грустно ответил Марко. — Они надеются скоро вернуться домой и говорят, что дорога слишком тяжела для женщины. Я-то знаю, что они не правы. Но я так же должен подчиняться своему отцу, как ты — своему хозяину. Обязательно оставь на этом постоялом дворе записку, куда вы направитесь дальше, и оставляй такие же записки на всех постоялых дворах всех городов, где побывает ваша труппа. Вот тебе одна из моих личных печатей — можешь запечатывать записки ею. Если мы справимся с поручением великого хана, он вознаградит меня всем, что я пожелаю. А я желаю тебя, Си-шэнь. Я пройду по твоим следам, найду тебя и привезу в Ханбалык. А пока постарайся поводить за нос своего хозяина и потянуть время. Я обязательно тебя найду. Обещаю.

— Если только меня к тому времени не продадут, — грустно ответила Си-шэнь и попыталась улыбнуться. В глазах у девушки стояли слезы. Потом она вернулась на помост и, видимо от огорчения, устроила целый фейерверк акробатических трюков. Легкая как воробышек, Си-шэнь грациозно изгибалась, головокружительно кувыркалась и прыгала — носилась по сцене, будто пушинка на ветру.

Марко задумался о том, что заставляет человека находить особую красоту и привлекательность в тех местах, где он что-то — или кого-то — оставляет позади. Когда они входили в этот провинциальный городишко Гуэлинь, Марко не чувствовал ничего, кроме усталости и тревоги. И люди, и животные нуждались в отдыхе, а троим Поло к тому же требовалось обсудить дальнейший маршрут. Теперь же люди славно отъелись, несколько ночей поспали под крышей и получили на императорской почтовой станции приблизительные карты, свежих животных и припасы.

Встреча с Си-шэнь запала глубоко в душу молодого венецианца, и, покидая гостеприимный город и наслаждаясь его экзотической красотой, он чувствовал тяжкую тоску. Сгорбившись на своем пони, Марко наблюдал за утренними хлопотами горожан, занятых своими семьями и работой по дому. Уличные торговцы продавали со своих лотков-кухонь вдоль обсаженной коричными деревьями дороги пышущую паром рисовую кашу и пончики. Бритоголовые чумазые ребятишки в ярких стеганых курточках забавлялись шумными играми в грязных проулках, где в поисках объедков слонялись свиньи и цыплята. А вот крестьянин в широкополой соломенной шляпе ведет на поле своего смирного буйвола — и останавливается поболтать с торговцем побегами молодого бамбука, которые тот тащит в тяжелой плетеной корзине, свисающей с наплечного шеста. Вот тощий пес — стоит и лает

среди горшков с луком-резанцем на носу сампана, который одновременно и плавучий дом и средство существования для рыбака, что шестом выталкивает свое судно из дерева и ивовых прутьев в речную быстрину.

И никто из них, похоже, не замечал особого очарования ни загнутых вверх соломенных и черепичных крыш под бледным утренним солнцем, ни окутанных дымкой холмов. Ряды вершин внезапно возникали перед глазами, будто шпили из складчатой зеленой парчи — и исчезали в отдаленной речной мгле. Но горожане не останавливались насладиться этим великолепием, ибо занимало их только одно — как бы наполнить рисовые чашки своих домочадцев. А кроме того, они никого и ничего не оставляли позади. Марко же буквально впивался глазами в зеленеющую роскошь города, в сверкающую реку, что вилась меж похожих на зубы демона холмов, — и глубокая печаль туманила его взгляд.

И все же времени погружаться в столь трогательные чувства и у Марко оказалось немного. Стоило отряду миновать кирпичные стены города, как людские толпы и сутолока быстро испарились. Вскоре они выехали на пустынный проселок, что шел вдоль реки сквозь плотные заросли бамбука. Там Марко поотстал от остальных, желая остаться наедине со своими грустными мыслями — которым вскоре суждено было резко прерваться.

Четыре фигуры в плащах выскользнули из бамбуковых зарослей. Четыре призрачные фигуры в плащах из овечьих шкур окружили его пони. Твердые как сталь пальцы зажали Марко рот. Четыре пары сильных рук, несмотря на сопротивление, быстро стащили его на землю и отволокли в полумрак тенистого оврага.

— Кто вы такие? — сумел выдохнуть Марко, когда в горло ему уткнулись четыре острых ножичка.

— Говорим мы. А ты слушаешь, — прорычал высокий желтокожий мужчина, который как будто был у них главарем. Судя по лицу и по расшитой куртке под плащом — куманец из западных степей.

— Вам нужно золото? — спросил Марко.

— Нет, кое-что поценнее золота, — с северокатайским акцентом ответил главарь куманских бандитов. — Нам нужны сведения о том, как Хубилай собирается покорить богатый город Паган, что в душных джунглях южного Бир-мяня.

— Но я ничего об этом не знаю, — совершенно искренне признался Марко. Могу сказать только то, что и так всем известно. В прошлом году — тысяча двести восемьдесят четвертом по латинскому летосчислению — лучники великого хана разбили боевых слонов Нарасигапати, царя Бир-мяня, и тот бежал в свою богатую столицу Паган. Но мне не известно ни о каких планах дальнейшего продвижения по речной долине и завоевания самой столицы.

— Значит, говоришь, ничего не известно? — сказал желтокожий куманец. Но тогда зачем Хубилай посылает своих лазутчиков в эти южные приграничные области? И почему эти лазутчики переговариваются в потаенных пещерах с жонглерами и акробатами? Ведь известно, что Хубилай намеревается использовать целую армию этой презренной публики для покорения Бир-мяня, ибо ценит их ловкость при боевых действиях в джунглях.

— Так вы, оказывается, знаете об этом куда больше моего, — заметил Марко. — Нас послали сюда всего-навсего проследить за сбором солевого налога. А потом мы засмотрелись на прекрасные и поразительные трюки акробатов. — Тут Марко вспомнил Си-шэнь и подумал про себя, что отец был прав — слишком уж опасно это путешествие. Даже для самой отважной женщины.

— Здесь и без вас хватает алчных чиновников, чтобы вытряхивать из крестьян лишние крупинки соли, — оскалился куманец. — Нам отлично известно, что вы тут по какому-то тайному поручению Хубилая. Иначе зачем вам запрашивать на каждой почтовой станции примерные карты? Вот видишь мы следили за каждым вашим шагом. А теперь говори, что это за поручение, или отведаешь лакомые лезвия наших острых ножичков.

И, словно подчеркивая свои слова, степной бандит провел тонкую и предельно жгучую кровяную черточку по злосчастному горлу Марко Поло.

18

Фын: Изобилие.
Гром рокочет над вспышкой молнии.
Великий царь сияет подобно полуденному солнцу.

«Но кто… и зачем?» — такие мысли мелькали в голове у Марко, пока кровь неспешно стекала по груди мимо серебряного крестика, что висел у него на шее. И страдающий разум Марко тут же выдал ответ — будто вдруг снизошедшее откровение. А ведь этот куманец не просто главарь бандитов! Это бывший младший чиновник по имени Хутан, с которым Марко встречался во дворце Ханбалыка. Сын прекрасной куманской наложницы злого и продажного министра Ахмата Бемакети, несколько лет назад убитого катайскими повстанцами.

Марко прекрасно помнил скандал, что потряс всю столицу. Верховный управитель Заоксианы Ахмат был самым могущественным человеком в Ханбалыке после великого хана. Поговаривали, что он колдун и использует черную магию, чтобы подчинить Хубилая своей воле. И действительно. Марко припоминал, как пронзительные черные глаза управителя Ахмата околдовывали своими гипнотическими чарами всех, кто находился в его присутствии.

Так Ахмат расправлялся с каждым, кто становился его врагом, и повышал по службе каждого, кто был его союзником. Так он овладевал всеми прекрасными женщинами и всем богатством, какого только мог пожелать для себя и своих многочисленных сыновей, многие из которых страдали болезненной алчностью и похотливостью. Ахмат правил два с лишним десятилетия — и катайцы уже не могли этого выносить, ибо он заставлял их чувствовать себя рабами на своей собственной земле. Тогда они создали тайное общество, призванное убить управителя Ахмата… и всех, носящих бороды, — сарацин и монголов, татар и христиан. Ибо в пришлецах этих катайцы видели угнетателей, которые с помощью грубой силы завладели их Срединным царством, нажили себе богатство за счет непомерных налогов, насиловали и принуждали к сожительству их дочерей.

И в подобранную астрологами ночь заговорщики выманили Ахмата из его роскошного особняка в старом городе Тай-тине и привели в зимний дворец. А там ослепили внезапно зажженными свечами и обезглавили. Благодаря энергичным действиям монгольской стражи мятеж удалось быстро подавить. Главари заговорщиков были казнены — и катайский люд вернулся к своим повседневным занятиям.

Но в каком-то смысле все же мятеж удался. Ибо чары, которыми ненавистный колдун окутал Хубилая, развеялись. Узнав о том зле, что творил его управитель, великий хан осудил Ахмата. Марко хорошо помнил, какие громадные злорадствующие толпы катайцев собрались поглазеть, как труп Ахмата будет выброшен из дворца Ханбалыка на ледяную площадь, где его разорвут голодные псы.

С самых зловредных сыновей Ахмата живьем содрали кожу, но некоторым удалось спастись. В числе последних оказался и Хутан — тот самый, что стоял теперь перед Марко и пробовал пальцем окровавленное лезвие своего ножа. Ходили слухи, что Хутан, чья мать была родом из степей, примкнул к воинству злейшего врага Хубилая, Хайду-хана из Самарканда — отважного Степного Волка.

Подобно Хубилаю, Хайду-хан тоже был внуком великого завоевателя Чингиса, чьи конные орды пожгли и разграбили Катай, уничтожив чуть ли не половину его населения. Подобно Хубилаю, Хайду-хан тоже присвоил себе титул Хахана — великого хана. Но в отличие от Хубилая Хайду-хан не сделался просвещенным и катаизированным Сыном Неба. Пока Хубилай заботился о том, как поднять из руин великую империю, Хайду-хан и его приверженцы остались верны грубой кочевой жизни настоящих монгольских воителей. И бесстрашные конники Хайду то и дело щипали и кусали западные фланги Хубилая —

подобно злобным степным волкам.

Теперь все стало ясно: Хутан, мятежный сын умерщвленного колдуна, верховного управителя Ахмата, укрылся в травянистых степях на куманской родине своей матери, чтобы стать лазутчиком Хайду-хана. И с помощью угроз и пыток он надеялся вытянуть из Марко сведения о планируемом Хубилаем нашествии на Бир-мянь. Неясным оставалось только одно — что же теперь делать…

— Говори. Быстро. Или один взмах моего ножа — и твой ленивый язык уже никогда ничего не скажет. — Кончиком ножа Хутан ткнул венецианца в нижнюю губу. Кровь снова закапала…

И тут Марко вдруг явилось мучительно-жуткое видение безъязыких нищих, встречавшихся ему в самых разных землях. Как они мычали, пуская слюну. А потом, с удесятеренными от страха силами, Марко бешено изогнулся — и, вырвавшись из рук двух лазутчиков в овечьих плащах, бросился бежать вниз по склону тенистого оврага. Четверо негодяев бросились в погоню, и один сразу вырвался вперед. Чувствуя, что его достают, Марко прямо на бегу взмахнул левой ногой — и попал точно в пах преследователю. Тот согнулся пополам и завопил от боли. Тогда Марко повернулся и размашистым ударом правой ноги поверг врага на землю.

Этим приемам, именуемым «Утиная лапка» и «Лапка селезня», Марко обучили инструкторы по боевым искусствам в Ханбалыке. Но остальные трое лазутчиков по-прежнему его преследовали — а приемами, чтобы уложить всех троих, Марко не владел.

Но тут он вдруг услышал дикий вопль наподобие рева разъяренного слона и в овраге появилась еще одна фигура. Высоченный мужчина, широкоплечий и златовласый, в мохнатой меховой куртке и с мощным боевым топором в крепких руках. Топор он крутил над головой так, будто это была почти невесомая игрушка. За гигантом следовал стройный катаец в красном кожаном шлеме и в кожаных же красных доспехах поверх черной шелковой куртки и штанов, со сверкающим обоюдоострым мечом. Дико рыча, белокурый медведь бросился на Хутана и приложился ему по лбу обухом своего топора. С залитым кровью лицом куманец упал на колени.

Невысокий катаец тем временем элегантно взмахнул мечом и, применив удар «Возжигание небес», чикнул по груди ближайшего к нему лазутчика, разрывая плащ и оставляя на куртке ярко-алое пятно. Под напором Марко и его вновь обретенных союзников четверо вооруженных ножами куманских бунтовщиков быстро пошли на попятный. Осатаневшие от страха, они, будто напуганные кузнечики, попрыгали в залитую туманом бамбуковую чащу, оставляя позади себя бурый кровяной след.

— Будем преследовать? — задыхаясь от возбуждения, спросил у Марко огромный блондин.

— Нет, — ответил Марко. — Пусть вернутся к своему хозяину с невыполненным заданием. Хайду-хан обойдется с ними, как всегда, жестоко. А заодно поймет, что его лазутчикам не взять нас так же просто, как бир-мяньским племенам поймать в яму слона. И позвольте, друзья мои, поблагодарить вас за помощь.

— Видишь коня без всадника — рядом беда, — бросил в ответ блондин.

— Теперь вы, должно быть, далеко от своей родины, — предположил Марко.

— От моей родины? — переспросил гигант и озадаченно наморщил лоб. — Да, моя родина очень далеко. На севере. Очень далеко на севере. И на западе. А теперь я брожу по дорогам вместе с этим немым пажом. Язык у него есть, но говорить не может.

— Приглашаю вас и вашего пажа последовать за мной, чтобы встретиться с моим отцом. Он обязательно захочет вас вознаградить.

— Да. Теперь поедем с вами, — сказал могучий блондин и сплюнул в темное кровяное пятно.

То, как Марко и могучий северянин общались тем вечером у костра, вполне может озадачить жителей тех мест, где все говорят на одном языке и других не знают. Но тут следует заметить, что венецианцы обычно начинали учить чужие языки чуть ли не с

колыбели. А если няньки и другие слуги оказывались иностранцами — то как раз с колыбели. Немецкий и славянский почти незаметно для себя выучивали на набережных каналов. С куда большим трудом овладевали греческим и латынью. Ибо греческий был, в конце концов, главенствующим языком венецианских Заморских владений — заграничных колоний республики, отошедших к ней главным образом при крушении Византийской империи. Для торговли с сарацинами требовалось как минимум знание арабского. А поскольку турецких купцов с Леванта прибывало все больше и больше, каждый мало-мальски толковый венецианский торговец овладевал уже основами и турецкого.

Если же знаешь несколько языков, куда легче научиться любому другому.

Волосы могучего северянина были, пожалуй, не желтее, голубые глаза не голубее, а красное лицо не краснее, чем, к примеру, у сакса или англа. И все же было в этих желтых волосах, голубых глазах и красном лице что-то… именно скандинавское. Германо-шведское. Или варяжское, как выражались русы. Как же занесло его в Катай — страну еще более далекую (считая от его родных земель), чем даже от родины самого Марко?

Об этом венецианец и спросил. Северянин думал довольно долго. Наконец последовал лаконичный ответ:

— Шел — и пришел.

О том, почему О-ла-фу — таково было его катайское имя — «шел» от самого Константинополя (от Микельгарда, «Великого Города», как выражался северянин) до Катая вместо того, чтобы грести, плыть или хотя бы «идти» к своим родным лесам, островам и фиордам, Марко спрашивать не стал. Но мало-помалу и сам пришел к двум заключениям. Во-первых, что человек этот бросил службу в варяжской охране восточного императора раньше условленного времени — и без разрешения. А во-вторых, свою туманную северную родину он оставил не просто ради занятных приключений в заморских краях.

Проговорили Марко и О-ла-фу далеко за полночь. На обрывках фраз из самых разных языков — не слишком стыкующихся друг с другом, но все же достаточно понятных. На близком к итальянскому «лингва франка», общему для Средиземноморья… на вопиюще неклассическом ромейско-греческом… на всевозможных славянских языках, что были в ходу от юга Балкан до рек и озер Великой Руси… на вымирающем восточноготском Крыма… на множестве вариантов турецкого со всех концов Малой и Большой Азии… совсем чуть-чуть на обиходной латыни… совсем-совсем чуть-чуть на нескольких татарских и даже на катайском. А если при всем при том венецианец выучил немного варяжского, а варяг — малость венецианского? Только на пользу.

В самом начале северянин назвал себя Олафом. Потом сказал, что зовут его Олавр. Тогда Марко решил для простоты звать его Оливером — на манер англов. Азиаты, впрочем, звали гиганта О-ла-фу — если только не Голубоглазым, Огненнобородым, Большеносым или Демоном Ниоткуда. Последними двумя именами пользовались за глаза. И на предельно почтительном расстоянии. Ибо Олафу и впрямь был невероятно могуч, а его красное от солнца тело носило множество боевых шрамов. Великое множество шрамов.

Азиаты вообще не видели особого смысла в схватке один на один, с боевым топором против меча. Они считали, что стрельба из лука с несущегося во весь опор коня имеет куда больше смысла (и, между прочим, требует куда большего мастерства). По крайней мере, пока не кончатся стрелы. Но они охотно соглашались с тем, что поединок требует большей отваги.

До поздней ночи, окруженный круговыми кострами внутренней монгольской стражи, окруженными, в свою очередь, кострами внешней стражи татар, Оливер то расхаживал, то садился. То и дело хмурился. Никогда не улыбался. Только покачивал своим громадным боевым топором в могучих, исчерченных шрамами руках — а немой паж тенью скользил позади.

— Бывало тебе когда-нибудь страшно? — спросил Марко.

— Не. Никогда не бывало! — мотнул головой Оливер.

— Но почему? Порой это так естественно… что с топором, что без.

Оливер снова мотнул головой и выразительно подергал свою рыжеватую бороду.

— Потому что есть получше топора.

— Что же? — спросил Марко.

Оливер долго-долго смотрел куда-то вдаль, потом повернулся и долго-долго смотрел на Марко. Наконец сунул руку под свою мохнатую куртку (северянин называл ее «сэрк» и утверждал, что на нее пошла медвежья шкура) и достал оттуда затянутый ремешком мешочек. А из мешочка вынул кусочек кости или камня.

— Что за странная чепуховина? — поинтересовался Марко.

Оливер испустил хрип, который, скорее всего, призван был изображать смех.

— Не чепуховина. Хо! Не-а, не чепуховина. Футарк.

— Что-что?

— Ну, кто-то зовет руны. Другие — футарк. У северян вроде как буквы. Вроде… как там? Ну, санктус…

— Святыня?

— Ага, святыня. Вроде как кладут на могильный камень. Вроде как на волшебной палочке. Вроде ведьмина знака. Руны. Футарк. Теперь смотри… Длинный, мозолистый палец Оливера указал туда… сюда…

— Фея, Всадник, Лед, Шип.

Древность, Разбойник, Язва, Норна.

Год, Солнце, Град, Бык.

Муж, Озеро, Розга, Руно.

Шип, Норна; Норна, Шип…

«Норна» — пропело слабое эхо, когда искры костра взлетели вверх, в непроглядную тьму, — а потом растаяло на шепчущих ночных ветерках.

Перечисление продолжалось. Порой перевод этих странных угловатых знаков был труден для понимания, а порой просто невозможен. Служили они символами вещей из списка? Или он состоял всего лишь из названий букв? Или… Одного взгляда на благоговейно вытянувшееся лицо Оливера Марко хватило, чтобы удержаться от смеха, несмотря на забавное звучание некоторых пунктов. Вместо этого венецианец спросил:

— И что все это значит?

Оливер перевернул свою вещицу. Линии знаков на лицевой стороне были короче. Северянин помолчал. Потом сказал:

— Значит… вроде как… «Аве Мария бережет Оливера от зла». — И северянин энергично кивнул. Потом положил свой амулет, талисман или как там это называлось обратно в мешочек, а мешочек снова сунул на грудь под мохнатую куртку.

— Да, Оливер, это и впрямь святыня.

Еще один энергичный кивок. Какое-то бурчание. А потом, не прощаясь, Оливер вдруг встал и ушел. Подозвав немого пажа и перекладывая из руки в руку громадный боевой топор, О-ла-фу возобновил свой неустанный, беспокойный ночной дозор. Интересно, подумал Марко, может он видеть в темноте? Может почуять человека? Расхаживая взад-вперед, северянин и его немой слуга продолжали свою стражу.

А Марко вдруг подумалось, что в перечне и в заключении Оливера, наверное, содержится больше того, что слышали его уши. «Аве» руны вполне могли отнести не только к «Марии». В конце концов, христианами скандинавы стали недавно… а вспомнить им есть что.

Все они, конечно, весьма склонны к тому, чтобы при малейшем оскорблении или ином вызове бросаться в поединок и убивать друг друга своим громадным оружием. В отличие от более просвещенных, более обходительных и уравновешенных венецианцев, которые умеют молча улыбаться — и держать нож под плащом. Или, по крайней мере, вежливо пригласить обидчика в погреб отведать вина…

Тут глаза Марко вдруг наполнились слезами. Ах, это венецианское вино! Ах, эти венецианские фрукты! Как был бы он счастлив порадовать всем этим Си-шэнь! Изысканные

сласти! Охлажденные альпийскими снегами напитки! Мраморные дворцы и виллы, золотистые картины и гобелены, богато груженные гондолы Наитишайшей Венеции! Венеция! Город единственный и неповторимый, великий рынок купцов всей земли! Город, украшенный жемчугами, наряженный в золотые одежды! Венеция, невеста моря!

Венеция!

Потом в голове у Марко возникла любопытная мысль. Одна из этих ерундовых рун показалась ему… знакомой. Та, что повторялась чаще других и означала «шип». Кажется, точно такая же есть и на «проклятом» Хубилаевом свитке. Марко тут же отозвал Оливера с его беспокойного дозора и поднял сонного ученого Вана. Точно! При пляшущем свете костра выяснилось, что руна, которую Оливер называет «шипом», — тот же самый загадочный символ, что вновь и вновь появляется на свитке!

Сколько же волшебства может таить в себе одна ночь!

Волнение охватило Марко, стоило им сравнить значки на амулете Оливера с отметками на аккуратно извлеченном из разноцветного шелкового кокона свитке-карте. Этот новый кусочек головоломки наверняка поможет им разгадать трудную загадку местопребывания Спящей Красавицы! Поможет найти это потаенное место! Поможет добиться великой благодарности Хубилая! А тогда Марко обязательно отыщет Си-шэнь и вместе с ней вернется в Палаццо ди Поло, под щит с четырьмя скворцами! Домой, в милую сердцу Венецию!

Что, если Спящая Красавица дремлет там, где «шипы»?

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. НАЙДЕНЫ ВЕСЕЛЫЕ КРАСАВИЦЫ

19

Цзе: Разрешение.
Гром над дождем приносит избавление.
Двигайся дальше — и почки распустятся.

В поход выступал караван из пятидесяти коней и верблюдов; последние не высокие и стройные одногорбые аравийские, а невысокие и плотные двугорбые верблюды Бактрии (беговые верблюды, так называемые дромадеры, или «хадджаннахи», столь незаменимые на горячих сухих песках, сильно страдают от льда, снега и холода, а значит, не годятся на севере и в горных районах). По мере же приближения каравана к тропическим зонам и по мере истощения запасов провизии верблюдов постепенно оставляли позади.

В каких-то иных местах земного шара пятьдесят животных могли бы показаться цифрой недостаточной, но ни одна другая страна мира не имела столь эффективной почтовой системы, как империя великого хана. Более 10000 почтовых станций располагались через точно отсчитанные интервалы — почти повсеместно. Прибыв на такую станцию, путнику по казенной надобности следовало лишь предъявить тонкую металлическую табличку с начертанными на ней имперскими символами, что служила чем-то наподобие внутреннего паспорта. И его тотчас обеспечивали жильем, провизией, а также столькими конями из двухсоттысячной императорской конюшни, скольких ему взбредало в голову потребовать.

Местные чиновники невысокого ранга по малозначительной надобности получали табличку-пропуск из бронзы или латуни. Такая табличка давала доступ к ограниченным жизненным благам на ограниченной территории. Доверенным же посланникам — таким, к примеру, как Поло, — с имеющими государственную важность поручениями вручали таблички из серебра. Но только золотая табличка обеспечивала ее обладателю безопасный проезд за границы империи великого хана. Только драгоценная золотая табличка могла доставить Поло домой — в Наисветлейшую Венецию.

Итак, дикую местность, что казалась заброшенной даже вездесущими божествами-демонами Катая, Поло преодолевали на различных животных. Ибо катайцы и монголы — а также их придворные художники — ценили разнообразие конских пород точно так же, как Никколо Поло ценил разнообразие самоцветов.

А кони здесь были всякие — начиная с гордых и гладких традиционных пород древнего Катая, ведущих свое происхождение, быть может, еще со времен полулегендарного чжоуского царя Вэня, — коней менее шерстистых и куда менее тяжеловесных, чем мощные боевые кони Европы, выводившиеся специально для того, чтобы носить на себе солидную массу закованных в железные латы рыцарей. Различались они от изящных длинноногих пород катайских долин и холмов до полудиких татарских пони, несомненно родственных тем яростным конькам, что едва ли не тысячелетие назад столь стремительно перенесли гуннов от неприступной в то время Великой Катайской стены в 10000 ли к полям пред нерушимым (опять-таки — в то время) вратам Рима.

Руководствуясь «проклятым» Хубилаевым свитком, отряд направлялся на юго-запад. Ни в коем случае не прямо на запад — составить трапезу воронам или грифам, которым уже не грозили безжалостные стрелы великого Чингис-хана. Однако временами сама местность вела путников то на юго-восток, по дну извилистой лощины, то на северо-запад, вдоль ровного горного гребня. А то и точно на юг — в края туземцев, где в непроходимых джунглях надрывно кричат похожие на призраков гиббоны. Или на север, где все с ужасом сознавали, что в любую секунду из высоченной травы бескрайних равнин на них может броситься пятнистый снежный барс.

И пока отряд проделывал свой путь на юго-запад (окольный путь на приблизительный юго-запад — отчасти из-за норовящего спрятаться солнца, а отчасти из-за обманной стрелки далекого от точности магнитного компаса), пока изобильные провинции и людные торговые города Центрального Катая сменялись скверным климатом и пересеченной местностью, изящных катайских кони, как и верблюдов, стали оставлять на почтовых станциях. Взамен там давали свежих животных — пониже ростом и погрубее. Зато куда более приспособленных к скудному корму суровых ландшафтов.

Оставшимся позади коням и верблюдам был обеспечен добрый уход — а со временем их перегоняли обратно на северо-восток. Постепенно — со станции на станцию. В конце концов эти традиционные кони Северного Катая должны будут оказаться на своей родине. Рано или поздно великому хану доложат, когда и откуда вернулся каждый из них, занесут все сведения на специальную карту, и Хубилай узнает… А впрочем, быть может, и не узнает. У великого хана множество разных дел и забот — но дней в его жизни не больше, чем у любого смертного. Будь то Сын Неба или сын земли.

— Царство Чамба — как жаркая подмышка меж провинциями Южного Катая и Бирмянем, — заметил Маффео Поло своему старшему брату и племяннику, когда весь отряд расселся на раскидистом банановом дереве, спасаясь от внезапного муссонного паводка. Потом дядя Маффео аккуратно отжал свою пропитавшуюся влагой бороду и закончил мысль: — Вот эта подмышка теперь и потеет.

Никколо Поло не ответил брату. Стащив с ноги мягкий кожаный ботинок, он уже успел оторвать от ступни и лодыжки добрый десяток иссиня-черных пьявок.

— …Десяток отборных несравненных рубинов, каждый размером с крабий глаз; ценою же сказанные рубины в полный набор из двенадцати серебряных крестильных ложек… — бормотал он себе под нос, задумчиво разглядывая собственную кровь, разведенную ядом пьявок, — как она сбегает струйкой по лодыжке и капает — кап-кап-кап — прямо в густое сплетение надземных корней бананового дерева, в переполненное водой болото…

Марко сидел рядом с маленьким золотистым сфинксом в развилине меж двух мощных подпорок, выдерживавших на себе тяжесть раскидистого банана и его надземных корней, что втягивали из сырого воздуха пищу. Он тоже снял ботинки, чтобы оторвать присосавшихся пьявок. Вот мерзкие твари! Совершенно невидные для глаз, липнут к ветвям в этих влажных лесах и терпеливо дожидаются, пока мимо пройдет лакомый кусочек

человеческой плоти. А потом с точностью просто сверхъестественной падают за воротник или в ботинок — и кусают так, что кожа немеет, а кровь разжижается. А уж тогда проклятые паразиты неторопливо наслаждаются своей трапезой — пока хозяин лакомой плоти с отвращением их не оторвет.

Остальные члены отряда тоже расселись по качающимся веткам банана подобно стайке встревоженных голубей — а их еще более встревоженные кони стояли на привязи по колено в мутной от грязи воде. Монголы и татары недовольно ворчали, срывая ненавистных пьявок со спин друг у друга. В Европе на столь редких и ценных лечебных пьявок был большой спрос — а здесь… здесь людям только этих паразитов и не хватало!

Один молодой круглолицый татарин пострадал особенно сильно. Марко видел, как над лежащим на ветвях дерева парнем склонились двое товарищей и отрывали целые горсти липких черных слизняков от его обескровленного тела. Лицо несчастного совсем побледнело — от желтизны осталась лишь тень. Марко задумался, сможет ли татарин продолжить путешествие, — а если он потерял крови столько, что уже не сможет, то что же им тогда делать. Увы, красное-красное вино Европы, столь незаменимое при малокровии, было так далеко — в целом мире оттуда.

Как же так вышло, что они расселись на ветвях дерева столь чудовищного, в месте столь неприветливом, да еще отрывают от своей кожи столь мерзких паразитов? «От гадов непотребны» — подобно псу Одиссея. Винить в этом снова следовало «проклятый» Хубилаев свиток — ибо негоже преданному вассалу винить самого великого хана. Согласно маловразумительной трактовке ученым Ваном запутанного клубка букв и символов, смутно очерчивавших направление поиска, отряду следовало держать курс на юго-запад, пока они не набредут на «след единорога».

Подобно многим сказочным зверям, что в христианских странах принадлежали лишь мифологии, здесь, в приграничных районах Катая, единорог был хоть и редким, но вполне реальным животным. Его толстый черный рог растирали в порошок и продавали в качестве средства для восстановления мужеских способностей пожилым богачам по всей империи. Ибо, как ехидно указывали аптекари: «Рог единорога возвращает детородному органу прискорбно утерянное им приподнятое положение».

И в то же время, как получилось и со многими другими сказочными существами, реальность далеко не соответствовала благородным образам из европейских бестиариев. Азиатские единороги вовсе не походили на трогательных однорогих пони. И никаких высоких нравственных качеств у них не наблюдалось. Скорее наоборот. Это были громадные черные зверюги размером почти со слона, только шкурой потолще, а мозгом поменьше, и пуще всего на свете обожали они валяться в грязи. Бессмысленные красные глазки единорогов всегда сверкали злобой. Твари эти бросались на все, что двигалось, и безжалостно крушили. Нет, существа эти были крайне малосимпатичны и чрезвычайно опасны. И все же обладание единственным черным рогом на грубых рылах неизбежно производило их в единороги. Поэтому Марко надеялся, что при встрече капризным зверям может прийтись по вкусу знаменитое «единорожье миролюбие».

Вот этих-то зверюг, согласно туманной интерпретации ученого Вана, и предписывал преследовать загадочный Хубилаев свиток. На почтовых станциях юго-западных провинций им посоветовали поискать единорогов в болотах у южных рубежей. Где-то еще им порекомендовали пересечь границу царства Чамба у залива Цзы-нам, где, в лесах черного дерева, по слухам, таятся мерзкие черные единороги — и топчут все, что шевелится.

Царство Чамба было богатой страной со своими собственными законами и языком. Со времен капитуляции перед опустошительными монгольскими ордами в 1278 году престарелый его царь платил империи великого хана ежегодную дань в размере двадцати больших слонов и дерева алоэ. Таким образом, серебряная табличка Поло здесь признавалась и отряду разрешено было исполнять свою секретную императорскую миссию.

Поудобней пристроившись в сплетении надземных корней раскидистого банановых дерева, Марко обрисовывал гнетущую сцену в своем путевом дневнике: «…Чамба — край,

изобилующий черным деревом и алоэ. Как приличествует стране, богатой единорогами, здешний царь имеет 326 детей, включая 150 взрослых сыновей. Чамба также край непроходимых болот, свирепых бурь и муссонных приливов — каковые и вынудили нас искать прибежища на ветвях буйно разросшегося дерева в болоте Шести Драконов, где мы ждем, пока воды схлынут. Хочется надеяться, что они не поднимутся выше и не станут угрожать нашим коням. Воистину прав дядя Маффео: Чамба как потная подмышка на могучем теле Катая…»

Смоченное в ягодных чернилах перо замерло над пергаментной страницей дневника, пока Марко вспоминал тот день, когда он впервые услышал об этих страшных единорогах. Вскоре после того, как Поло ощутили на себе хватку сильной руки Катая, отец Марко описал их путешествие великому хану в зале для неофициальных аудиенций летнего дворца в Чэнду…

— В Византии, о повелитель, нам посчастливилось найти превосходный…

— В Византии, — повторил Хубилай-хан, блестяще подражая венецианскому произношению греческого слова, которое он слышал впервые. — Что за Византия?

Вопрос он адресовал не Никколо Поло, а своему главному ученому — тому, что, казалось, дремал неподалеку от трона. Ученому возраста немыслимо древнего, похожему скорее на высохшего гомункула, чем на человека. Но морщинистые веки старца мигом приподнялись, а из почти безгубого рта послышался голос:

— Ви-зен-ти-ум, о повелитель, суть старое название «Великой Сирии». Некогда оттуда прибывало посольство, как утверждалось, с богатыми дарами в виде золота, янтаря и шерсти, что превосходнее шелка. Но в Бирмяне столь богатая дань была грабительски отобрана, и послы смогли положить к Трону Дракона лишь несколько плодов бетеля и рог единорога. Причем… — тут голос старца задрожал, — даже не такой уж большой рог. — И ученый пожал плечами, выражая тем самым одновременно смирение, пренебрежение и, быть может, чуть-чуть гордости за то, что он помнит подробность, помнить которую стоило уже потому, что Хубилай об этом спросил.

Лицо великого хана побагровело.

— Бир-мянь посмел отобрать дары, предназначенные для Трона Дракона! Узкие глаза наполнились бешеным гневом — будто оскорбление было нанесено только что, а не тысячу лет назад. Потом лицо Хубилая как-то задергалось, пошло морщинками — и разъехалось в широчайшей улыбке. — Значит, поперлись в такую даль, одолели многие тысячи ли — и не смогли предложить ничего, кроме плодов бетеля и рога единорога? Ха-ха-ха! Ох, ха-ха-ха… — А в следующий миг лицо великого хана уже выражало полную серьезность. Впрочем, такой рог — прекрасное лечебное средство. Особенно для мужчин много, много старше меня.

И Хубилай окинул внимательным взглядом окружающих. А те, даже не успев припомнить главное применение рога единорога для нужд пожилых (но все еще полных душевной бодрости) мужчин, дружным хором воскликнули:

— О да, великий хан, конечно, великий хан…

Но тут, прерывая мысли Марко, привязанные под деревом кони забили копытами и тревожно заржали…

20

Бо: Разорение.
Гора покоится на твердой земле.
Но спелый плод так и не съеден.

И стоило коням заржать, как прилипшие к ветвям дерева монгольские и татарские конники тоже с громкими возгласами принялись тыкать куда-то пальцами. Даже ученый Ван — редко склонный повышать голос — выкрикнул:

— Смотрите! Смотрите! Это же грозовой дракон!

Все немедленно обратили взгляды на затопленное болото Шести Драконов и увидели, как пусть не шесть, но по крайней мере один дракон поднимается из болотной жижи. Рыцарь Хэ Янь — редко склонный вздыхать — тяжело вздохнул. Ибо каждый катаец знает, что драконы — предвестники грозовых ливней. Даже сам Сын Неба бил в громогласный барабан драконовой кожи только в пору засухи. Вот те на! Только ливня им теперь и не хватало!

В благоговейном ужасе Марко уставился на громадное чешуйчатое существо, что поднималось в мрачнеющее небо. Над головой ящера уже роились черные грозовые облака, где сверкали молнии, а от изогнутого дугой хвоста тянулись радуги. В отличие от нелепых единорогов настоящие азиатские драконы были куда величественней собственных недвижных изображений в европейских бестиариях. Могучие тела их переливались всеми цветами радуги, а возникали и исчезали они примерно так же, как возникает и исчезает для слуха едва слышная нота.

— Марон! Никак не пойму, реальна эта языческая тварь — или мои стареющие глаза и разум меня подводят! — воскликнул Маффео и дернул себя за бороду, словно желая удостовериться хотя бы в ее реальности.

— Хорошо еще, что этот зверь поднимается, — утешил его ученый Ван. Ибо каждый катаец знает, что падение дракона на землю предвещает великое несчастье и ужасные катастрофы — голод, войны и мор. — Это только лишь летающий грозовой дракон, который принесет всего-навсего иллюзию дождя или, точнее, ливня — в уже и без того затопленное болото.

И тут, словно в подтверждение, после длинного высверка молнии и жуткого громового раската, по головам несчастных путников забарабанил теплый муссонный ливень. Возбуждение Марко при виде дракона мигом сменилось унынием, стоило ему увидеть, как уровень воды медленно, но неуклонно ползет вверх по дрожащим ногам перепуганных коней.

— В своих владениях Хубилай такого потопа не допускает, — заметил Марко, обращаясь к Оливеру и его немому пажу, что сидели верхом на ближайшей ветке, пока крупные дождевые капли обрушивались на их хмурые лица.

Светловолосый гигант лишь хмыкнул в ответ.

Действительно, Хубилай всегда проявлял заботу о делах засухи и наводнений, которые грозили разрушить с таким трудом завоеванное благополучие его империи. Марко вспомнил один из весенних дней в главном приемном зале Ханбалыка — в этих высоких палатах, способных вместить шесть с лишним тысяч персон в свои золоченые стены, столь богато расписанные всевозможными зверями и птицами, а также батальными сценами.

Шел довольно заурядный прием, когда от колоссальной мраморной лестницы вдруг послышался отчаянный трезвон курьерских колокольчиков. Курьерские станции располагались через каждые три мили по главным дорогам империи как часть почтовой системы великого хана. Гонцы, с прикрепленными к поясу колокольчиками, доставляли во дворец важные сведения — а то и корзины свежих фруктов для императора. Покрыв трехмильное расстояние, гонец передавал свою ношу следующему гонцу на следующей станции, причем все это аккуратно записывалось чиновником. Так великий хан мог оперативно получать (или передавать) известия из самых отдаленных уголков его империи. И вот запыхавшийся гонец рухнул на колени у широкого изысканного порога, призванного отваживать духов-демонов, которые, как считалось, норовили проникнуть в зал.

— Можешь подойти. Подойди.

Голос великого хана, до того монотонный и распевный, вдруг сделался будничным. И только прозвучало это «подойди», как старший гонец, низко склонив голову, пополз вперед на четвереньках. Приблизившись ровно настолько, сколько было положено по протоколу, — и ни шагом дальше, — он, так и не разгибая спины, вытащил свиток, развернул его и принялся читать вслух. Все — и великий хан в первую очередь — знали наизусть тот список регалий, с которого начал чиновник, — но здесь ничем нельзя было пренебречь. Ни единой

буквой. Даже если б Большой дворец горел. Закончив с регалиями, старший курьер лишь на миг умолк, переводя дыхание, и потом продолжил:

— Сыну Неба имеется доложить о том, что дожди, коим Трон Дракона никогда не позволит задержаться, начались сей год слишком рано и падают исправно с Западных Небес на, следственно, Западные Нефритовые горы. Уровень дождевой воды в Главном мерном водоеме Храма Ив, что в Западных Нефритовых горах, достиг шестой отметки — и упорствует подниматься. Быть может, Сын Неба возжелает отдать своим верным подданным, слугам и рабам надлежащие приказы… — Было там и еще что-то, но это что-то имело отношение лишь к церемонии. Тренированный голос старшего гонца понизился до шепота, и дальше его уже никто не слушал.

Все ждали слов Сына Неба, что восседал на украшенном искусной резьбой Троне Дракона в церемониальной мантии небесно-голубой парчи с вышитыми на ней радужными драконами. На троне и в мантии драконов. Драконов, приносящих дождь. Длинная жемчужная бахрома на высокой филигранно-золотой короне с солнцем и луной закачалась, когда великий хан заговорил:

— Пусть дуют в рога, и звонят в колокола, и бьют в гонги — но не в барабаны. Никто пусть не бьет в барабаны. Пусть зажгут сигнальные огни, и пусть гонцы готовы будут отправиться как конным, так и пешим порядком. Послание же имеет быть следующим:

Дело растущего зерна продолжать рост. Всем же прочим немедленно прекратить все дела и заниматься лишь нижеследующим. Где есть дамбы удлинять; все плотины — возвышать, все каналы — углублять. Из налоговых хранилищ извлечь гречиху и просо на прокорм работников. Где нет ни проса, ни гречихи, раздать другое: пшеницу на севере, рис на юге. Где нет запасов топлива для варки, немедленно изъять таковые из частных хранилищ. В возмещение заплатить наивысшую рыночную цену…

Ладан и прочие обрядовые приношения предлагать во всех местах культов. Все молитвы всем богам, какие известны, читать без перерыва. Последовать могут и дальнейшие указания. Сказанные же выполнить без задержки. Выполнять!

Тут все писцы, то и дело макавшие перья в каменные чернильницы, собрали свои принадлежности и, пятясь, удалились.

— Всем по своим местам! Немедленно! — произнес Сын Неба. — Подать моих слонов! Теперь же! Как горько я сожалею, что подагра не дает мне встать в стремена! Вперед, мои носильщики! Вперед!

Подобные речи Хубилай порой произносил с большим воодушевлением. Но голоса никогда не повышал.

И буквально через считанные мгновения в громадных палатах не осталось ни единого человека. Все, что происходило, было похоже на взмах гигантского веера, гасящего столь же гигантские свечи, — пламя трепещет, и мощные фитили тонут в пахучем воске. Из людей там остались только старые евнухи низших рангов — давно не мужчины и уже не вполне люди. Именно их порой дрожащие, но твердые руки и занялись тлеющими углями.

Из мест близких и далеких, с башни и из храма, с холма, со стены и из крепости слышалась разноголосица гонгов, колоколов и рогов. Не слышалось только барабанного боя. Великий хан весьма мудро приказал не бить в барабан, ибо каждому катайцу известно, что барабан будит драконов. Бой барабана считался голосом дракона. То был голос грома и молнии — а гром и молнию вызывали драконы. Драконы же вызывали и дождь — а дождя было уже достаточно. Оставалось только молиться, чтобы его было не более чем достаточно.

Так великий хан не допускал наводнений. Но теперь Хубилай — и даже его императорские почтовые станции — был слишком далеко, а муссонный паводок поднимался все выше в сплетении водных путей болота Шести Драконов, что в вассальном царстве Чамба. Ибо дожди вассалами человеку не приходились.

Сидя на ветвях раскидистого бананового дерева, Марко в страхе наблюдал, как мрачные волны подбираются к бокам ошалевших коней. Отец его бубнил себе под нос что-то про четыре десятка камушков бирюзы, каждый размером с ноготь на большом пальце

взрослого сарацина. А дядя все вздыхал об Италии, где на ветвях деревьев рассиживаются не люди, а пухлые голуби. Монгольские и татарские всадники, не переставая отрывать пьявок от своих кровоточащих тел, о чем-то глухо переговаривались. Ученый Ван… странствующий рыцарь Хэ Янь… татарский раб Петр… Оливер со своим немым пажом — все они, хмурые, промокшие до нитки, липли к надземным корням мощного банана.

А маленький сфинкс, которого путники вызволили из зловещей пещеры феи Облачного Танца, восседая на затейливо изогнутой ветви, лениво вылизывал свою мокрую золотистую шерстку.

— Сфинкс! — возопил Марко. — Прелестный сфинкс! Ведь ты мастер всяких загадок! А здесь слишком влажно для существа, привыкшего к жаркому солнцу пустынь! Наше грозное оружие и быстрые кони, наши сильные руки и серебряные пропуска здесь нам не подмога! Скажи, как нам выбраться из этой проклятой сырости!

«Шлеп-шлеп», продолжал шлепать маленький язычок. А потом сфинкс все же заговорил…

21

Люй: Странствие.
Огонь пылает на горе;
Стойким путникам — счастье.

— Попроси банан унять это жуткое наводнение, — отозвался сфинкс, продолжая вылизывать свою золотистую шерстку. А потом загадочно улыбнулся.

— Марон! Мало того что в этом Богом проклятом месте мы должны рассиживаться на ветвях подобно растрепанным голубям венецианской Терра-Фирмы! Так нам еще, как последним психам, предлагают пообщаться с деревом! — возмутился Маффео. — Лично я не собираюсь болтать с этим переросшим кустом.

— И я… с тобой… тоже… — послышался голос — будто тихий вздох ветра.

— Ну вот, ты еще и оскорбил этот спасительный банан, — недовольно заметил сфинкс. — Теперь нам крупно повезет, если мы не утонем.

— …утонем… — прошелестел тихий голос оскорбленного бананового дерева.

— Марон! Тут ни от кого разумного слова не добьешься, — проворчал Маффео, чувствительно дергая себя за бороду. — А тем временем кони — и люди, между прочим, — сатанеют, оказавшись в такой подлой ловушке!

Уставившись на бурные воды, Марко вспоминал рассказ своего деда, переданный тому его дедом, — историю о последствиях одного проступка слуги дожа Марчелло, когда однажды летом вопреки всем известным наукам и традициям, разуму и логике этот дурень допустил, чтобы растение, именуемое «громовым чертополохом», лишилось подпорок на краю крыши Герцогского дворца. Как небо почти тотчас потемнело, как оглушительно загрохотал гром и как хлынули потоки неистового ливня. Беременные женщины, кобылы и овцы все разом выкинули. Повсюду вдруг скисло все молоко, а сыры примыкающей к Венеции Терра-Фирмы весь тот сезон выходили порченые.

Те, кто опрометчиво поспешил вставить в свои окна новомодные застекленные рамы (а стекло, искусством дутья которого особо славилась Венеция, надо заметить, прежде использовалось лишь для сосудов, да и то людьми богатыми, не удовлетворявшимися посудой глиняной), — так вот, эти модники уже после первого удара грома могли собирать осколки. С третьим раскатом пузыри на концах стеклодувных трубок лопнули в мелкую пыль. С четвертым все стеклодувы оказались на коленях, распевая «Dies Irae… dies ilia… teste David cum Sibylla», в полной уверенности, что тот самый день гнева наконец пришел.

Новое вино в кадках, трубках и бочонках, вспенившись, хлынуло прочь. То же, что осталось, скисло и прогоркло, — даже рабы из Арсенала пить его отказывались, угрожая скорее мятежом. Вконец разбушевавшаяся Адриатика разнесла все дамбы вдоль Лидо.

Бросаясь на берег будто табун взбесившихся коней, море грохотало подобно целой армии, ведущей ожесточенную битву, — и затопило все суда во всех бухтах.

К счастью, проступок негодного раба не остался незамеченным и его приволокли к ногам дожа. А тот, не рискуя тратить время на созыв сената, приказал тотчас казнить болвана. Труп подняли на тот самый край крыши, где слуга еще недавно сидел, болтая ногами и сшибая — вот глупец! — побеги громового цветка.

И оставили сидеть в том же положении — но уже с отрубленной головой на окровавленных коленях.

Гром еще поворчал, но постепенно стих. И тут по всей Венеции и даже по Терра-Фирме до самого острова Азолы все мало-мальски здравомыслящие матери вытащили своих детей из-под перин, где те в страхе прятались. И заставили каждого ребенка проглотить хотя бы три драхмы прославленного венецианского бальзама, помогающего решительно от всего, кроме «черной смерти», и содержащего 365 ингредиентов, включая плоть ядовитых гадов.

Но мало того. Мощь и размах незваной грозовой бури оказались таковы, что несколько купцов сбились в своих подсчетах. Сбились! Допустили ошибки в подсчетах! И это венецианские купцы, которые, как известно, никогда голову не теряли! Даже когда татары с помощью катапульт забрасывали распухшие трупы в их зарубежные фактории!

Долго же оправлялась венецианская торговля от этого несчастья! Агат и сердолик, индийский миткаль и мальвовые ткани, а также обе разновидности нарда — все упало в цене на малую долю дуката. И еще многие месяцы даже самые богатые едва могли предложить на рынок длинный (иначе — желтый) перец, белладонниум и ликиум, мальчиков-певчих, кабульскую медь, шелковый газ (как выпряденный, так и нераспутанный), а также свинец для чеканки фальшивых монет.

И все — из-за простого пренебрежения к законам мира растений. А разве старый отец Павел не вдалбливал в Марко мудрые слова Плиния Старшего? «Дикая местность суть одна громадная аптека». И что, если бы Марко не попросил своего опрометчивого дядю Маффео остеречься и не оскорблять более мощный банан, на котором они расселись?..

— Ну что, чужеземные трюкачи? Может, знаете пару-другую фокусов, чтобы отсюда спастись? — Воспоминания Марко внезапно прервал назойливый голос с верхних ветвей дерева.

Сфинкс взглянул наверх, помахал своим львиным хвостом — и нахмурился.

— Кто это там, сфинкс? — спросил Марко.

— Ваш старый неприятель. Царь обезьян, что охраняет пещеру феи Облачного Танца.

— Далеко же его оттуда занесло. Ведь может статься, лукавая госпожа наконец обратится к нему после стольких столетий — а он не услышит ее бессмертных слов.

— Для Великого Мудреца из Пещеры водного занавеса расстояние ничего не значит! По остроте мой слух не уступает моему разуму! — затараторила белая короткохвостая обезьяна, ловко перепрыгивая по упругим ветвям поближе к измученным путникам.

— Что же привело тебя к нам в это затопленное болото? — поинтересовался Марко.

— Меня привел долг. Переродившись, госпожа приобрела кроткий облик и теперь очень одинока. Облачная плясунья желает, чтобы сфинкс вернулся в ее пещеру, — она скучает по его пустой, но забавной болтовне.

— Вот еще! — возмутился сфинкс, не переставая вылизывать свою золотистую шерстку. — Я никогда не болтаю. Тем более — впустую. И возвращаться в эту мерзкую пещеру у меня нет ни малейшего желания.

— Перерожденная госпожа стала кротка и ласкова как бабочка. Или ты предпочитаешь сидеть с жалкими смертными на этой подмоченной деревяшке? фыркнула обезьяна.

— Никакие мы не жалкие смертные, — прорычал рыцарь Хэ Янь, угрожающе покачивая алебардой.

— …и не подмоченные деревяшки… — тихо прошелестел банан.

— Марон! Подумаешь, госпожа! — проворчал дядя Маффео.

А Марко подумалось, что все это как сцена из катайской оперы. Все выделывают

пируэты и дуют в трубы, а главный волшебник тем временем важно расхаживает туда-сюда, делая пробные взмахи боевым топором. Но ведь сейчас они не в опере.

— Послушайте-ка вы все! — закричал Царь обезьян. — Да вы хоть понимаете, кто я такой? Известно ли вам, что сам Нефритовый император зовет меня «равным небу»? Знаете ли вы, что я способен одолеть и перехитрить самых могучих и смекалистых демонов, духов звезд и гигантских многоглавых людоедов?

— И все же забрать маленького сфинкса против его воли ты не можешь, заметил Марко.

— Знаете, знаете, кто я такой? — продолжала бахвалиться обезьяна, от возбуждения переходя на визг. — Знаете? На небесных Персиковом и Коричном пирах я сижу рядом с Нефритовым императором лицом к двери! Мне ведомы Внутренние и Внешние превращения! Сила моя такова, что я запросто могу доставить в пещеру госпожи всю вашу компанию! А там госпожа высосала бы вас, как паук мотыльков, — не подвергнись она перерождению в кротком облике!

— Ну, жалких смертных ты, может, и доставишь, — пожав плечами, отозвался Марко, — но я сильно сомневаюсь, что ты способен захватить с ними и их коней.

— Никто не смеет сомневаться в силе Великого Мудреца, равного небу, из Пещеры водного занавеса! — вскричал Царь обезьян. Красные глазки его запылали гневом и неистовством. Вдохнув в себя ветер, он вдруг сделался невообразимо огромен и многорук. Бесчисленные эти руки тотчас подхватили сфинкса, людей, коней — и потащили их в небо. Наконец, оседлав грозовое облако, Царь обезьян вместе со своей ношей полетел прочь от затопленного болота.

Напрасными были возгласы изумления и страха. И излишней была улыбка маленького сфинкса, когда все они поплыли под пасмурным куполом.

Облегченно вздохнув, банановое дерево снова погрузилось в свои древние бессвязные грезы.

Грозовое облако то ныряло, то подпрыгивало, словно бумажный змей на отчаянном ветру. Зажатый в одной из могучих рук Царя обезьян, Марко с тошнотворной смесью страха и надежды смотрел вниз. Затопленное болото осталось позади. Теперь они летели над прибрежной равниной, где густые леса то и дело сменялись пахотными землями. Вот бы как-нибудь выскользнуть из обезьяньей хватки…

— Я продрог и хочу есть, — заявил маленький сфинкс.

— Очень скоро тебе будет тепло и сытно в пещере кроткой госпожи, пророкотала могучая обезьяна.

— Не-ет, — захныкал сфинкс. — Мне холодно! Я проголодался! Если ты немедленно меня не накормишь, я пожалуюсь госпоже, что ты жестоко со мной обращался! Я обижусь и не стану развлекать ее шутливой беседой! Тогда она разгневается — и уже никогда не скажет тебе второго слова!

— Но здесь нет еды, — проворчал Царь обезьян. — Придется тебе подождать.

— Я не могу ждать! Немедленно опусти меня вон туда — в ту крестьянскую деревушку! Я вижу там буйвола с плугом. Где буйвол, там молоко. А для сфинксов нет ничего лучше молока.

— Марон! В этих краях даже такая мелочь разборчивей франкского монаха… — начал было Маффео, но старший брат и племянник тут же на него зашикали.

— А если я опущу тебя вниз полакать молока — ты похвалишь меня перед госпожой? — спросил Царь обезьян.

— О, тогда я обязательно выскажу госпоже все, что на самом деле о тебе думаю, — ответил сфинкс.

— Ну, раз так, то ладно, — пробормотала обезьяна. — Только поторопись. — И, соскочив с облака, Царь обезьян поплыл вниз — к свежевспаханному рисовому полю. Похожие на грибов в своих соломенных шляпах крестьяне завопили благим матом при виде многорукого привидения и стали разбегаться кто куда.

Тут Поло и их люди, следуя примеру крестьян, ловко повыскальзывали из массивных обезьяньих рук — и тоже бросились врассыпную. Сфинкс же успел вспорхнуть на плечо улепетывающему Марко.

— Стойте! — проревел Царь обезьян.

— Спасибо за прогулку! — крикнул Марко через плечо.

А пока кони и их хозяева спасались бегством, Хэ Янь со своей алебардой — вдруг показавшейся Марко больше, чем когда-либо раньше, — и Оливер со своим громадным боевым топором и изящным пажом сдерживали оторопевшую обезьяну в бушующем смерче яростного боя. Три человека вновь и вновь схватывались с гигантским и многоруким Царем обезьян, вооруженным огромным посохом, который он вытащил из-за уха. И противники оказались столь искусны и достойны друг друга, что ни капли крови за весь бой не пролилось.

Монгольские и татарские всадники издали пускали в Царя обезьян стрелы, но он превращал их в розовые лепестки, что мягко падали к его ногам. И все-таки тяжело ему было сражаться в столь неуклюжем обличье. Вскоре Царь обезьян стал заметно уставать.

Наконец, громогласно рыгнув, Великий Мудрец из Пещеры водного занавеса выпустил из себя ветер — и восстановил свой обычный обезьяний облик и размеры. Отчаянно гримасничая, Царь обезьян прыгнул в ближайшее грозовое облако и был таков.

— Блестяще, сфинкс, — выдохнул Марко, пока все наблюдали, как гримасничающая обезьяна уплывает, грозя им украденным у Царя морских драконов железным посохом — теперь сжавшимся до размеров иглы.

— Ты же просил меня вызволить вас с той подмокшей деревяшки, самодовольно улыбаясь, ответил золотистый сфинкс.

— А нельзя было как-нибудь попроще? — поинтересовался Марко.

— Мы, сфинксы, не получаем удовольствия, когда выходит попроще. Зато мы получаем громадное удовольствие, лакая теплое молоко буйволицы, восхитительнее даже козьего молока в землях Греции и Египта! — И сфинкс нетерпеливо облизнулся.

22

Да-го: Переразвитие великого.
Высокие воды скрывают лес.
Стропила прогибаются.

— Размышляя о своем гневе, я просто поражаюсь своей терпимости, обращаясь к Марко, заметил хан ханов одним весенним днем, когда они прохаживались среди цветущих персиковых деревьев его личного дворика в Ханбалыке. Хубилай и одет был в персикового цвета парчовый халат, расшитый золотистыми цветками персика. — Разве меньше года назад не отказало мне в дани одно туземное племя? Разве не нанесли они серьезное оскорбление скромному чиновнику, собиравшему весьма умеренный пятидесятипроцентный зерновой налог для Трона Дракона? Поверит ли кто? Но это правда! Великий Чингис, дед нынешнего Сына Неба, возвел бы целую башню из их голов которая вскоре стала бы башней из черепов. Но разве Мы так поступили? Нет. Мы так не поступили! Разумеется, Наши войска — впрочем, давай, друг Марко, говорить без церемоний — разумеется, Мои войска были победоносны. Мои войска всегда победоносны. Таков неизбежный закон природы. Но разве я, имея на то все основания, содрал с бунтовщиков кожу? Посадил их на колья? Нет! Ничего подобного…

Я их всего-навсего сослал — всех до единого. Разумеется, всех. Разве станет Сын Неба на Троне Дракона разрушать семьи? С моим неизменным и безграничным милосердием я позволил им, забрав поклажу и обозы, отправиться в царство Чамба, что у самых границ Нам Вьета. В столь интересное место! Ведь там можно увидеть, как дикие слоны забавы ради выдергивают из земли целые деревья! Весьма нередко. И даже днем там можно услышать

вой призраков. Как они называются, эти призраки, что воют днем? А, По-ло?

— Привидения, о повелитель?

— Да нет! Не привидения! Или привидения? Проклятие! А-а! Гиббоны! Такие белые, тощие, вроде призраков — и воют днем. Что, несомненно, должно повышать у человека уважение к его предкам. «Гиббоны» — вот как их называют. Н-да. Такова, По-ло, моя беспредельная терпимость. А? Ну, что скажешь, юноша?

Марко, не испытывая никакого желания слушать чей-либо вой в любое время дня и ночи, посмотрел прямо в круглое багровое лицо великого хана — что при более формальных обстоятельствах могло повлечь немедленную казнь — и слегка возвысил голос:

— Просто так, о великий повелитель, «Великим Повелителем» не назовут.

— Разумеется, — отозвался Хубилай-хан. — Всегда говори со мной без страха, Марко, ибо я желаю слышать только правду. Хотя никакие уловки со мной не…

Но те цветки персика в императорском дворике давно увяли. И теперь Марко… хоть и не в изгнании… но тем не менее по воле великого хана заброшен в это царство, где днем воют подобные призракам гиббоны. Воют они здесь, впрочем, и ночью.

Запах первым оповестил путников о том, что неряшливая кучка соломенных хижин, выстроенных на сваях вдоль заросшего буйной зеленью морского рукава, где в линию росли длинные пальмы с фараоновыми орехами, — не просто безымянная рыбацкая деревушка. Запах поведал им, что они входят в предместья рыночного города: запах навоза и пряностей, кипящего масла и пота, мусора и соленого воздуха. И чего-то еще — безымянного, но в чем Поло безошибочно распознавали «аромат торговли».

Вскоре, миновав глиняные стены, они оказались в беспорядочном нагромождении низеньких деревянных домишек и поразительных храмов, непохожих на все, виденные Марко прежде. Напоминали они большие побеленные колокола с длинными шпилями, покрытыми как бы золотистой листвой, весело поблескивавшей под солнцем. Звучно распевающие монахи носили оранжевые хламиды, а желтоватая их кожа отсвечивала золотом. Они ставили дымящие латунные жаровни с ладаном перед громадными идолами, усеянными рубинами и увешанными ароматными венками. Чертами лиц эти идолы смутно напоминали греков. «Интересно, — подумал Марко, — это из-за каких-нибудь древних купцов… или сюда добрались войска Александра Великого? Нет, вряд ли. А впрочем, неважно».

— Рубины размером с пуп чамского Будды, — пробормотал мессир Никколо Поло, перебирая свои лучшие нефритовые четки.

Нюх вел путников по узким проулкам, где воняло прогорклым маслом для жарки и застоялой мочой, где играли голые ребятишки, а тощие желтоватые псы, встрепанные цыплята и бледно-розовые свиньи слонялись в поисках объедков. Проулки внезапно закончились у мелкого залива, на глади которого покачивались рыбацкие джонки с прямоугольными парусами. Вдоль берега располагались временные лотки, с которых торговали овощами и рыбой, мясной закуской и ремесленным товаром. Беззубые чамбские женщины, одежда которых ограничивалась отрезом яркой ткани вокруг бедер, сидели на корточках перед горками странно пахнущих драконьих яиц и экзотических фруктов. Яростно препираясь с покупателями, они одновременно умудрялись кормить своих детишек. Коричневые, как орех, мальчуганы с полосками ткани в паху и на голове правили красочно татуированными слонами, которые важно топали среди крытых соломой лотков, неся в татуированных хоботах бревна черного дерева. И повсюду, повсюду в раскаленном воздухе жужжали мухи и москиты.

— Погодите-ка, а это что такое? — заинтересовался татарин Петр, когда они проходили по рыночной площади. — Мои дьяволы подсказывают мне обратить внимание вон на тот ковер. — С этими словами Петр вытянул из кипы всевозможного барахла, наваленной у торгового лотка, красный с золотом шерстяной ковер и принялся внимательно разглядывать полустертый рисунок.

— Что, парень, подбираешь украшения для своей свадебной юрты? — с лукавым

блеском в глазах осведомился Маффео.

— А вы посмотрите на этот узор, — ответил Петр с нотками возбуждения в своем обычно ровном голосе. — Не этот ли самый символ начертан в свитке великого хана и на амулете голубоглазого великана — который он называет «шипы»?

Все Поло обступили ковер и принялись увлеченно разглядывать рисунок. Ковер этот оказался не простой подстилкой с татарского седла с «двумя желтыми, одной синей» или с «двумя синими, одной желтой», а куда более сложным изделием из персидского Исфагана, что к востоку от монгольского Лоп-Нора. Часто повторяющийся символ был выткан местами изорвавшейся золотой нитью у выцветшей каштановой кромки. Точно! Тот же самый рунический знак, что появлялся на «проклятом» Хубилаевом свитке и на амулете северянина! Тот самый, который Оливер называл «шипы»!

— Откуда ковер? — спросил Марко у седобородого купца, тощие бедра и шишковатый череп которого обмотаны были грязно-белыми тряпками. Для чамца темнокожий коробейник был слишком высок, худ и круглолиц. Быть может, сюда его занесло из Больших Индий?

Беззубо улыбнувшись, старик махнул куда-то в сторону моря.

— Скажи, где сделан ковер, и мы щедро тебе заплатим, — нетерпеливо перебирая четки, пообещал Никколо Поло.

Согласно кивнув, старый торговец своим дорожным посохом начертил на земле вполне узнаваемую карту: к югу от берега Чамбы и вокруг полуострова Меньших Индий. Потом на запад по проливу Меньшей Явы, что лежит к северу от австралийской Терры Инкогниты. Дальше на северо-запад к берегу Бенгалии — и по суше к диким горам Тибета. Тут путеводный посох замер — а волнение троих Поло от появления нового ключа к разгадке возросло до предела.

— Он описывает долгое морское путешествие от Чамбы в Большую Индию, а потом по суше к Тибету. Странно, как этого коробейника вместе с его любопытным ковром сюда занесло. Но если мы все же решим последовать этому сомнительному указанию — не быстрей ли будет добраться по суше? — спросил дядя Маффео, очищая от кожуры ароматный плод манго.

— А какое еще направление нам остается? — с серьезной миной на усталом лице спросил Никколо.

— Путь по суше наверняка станет кратчайшей дорогой на тот свет, заметил Марко. — Ибо земли меж Чамбой и Большей Индией подчинены царям Лонгкока и Бир-мяня. А оба они — злейшие враги великого хана, и посланцев его встретят не иначе как копьями. Если мы хотим добраться до места выделки этого ковра, нам следует либо возвращаться назад через провинции Южного Катая, либо последовать совету старика и отправиться морем.

— Но здесь даже нет порядочных кораблей — только жалкие скорлупки, что разлетятся в щепы при первом же ветерке! — вскипел Маффео.

— Марко прав. Морской путь куда безопаснее. — Никколо, казалось, уже принял решение. — Мы поплывем вдоль самого берега и станем почаще бросать якорь для пополнения припасов. Ветры теперь благоприятные — так что плавание, надо думать, не затянется. Если удастся зафрахтовать просторный и удобный корабль, мой зад с радостью поприветствует передышку от седла.

Достигнув согласия, которое вполне устроило их расположенные к морским путешествиям венецианские умы, Поло щедро расплатились со старым торговцем раковинами каури (ибо тот наотрез отказался принимать замечательную валюту великого хана на бумаге из коры тутового дерева). А затем спустились к пристаням, чтобы зафрахтовать самый быстрый, самый большой и самый удобный корабль, какой только можно было найти в царстве Чамба.

Удача сопутствовала им. Поло нашли средних габаритов катайское купеческое судно, что остановилось поторговать и пополнить запасы провизии по пути из Манзи, богатейшей провинции великого хана, в Большую Индию. Добротный четырехмачтовый корабль

сработан был из двойного слоя еловых досок, сколоченных железными гвоздями, проконопаченного с обеих сторон смесью известки, рубленой пеньки и древесного масла. В придачу к парусам на судне имелись ряды весел, за каждым из которых сидели четверо гребцов. Снаружи были привязаны гребные шлюпки для рыбалки и высадки на мелководье, а на палубе располагались небольшие, но удобные каюты, обещавшие путешествие куда более комфортное, чем опасный сухопутный маршрут.

Поло весьма обрадовались столь подходящему кораблю — но странствующий рыцарь Хэ Янь отказался с ними плыть.

— Прошу добрых господ простить ничтожного рыцаря, но у меня давняя вражда с могучими морскими драконами, и на ваш корабль я взойти на осмелюсь. Как бы соленые твари не решились напасть на жалкого странствующего рыцаря и не пустили это достойное судно ко дну. Я отправлюсь по суше и встречусь с благородными господами в царстве Тибета.

— Если только переживешь все тяготы путешествия и сумеешь найти нас в Тибете — ибо известно, что место это дикое и безлюдное, — проворчал Никколо. И все Поло заметно помрачнели, так как уже успели привыкнуть к обществу странного и непритязательного рыцаря четырех имен.

— Я обязательно вас найду, — заверил их Хэ Янь. И, со своей неизменной полуулыбкой, решительно двинулся прочь — в тот самый путь в тысячу ли, который, как известно, начинается с первого шага.

Марко смотрел, как рыцарь твердой походкой поднимается на невысокий холм над пахнущей морем гаванью. И что же это был за хитрый трюк, благодаря которому рыцарь, казалось, исчез, еще не дойдя до вершины? Нет, должно быть, Марко подвело зрение. Но показалось — Хэ Янь вдруг исчез. Будто его там и не было.

Гигантские джонки под прямоугольными парусами покачивались на мутных водах; снасти их громко скрипели, трещали и скрежетали. Так, угрожающе кренясь, бубня и бормоча, пища и стеная, суда пробирались по мелкому Южно-Катайскому морю…

Бесконечную череду дней плавание длилось без каких-либо заметных событий — пока корабль огибал полуостров Меньших Индий и тащился по Яванскому проливу, забравшись так далеко к югу, что на небе даже не появлялась Полярная звезда. Хотя перемены в небе и вселяли в монгольских и татарских всадников тревогу, все же морское путешествие предоставляло людям и животным прекрасную возможность отдохнуть и поправить свою амуницию. А Марко проводил время, обмениваясь загадками со сфинксом и делая записи в своем путевом дневнике.

Одним знойным, нагоняющим дрему днем к ним приблизилась небольшая флотилия корявых судов под черными парусами, и гребцы закричали:

— Пираты!

Но темная флотилия подплывала все ближе и ближе. Наконец катайский капитан, нахмурившись, произнес:

— Это не обычные морские разбойники. Это киноцефалы Андаманских островов, где живут люди с головами — и повадками — злобных псов!

Никколо Поло перекрестился, а Маффео лишь саркастически усмехнулся. Пристальнее вглядевшись в висящее у них на хвосте пиратское судно, Марко понял, что капитан прав. На палубе корабля и впрямь стояли существа с телами нормальных людей — но мохнатыми головами, острыми клыками и высунутыми языками громадных и свирепых мастиффов.

23

Дуй: Радость.
Воды сверху; воды и снизу.
Благородный муж находит утеху в друзьях.

Аляповатые, но быстроходные пиратские суденышки под черными треугольными парусами догнали и окружили надежный купеческий корабль подобно стае диких псов. Рычащие твари с острыми ножами в когтистых лапах, щелкая зубами и брызгая пеной, бросились на борт. Защищавшихся катайских мореходов и монгольских стражников они рвали и ножами, и клыками — в равной степени смертоносными. Люди доблестно обороняли свое судно, а Оливер и его паж боевым топором и мечом разнесли великое множество песьих черепов. Но еще более великое множество песьеголовых пиратов текло на борт бесконечной рекой — и набрасывалось на людей с беспредельным — и бездумным — неистовством.

— Что-то не нравится мне эта иллюзия, молодой господин, — обращаясь к Марко, выдохнул ученый Ван, пока они совместными усилиями обрезали привязь рыбацкой шлюпки и сбрасывали ее в пенную воду.

Катайские мореходы сдерживали бешеных псов на скользкой от крови палубе своего корабля, который они некогда поклялись защищать, — а Поло и их уцелевшие спутники тем временем соскальзывали по пеньковым канатам в гребные лодчонки, прихватив с собой столько провизии, сколько удалось унести. Когда уже отчалили в бурное море, к ним перелетел и дрожащий сфинкс.

— Марон! — взвыл Маффео. — Тут нам и крышка! Пропадем мы в этих скорлупках без мяса и вина! Да еще без коней! Теперь только на святых и надежда!

— Церендибские сапфиры, подобные бледно-голубым звездам, с оттенком свежепроцеженного индиго; ценою же сказанные сапфиры в дойную верблюдицу с двумя верблюжатами… — с посеревшим лицом бормотал Никколо Поло, перебирая свои вторые по значению янтарные четки.

— Похоже, и благословенные святые нам уже не в подмогу. Ибо нас преследуют морские драконы! — воскликнул Марко, увидев, как из воды высунулась громадная чешуйчатая голова.

На вид эта серо-зеленая массивная голова была сущим уродством. Выпученные красные глаза, вытянутое рыло, полная неровных клыков разинутая пасть. Широкий, будто у кобры, капюшон служил мерзкой голове как бы фоном. Прямо под облюбованной рачками шеей торчали две неуклюжие передние лапки с тремя когтями — одним длинным посередине и двумя короткими по бокам.

Голосом, подобным ревущему прибою, нелепая голова произнесла:

— Великий Нага-хан, Басудара, Океанский император морских драконов, шлет вам свой царственный привет. — И, будто знойный и смрадный ветер, лица путников ожгло отвратительное дыхание твари.

Потом дракон продолжил:

— Нага-хан, Басудара, Повелитель Пучины, желал бы узнать местонахождение человека-дракона, порой именуемого «Хэ Янь». За столь незначительную услугу Непостижимый Нага-хан, Басудара, вознаградит вас безопасной доставкой в любой выбранный вами порт. Так говорит император морских драконов, Басудара.

— В любой порт? — с округлившимися глазами переспросил Маффео. — А вознаградит ли нас царь драконов безопасной доставкой в Величайший и Наисветлейший порт Венецию?

С шумом разбивающейся о берег морской волны чешуйчатая голова прочистила горло.

— Согласно императорским записям, далекий и незначительный порт Венеция, ко всеобщему прискорбию, не подпадает под юрисдикцию Великого Наги-хана, Басудары. Желающим получить безопасный доступ в отдаленный порт Венецию следует обращаться непосредственно к его светлости Верховному Василиску Византии. Непостижимый же Нага-хан, Басудара, милостиво вознаградит вас безопасной доставкой в любой порт, подпадающий под его благосклонную юрисдикцию. Так говорит наимудрейший Нага-хан, Басудара, Повелитель Пучины.

— Ну, раз так, то мы ничего не знаем о местонахождении рыцаря, порой именуемого Хэ Янем. Когда мы в последний раз о нем слышали, странник этот бродил где-то в

высочайших Гималаях, — твердо заключил Никколо.

— Горы высочайших Гималаев не находятся под властью или попечительством Повелителя Пучины, — разочарованно прошипел морской дракон.

— И что, ты бросишь нас тут утопать? — возопил татарин Петр. — Мои сухопутные ноги ходить по воде не умеют!

Морской дракон испустил мрачное шипение.

— Мудрый Океанский император, Басудара, рекомендует вам поискать прибежища вон на том небольшом, но приятственно изобильном островке, ибо страшные опасности поджидают беззащитных в открытом море. Так говорит Нага-хан всех морских драконов, Басудара. — И чудовищная голова исчезла меж волн.

Поло принялись вглядываться в направлении, указанном чешуйчатой тварью, и поняли, что, несмотря на их отказ предать странствующего рыцаря Хэ Яня, таинственный посланник оказался более милосерден, чем можно было ожидать. Ибо он все-таки направил их к берегу прелестного островка — так продуваемого ветрами, что сдуло его даже со всех морских карт.

За неимением другого названия в записках морских путешественников Поло назвали свое прибежище Островом Утех. Местечко это, богатое пресной водой, изобилующее пряностями и фруктовыми деревьями, пальмами с фараоновыми орехами и рыбой, поначалу и впрямь утешило измученных путников. Меднокожие низинные жители Острова Утех и ведать не ведали ни о великом хане, ни о каком-либо другом достойном правителе, а поклонялись они зловещим идолам со змеиными головами. Жили туземцы подобно животным — хотя и весьма симпатичным. Ходили, однако, слухи, что собратья их, облюбовавшие для себя туманные холмы в центре острова, куда более дики и свирепы.

Низинные люди ходили совершенно голыми, если не считать небольших клочков ткани в паху, — и следовали при этом любопытной традиции. Выменяв полотна шелка у некогда проплывавших мимо купцов, они занавешивали ими входы в свои незамысловатые соломенные хижины. Туземцам и в голову не пришло, что шелк предназначен для одежды. Они видели в нем всего лишь красочное убранство для своих конических домиков. Низинные мужчины вволю пили крепкое и пряное пальмовое вино. А низинные женщины пели и грациозно танцевали — и не считали целомудрие за добродетель. Потому-то люди великого хана и решили, что это остров утех. Никто не торопился отплывать оттуда на жалких гребных лодчонках, чтобы потом тщетно бороться в них с неистовыми морскими штормами.

Но все же, хотя рыба и фрукты, цветы и женщины были воистину сладостны, трое Поло не испытывали особой радости от задержки.

— Мы ищем Спящую Красавицу, а не этих веселых, — угрюмо заметил Никколо.

«Нет, не этих», — повторял про себя Марко. Ибо только одна веселая красавица занимала его мысли. Си-шэнь.

Да, Поло находили мало радости в том, чтобы торчать на берегу этого уединенного острова — так далеко от обязанностей, дел и удобств цивилизации. Утехи этих мест не удовлетворяли их желаний и потребностей. Им требовалось одно — найти Спящую Красавицу, которая теперь, после обнаружения странного ковра с рунами, казалась так мучительно близка. Поло жаждали представить это сказочное создание великому хану и запросить положенную награду: позволение вернуться домой, в милую сердцу Венецию («…вместе с Си-шэнь», — добавлял про себя Марко).

Но оказалось на этом острове и нечто, вызывавшее у прилежных искателей Спящей Красавицы крайнее раздражение. То были сны. Каждый вечер, пока мужчины пили и закусывали перед построенными ими в местной манере соломенными хижинами, женщины пели и танцевали для них под музыку рокочущих барабанов и тоскливые посвисты длинных флейт. С гирляндами ароматных цветов поверх голых грудей женщины, изящно жестикулируя, излагали предания своего острова. И все, что эти предания в себе содержали, снилось мужчинам всю ночь. Если женщины пели о войне, мужчинам снилось сражение — и они то и дело, крича, просыпались. Если женщины пели о любви, мужчины ерзали и

ворочались — а потом прокрадывались к хижинам женщин. Если же женщины пели о змееглавых духах, то змеи эти и вползали в беспокойный и мучительный сон.

Вначале Поло решили, что к пальмовому вину подмешивают какие-то снадобья, и запретили своим людям его пить. Но волшебные сны продолжались. Тогда стало ясно, что сам остров заколдован. Но откуда исходило колдовство? Возможно, то была месть морских драконов, что направили их сюда после того, как Поло отказались выдать местонахождение рыцаря Хэ Яня? Или колдовство исходило от духов сна этого не занесенного ни на одну карту острова?

— Иллюзии живут здесь будто сами по себе, — хмуро заметил Ван после одной особенно бурной ночи. — Но я что-то не припомню упоминания о подобных странностях в «Аналектах»…

— Согласно Гиппократу, земля, воздух и вода имеют нескольких собственных духов, — с серьезным видом отозвался Никколо. — Однако никто из древних географов не описывал столь необычных земель.

— Марон! Мне приснилось грандиозное венецианское пиршество! — с зевком пробуждаясь от глубокой дремы, присоединился к беседе Маффео. — Каплуны вареные, жареные и пареные. На каждого по поросенку, а внутри этих поросят всякие вкусности — фиги, сквобы, жаворонки. И конечно же громадные пироги с мясом — всевозможных форм, с хрустящей корочкой. Так и сочатся пряными соусами! Полно лимонов и апельсинов, чтобы выдавливать на восхитительную жареную телятину. Под рукой у каждого судок с великим разнообразием пряностей лучшего помола… — Дядя Маффео снова зевнул. Потом окинул взглядом кислые лица остальных, негромко рыгнул и погрузился в молчание.

— Моим дьяволам тошно и неловко, — сказал татарин Петр.

— Могут ли руны охранять спящие души? — спросил Оливер.

А потом мужчины снова окунулись в вялую рутину еды, питья, зрелища того, как женщины сплетают свои гипнотические чары, — и призрачных снов. Вскоре все лишились ощущения времени и желания спастись. Пресытились ли они — или всего лишь утомились?

Поло же тем временем нервно расхаживали по берегу — и лихорадочно прикидывали, как же им выбраться с этого «восхитительного» Острова Утех.

24

Цзя-жэнь: Домашние.
Ветер поднимается от пламени.
Царя и его домашних не страшит ничто.

Сидя на обдуваемом ветрами холмике и оглядывая густо-лазурное море, Марко, чтобы хоть как-то занять время, записывал на пергаментных листках своего путевого дневника: «Завоевательные походы великого хана за пределы Катая, несмотря на Его мудрое руководство и блистательную стратегию, нередко сталкивались с трудностями, несчастьями, а подчас и поражениями».

В настоящий момент великий хан был очень далеко. Но когда-нибудь он вполне может приказать, чтобы дневник Марко перевели и прочитали вслух. Так что выбор слов требовал большого благоразумия — даже здесь, на этом не отмеченном на картах островке. А если чтец, запнувшись, попытается слегка изменить смысл, великий хан сразу заподозрит неладное. Это как пытаться обмануть его святейшество в вопросах доктрины. Нет-нет, не пройдет. Никоим образом.

Окунув перо в ягодные чернила, Марко продолжил запись. «Подобные случаи, полагаю, объясняются самим естеством монголо-татарских воинов. Да, безусловно, в суровых степях они мчатся, как неистовые ветра, — но вянут подобно нежным цветкам во влажных тропических джунглях. В своих плотных кожаных доспехах — когда им не приходит в голову их снять — монголы пекутся там, словно цыплята в печке. А сняв

доспехи, становятся слабы и беззащитны, как яйца без скорлупы.

Всем известно, что войска великого хана пока так и не покорили Бир-мянь — несмотря на энергичные атаки лучниками грозных боевых слонов, что возят на своих могучих спинах целые крепости с вражескими воинами. И хотя махараджа Чамбы платит великому хану дань, чамбские мятежники все еще таятся в лесах и, будто бешеные псы, хватают за пятки императорских сборщиков дани. Подобные бунты не прошли бы безнаказанно ни в четко очерченных пределах Катая, ни в богатой южной провинции Манзи, где есть простор для действий степных всадников. Полагаю, тропический климат подтачивает их силы — как можно со всей ясностью увидеть на этом злосчастном острове».

Марко прервался, чтобы смахнуть с лица прядь каштановых волос и макнуть перо в ягодные чернила. Потом продолжил.

«Монголо-татарские воины не приспособлены также и для моря — оттого-то и не выказывают большого желания покинуть это Богом оставленное место. Нехватка у них флотских навыков оказалась воистину несчастьем для великого хана во время отмеченных дурными знамениями нашествий на Чипангу, где жемчуга алы, как восходящее солнце, а дворцы и храмы крыты чистейшим золотом.

Известно, что отправленные в первое нашествие 30000 малопригодных для морского плавания монгольских воинов, а также нерадивых катайских и корейских мореходов высадились на отделенном от Чипангу необитаемом островке после того, как мощный шторм разметал их эскадру в лето Господне 1274-е. (Подобно тому как одиннадцатью годами спустя и мы оказались выброшены на берег этого уединенного острова.) Этим тридцати тысячам удалось спастись, хитроумно захватив японские корабли, посланные их уничтожить. Но когда в году 1281-м великий хан предпринял второе нашествие на Чипангу, флот его действовал еще неудачнее — и я хорошо помню, как…»

— Прекрасно известно, — заметил как-то великий хан в главном приемном зале Ханбалыка, слегка вороша свою пушистую бородку, — что все люди мне повинуются. Разве не так?

— О да, великий хан, конечно, великий хан, — разом откликнулись все присутствующие, а среди них — Никколо, Маффео и Марко Поло. Все трое Поло не расценивали подобное выражение согласия как ложь, трусость или лицемерие. Считалось простой вежливостью (а также проявлением здравого смысла) ответить «о да, великий хан» на любое заявление Хубилая, заканчивавшееся словами «разве не так?».

— Итак, все люди мне повинуются. А те, кто не повинуется, непременно будут. Верно, что я снисходителен. Я крайне снисходителен. Настолько, что даже не требую полной покорности и послушания от всех. Хотя так было бы лучше для мира, согласия и общего блага. Но я, в своем снисхождении, не отнимаю корон у ваших императоров и пап.

Тут Поло вспомнили, с какой относительной легкостью латинский Запад, куда слабее татарского Востока, сместил византийского императора. А великий хан тем временем задумчиво отхлебнул глоток пряного рисового вина из своей громадной, усыпанной самоцветами чаши. (Шепотом передавался слушок, что наедине с собой Сын Неба предпочитает перебродившее кобылье молоко своих предков. Тайна эта содержала в себе определенную деликатность. Ибо надменные коренные катайцы считали молоко всего лишь железистым выделением, годным только для варваров или несмышленых детей. Так что слушок этот распространялся как можно тише — и шепчущий рот приближался почти к самому уху собеседника.)

— И дело тут не в тщеславии, — продолжил Хубилай, оторвав от губ усеянный драгоценностями сосуд (пока Никколо, отчаянно морща лоб, прикидывал его безумную стоимость). — Нет, тут не тщеславие, а всего лишь точность, с какой я, внук великого властителя Чингис-хана, могу заявить: человек способен добраться от берегов Желтого моря к берегам Индийского океана, а оттуда до самого Средиземноморья — и остаться при этом целым и невредимым. Я повторяю: «способен».

Великий хан щелкнул пальцами — и перед ним тотчас возник черный лакированный

поднос в форме цветка хризантемы, где разложены были горячие ломтики пряного мяса в тонких оболочках слоеного теста. Выбрав себе один, царственный внук непобедимого Чингис-хана положил его в рот и махнул рукой. Тогда слуга обошел с подносом всех высших сановников. Самое любопытное, что всем хватило как раз по ломтику. Утонченный внук могучего Чингис-хана наблюдал, как все, благодаря за оказанную честь, опускаются на колени и повергаются ниц. И цивилизованный внук безжалостного Чингис-хана наблюдал, как все едят.

— Мне просто приятно оказать вам честь, — сказал он, — и покормить вас так, как отец кормит своих любимых сыновей. Другие, не столь великие монархи, страшась яда, дали бы сначала поесть вам. Но не я. Ха. Нет, не я.

Еще один легкий жест — и в руках у Хубилая оказалось горячее и влажное полотенце. Великий хан неторопливо вытер рот и пальцы. Немой слуга тем временем склонился над черным лакированным подносом с нефритово-жемчужной инкрустацией, куда затем было брошено полотенце. Сын Неба милостиво наблюдал, как слуга предлагает поднос с полотенцем всем, удостоенным чести. И хан ханов наблюдал, как они вытирают пальцы и рты. Потом высказал надежду, что все теперь подкрепились. Все снова опустились на колени и поверглись ниц, заверяя повелителя, что воистину подкрепились.

Хубилай чуть наклонил голову, увенчанную золоченой, усыпанной самоцветами державной шапкой, столь отличной от небольших кожаных шапочек или кожаных шлемов монгольских воителей.

— По правде, — заметил он, — есть только три вещи, которые должны у меня быть и которых я не имею. Желать ли мне несметных богатств? Ха, они у меня есть! Желать ли мне беспредельного могущества? Ха, и оно у меня есть! Сынов? Внуков? Поднятого из руин и процветающего царства? Все, все это у меня есть. Все дал мне Тянь, Высший небесный владыка.

— И ты, — Хубилай назвал имя одного из влиятельнейших сановников, — и ты, — последовало еще одно имя. Великий хан называл имя за именем, благодаря своих верных слуг и заверяя их в своем настоящем и будущем благоволении. Называя одного за другим, он назвал их всех. А под конец сказал: — И ты, По-ло, и твой младший брат, и твой разумный сын. Все трое. Вы также мне помогли. Вас не ждет моя неблагодарность. Нет-нет.

И все-таки есть три вещи, которые должны у меня быть и которых я не имею. Первая и наиглавнейшая — это покровительство Бхайшаджья-хана, лазурно-лучистого Будды-хана врачевания, которое вернет доброе здравие моему любимому сыну, царевичу Чингину, и избавит меня от этой несносной подагры.

— Следующее — сюзеренитет островов Чипангу, этих неуступчивых островитян с их клановыми спорами и враждой. Для них же самих было бы лучше признать меня своим верховным властителем. Если они этого не сделают, я снова пошлю на них мои боевые флотилии. Священный ветер наполнит паруса… я сотру в порошок их золотые города… возведу башни из черепов… впрочем, достаточно. Еще не время. Надо посоветоваться с астрологами на императорской Террасе Управления Небесами. Они как раз вычисляют подходящее время для этого доблестного морского похода. Все знают, что из-за тех островов восходит солнце. И я буду ими править. Но пока что не правлю.

Тут великий хан не то тяжко вздохнул, не то фыркнул. Усеянная самоцветами чаша бесшумно упала на бесценные ворсистые ковры — подарок племянника Хубилая, хана Персии. И ни капли из чаши не вытекло…

Седеющая голова великого хана чуть наклонилась. И вдруг резко вскинулась. Глаза, мгновение назад полузакрытые, широко распахнулись. Огненный взгляд пронесся по всему императорскому приемному залу. Сын Неба высматривал, не позволил ли себе кто-то заметить происшедшее. Нет, никто не позволил. Все, как того требовал обычай, опустили глаза долу. Тогда в пристальном взгляде великого хана засветилось довольство. И, чисто из вежливости, он испустил грандиозную винную отрыжку.

— А в-третьих, мне не по душе все время находить в моей рисовой чашке одно и то же

кушанье — нет-нет, — сказал затем Хубилай. — Я люблю подремать — многотрудное царствование уже порядком меня утомило. Дремать я буду долго. Но проснусь свежим и обновленным. Я люблю власть. Следом за властью я люблю жизнь. Следом за жизнью я люблю красоту. Но где та красавица, что поднимется вместе со мной, обновленная сном?..

Как Марко уже не раз подмечал, речи великого хана бывали подчас сбивчивы — но никогда не бывали праздны. В надлежащее время лазурно-лучистому Будде-хану врачевания были предложены надлежащие приношения. Трое Поло, опять-таки в надлежащее время, были отправлены в трудное и опасное путешествие за новым кушаньем для рисовой чашки великого хана. Им предстояло отыскать долго дремавшую красавицу, которую Хубилай пробудит в надежде восстановить собственные иссякающие силы. А прежде всего этого, словно желая доказать, что могущество его пока еще не уменьшилось, Хубилай предпринял визит на Террасу Управления Небесами, чтобы посоветоваться с астрологами насчет часа, наиболее подходящего для доблестной атаки на Чипангу…

Пока Марко описывал в своем дневнике астрологическую обсерваторию, к нему по песчаному берегу приблизились две фигуры. Сфинкс, при каждом шаге аккуратно стряхивавший песок со своей львиной лапки. И немой паж Оливера. Марко обрадовался компании и решил их позвать.

— Паж! Прелестный сфинкс! Не хотите ли послушать одну историю? крикнул он, не забывая о лестном обращении к маленькому существу.

Паж, казалось, заколебался — но сфинкс тут же подбежал к Марко и свернулся калачиком у его ног.

— Прелестная загадка еще посмотрит, прелестна ли загадка, — как всегда загадочно прошептал он, деловито вылизывая свою золотистую шерстку. Паж неохотно последовал за спутником и, с заметной неловкостью усевшись невдалеке от Марко, стал вглядываться в море из-под надвинутой на самые глаза кожаной шапочки.

— Позвольте я расскажу вам о нашествии Хубилая на Чипангу, — начал Марко.

Слуга продолжал угрюмо глядеть вдаль, а сфинкс выгнул спину и загадочно улыбнулся. Остроконечные уши его, казалось, навострились, а в золотистых глазах заблестело нечто, превосходящее человеческое разумение.

25

Ли: Сияние.
Яркое пламя сверху; яркое пламя и снизу.
Солнце всходит дважды на дню.

Итак, Марко начал читать сфинксу и немому пажу Оливера, пристроившимся рядом с ним на ветреном берегу, отрывок из своего путевого дневника:

— Грандиозная процессия сопровождала великого хана к Террасе Управления Небесами, что представляет собою каменную башню в восточной части города Тай-тиня. Хубилай со своим любимым сыном Чингином ехали в паланкинах, занавешенных золотой и пурпурной парчой с вышитыми на ней императорскими символами солнца и луны. Ибо императора неотвязно мучила подагра, не позволявшая Сыну Неба сесть на коня, а царевич Чингин в тот день особенно ослаб от своей странной изматывающей болезни. Спереди и сзади паланкины великого хана и царевича Чингина охраняли фаланги монгольских всадников. Их парадные седла, кожаные доспехи и отороченные мехом шлемы украшены были серебром и перьями феникса. В руках конники держали луки, алебарды и развевающиеся знамена с солнцем и луной. Разгоняя по сторонам шумную толпу, музыканты звенели огромными тарелками. Особо доверенные сановники и военачальники ехали вместе с царским кортежем. В их числе оказался и я. При упоминании столь высокого знака монаршего благоволения сфинкс развернул крылья и одобрительно кивнул.

А Марко продолжил свой рассказ:

— Недавно выстроенная обсерватория призвана была вместить в себя как столичных предсказателей, так и прославленного астронома и математика Го Шу-цзиня с его помощниками. Мне уже приходилось навещать Террасу в поисках совета мастера Го касательно навигации, ибо его календари, карты звездного неба и приборы для наблюдений далеко превосходили все, чем в этой области могут похвалиться христианские страны. Им, между прочим, изобретена была армиллярная сфера, поддерживаемая большими бронзовыми драконами. Ее образовывали пересекающиеся металлические кольца, прикрепленные к зрительной трубе, с помощью которой удавалось точнейшим образом регистрировать смещения и положения небесных тел. Но в тот день нашу заботу составляла вовсе не навигация…

Как известно, императорские астрологи пользуются альманахом, в котором на весь год поминутно расписано продвижение планет по созвездиям. В согласии с законами природы продвижение это влияет на каждодневные события и обстоятельства. Свои предсказания мудрецы записывают в брошюрки, именуемые «тациум», которые затем продаются за небольшие суммы денег, чтобы люди смогли распланировать свои предприятия в согласии с небесным порядком. Задумав важное и рискованное начинание, человек сообщает астрологам дату своего рождения. Тогда те рассчитывают влияние планет, определяя, ждет ли предприятие удача и в какой день клиенту благоприятнее всего к нему приступить. Лучшие астрологи, чьи предсказания оказываются наиболее точными, удостаиваются величайшей славы и почестей.

Тут сфинкс, чье врожденное знание прошлого, настоящего и будущего на самом деле далеко превосходило все грубые прикидки астрологов, вежливо прикрывая рот, зевнул. А Марко читал дальше…

— То было вскоре после Нового года. Шипящие фейерверки и пышные трапезы уже закончились, но сезон большого холода покидать столицу не торопился. Читатель может не сомневаться, что визит великого хана вызвал в стане предсказателей великий переполох. Все они разоделись в свои самые торжественные шелковые мантии, ученые шапочки и войлочные шлепанцы. День рождения императора и зверь, под знаком которого проходил тот год, были им, разумеется, известны — и астрологи принялись усердно сверяться со своими толстенными альманахами касательно 18-го года правления Чжи-юаня, или Хубилай-хана, а иначе — лета Господня 1281-го.

Предсказатели тщательнейшим образом высчитали значения Небесных Стволов и Земных Ветвей, а также перемещения Главенствующих Небесных Сил. Памятуя об особой важности запроса великого хана, они также бросили черенки тысячелистника, чтобы установить изменчивое соотношение Инь и Ян согласно освященной веками Книге Перемен, или «Ицзин». Наконец, главный астролог медленно и торжественно зачитал предсказание (не забыв сопроводить все это соответствующими ритуалами и славословиями)…

— Загадка, вот загадка… и что же они сказали? — заинтересовался сфинкс. Он даже перестал вылизывать шерстку и навострил уши, желая услышать рассказ Марко во всех подробностях. Слуга же Оливера по-прежнему безучастно глядел куда-то в море — словно не только немой, но и глухой.

— Слова их оказались весьма странны, — ответил Марко, переворачивая пергаментную страницу…

— «Ничтожные предсказатели великого хана отметили господство гексаграммы „ли“, коя суть сияние, вкупе с возмущениями в созвездии Канлон, или „синий дракон“. Сие свидетельствует мудрецам с Террасы Управления Небесами, что Срединное царство должно поглотить острова Чипангу в пору летнего солнцестояния — или ничтожнейшие острова Чипангу однажды вознамерятся поглотить Срединное царство. Когда дымные кони перескочат через Великую стену в 10000 ли, Чипангу пошлют железных драконов, летящих по воздуху. Сии драконы обрушат огонь на города Поднебесной и все достославные и процветающие земли Восточной Азии. Пламя станет пылать будто солнце, взошедшее второй раз на дню. Тогда Сын Неба уже не будет восседать на Троне Дракона. Срединное

царство падет — и восток сделается красным. Так говорят ничтожные астрологи хана ханов…» И с той самой поры великий хан покорением Чипангу решил доказать, что могущество его не пошло на убыль.

— Загадка, вот загадка… успешно ли завершился его поход? поинтересовался сфинкс, лениво потягиваясь под яркими лучами солнца.

— Увы, колдуны Чипангу тоже весьма могущественны. Великий хан собрал самую мощную армаду, какую когда-либо видел свет, — добрых четыре тысячи судов со 150000 монгольских, катайских и корейских воинов. Все были прекрасно вооружены дротиками, отравленными стрелами и взрывающимися пакетами громового порошка. Руководили армадой отважные вельможи, что вывели ее той весной в море из портов Катая и Коре.

— Ну, такой могучий флот в бою, конечно, не одолеть, — заметил сфинкс, отгоняя львиным хвостом мух от своих аккуратных крылышек.

— На месте первой высадки монголов японцы выстроили мощную стену — и яростно обороняли ее с помощью стрел и копий, — продолжил Марко. — Для моря монгольские войска не годились, а стена не давала развернуться их коннице. Вассальные корейцы не были всецело преданы Хубилаю, а катайцы вообще не особенно стойкие бойцы. Так что этой столь многочисленной армии пришлось отступить обратно к кораблям — тут-то коварные японцы и сотворили свое нехитрое колдовство. Их дьявольские божества и золотые идолы наслали туда дикий священный ветер, именуемый «камикадзе», — и тот прорвал армаду великого хана подобно конскому копыту, прорывающему муравейник. Грозные корабли пошли ко дну, а почти все воины или утонули, или были убиты при попытке вернуться на берег. Так и закончилось отважное нашествие на Чипангу.

Подводя итог рассказу, Марко скатал пергаментные листы своего путевого дневника.

— Астрологи же, несомненно, ошиблись — ибо никаких железных драконов в небе Катая так и не появилось. Однако силы и бодрости духа у великого хана после этого поражения заметно поубавилось. Разум его обратился к вопросам бессмертия — что в итоге и привело нас на этот заколдованный остров.

Тут немой паж повернулся к Марко. Казалось, он внимательно вслушивается…

— Нравятся тебе рассказы? — спросил Марко. Раньше он не разговаривал с юношей, да и вообще не уделял ему особого внимания.

— Тут свой рассказ в рассказе, — туманно заметил сфинкс. Потом загадочно улыбнулся и взмахнул хвостом.

А паж Оливера, энергично кивнув, опять застенчиво отвернулся.

— Ага! Так значит, ты все прекрасно слышишь и понимаешь — и увечен лишь твой язык. Надо бы спросить твоего хозяина, как так получилось. Тогда, быть может, мы сумеем подыскать тебе лекарство. — Марко внимательно приглядывался к юному пажу, прикидывая, какое средство тут может помочь… Что, если, к примеру, использовать тончайшие акупунктурные иглы… И вдруг черты лица юноши показались венецианцу мучительно знакомы. Как бы в шутку Марко протянул руку и сдернул с головы пажа непомерно глубокую шапку. Целый каскад темно-каштановых волос рассыпался по плечам мнимого юноши — и охваченный волнением Марко наконец догадался:

— Си-шэнь!

— А я все гадала, когда же ты меня узнаешь. И будешь ли рад видеть, застенчиво улыбнулась девушка.

— Конечно же я рад тебя видеть! Но как ты здесь оказалась… и знает ли Оливер, кто ты на самом деле?

— Мой отец и Олавр были братьями по оружию, — ответила Си-шэнь, поправляя развевающиеся на ветру волосы. — И каждый из них не раз рисковал жизнью ради другого.

Сфинкс с внимательным блеском в золотистых глазах прислушивался к отгадке очередной загадки.

Си-шэнь продолжала:

— Мой отец был смертельно ранен отравленной стрелой в диких куманских степях.

Волею судьбы его ранили сородичи тех лазутчиков Хайду, что подстерегли впоследствии и тебя. И когда мой отец умирал на бессильных руках Олавра, он попросил северянина разыскать меня, его единственное дитя. Потом мой отец умер. — Тут Си-шэнь на миг опустила глаза долу — и снова взглянула на Марко. — Олавр поклялся своим северным богам, что позаботится обо мне так же, как мой отец нередко заботился о нем. Но мать моя умерла, когда я была еще совсем маленькой, а ухаживать за ребенком Олавр не мог. Тогда он отдал меня в труппу бродячих актеров, которые обещали обо мне позаботиться и обучить акробатике. И с тех самых пор Олавр время от времени появлялся в городах, где мы выступали. Появлялся нежданно, желая убедиться, что со мной все хорошо. Когда же он услышал о планах моего хозяина продать меня как наложницу для оплаты игорных долгов, лицо его побагровело от гнева. Олавр настаивал, чтобы я бросила труппу… но идти мне было некуда. В Катае не очень уважают одиноких женщин низкого происхождения. А потом я встретила тебя — и выбор стал мне ясен. Олавр раздобыл мне доспехи, и мы двинулись по следам ваших коней, пока не обнаружили тебя — пойманного в ловушку людьми той же породы, что убили моего отца. С тех пор мы тебя и сопровождаем. Я бы последовала за тобой и дальше… если только ты не…

— Даже и не думай… больше я тебя уже не потеряю, — хриплым от избытка чувств голосом выговорил Марко. А потом поцеловал Си-шэнь — целовал еще и еще.

Но жаркие их объятия прервались пронзительным вскриком маленького сфинкса — и тот, весь дрожа, прыгнул Си-шэнь на колени. Марко взглянул в ту сторону, куда испуганно таращились золотистые глаза сфинкса, и увидел отряд вооруженных длинными копьями людей. Людей странных и диких, чьи голые тела были размалеваны грязью в красно-белую полоску, чьи выпуклые надбровия казались пережитком какой-то стародавней эпохи. Но самое главное — сзади у них виднелись плоские мясистые хвосты.

26

Тай: Расцвет.
Земля поддерживается дарами небес.
Царевна должна выйти за низкорожденного.

Марко пробудился от странного сна. Да и спал ли он? В голове вертелись бессвязные образы. Вот Си-шэнь в одежде пажа Оливера… вот из-под шапки падают темно-каштановые волосы… Но почему Си-шэнь привиделась ему именно сейчас? Взаправду ли она оказалась здесь — или, как и плоскохвостые дикари, то всего лишь очередное обманное сновидение проклятого Острова Утех, где никак не разберешь, где сон, а где явь? Взаправду ли аборигены отобрали у него Си-шэнь — сейчас, в то самое время, когда он снова ее обрел? Взаправду ли размалеванные грязью дикари тащили отчаянно вырывавшуюся девушку прочь? И правда ли, что маленький сфинкс, рыча, хватал их за ноги, пока его пинками не отшвырнули в сторону? Или Марко, лежа в странном оцепенении, видел сон? Так сон это или не сон?

— Это не сон, — сказал сфинкс, деловито зализывая золотистую шкурку на израненном крыле и восстанавливая привычную горделивость, понесшую урон от грубых пинков.

— Надо найти Оливера, — мигом проснувшись, заторопился Марко. — Потом мы вместе разыщем Си-шэнь.

Оливера они обнаружили невдалеке от берега — похоже, он как раз шел их предупредить. Но глаза северянина были налиты кровью, а челюсть отвисла словно душу его забрали странные духи снов этого острова. Впрочем, Марко видел его таким не впервые. Порой Оливер прикладывался к мутному напитку из перебродившего проса. Порой вдыхал пары липкого состава из маковой соломки, который катайцы называли не иначе как «грязью». А порой им словно овладевал какой-то дух или демон. Тогда он упирался взглядом

куда-то, где для сторонних глаз вроде бы ничего особенного не было. Или бубнил, бормотал, распевал и даже кричал, подобно языческим шаманам и колдунам, которых дядя Маффео нарек «пророками сатаны».

И теперь духи сна явно овладели разумом Оливера. Казалось, он даже не слышит настойчивых слов Марко. Не реагировал северянин и на отчаянные попытки его добудиться. Потом Оливер что-то забормотал — то глядя прямо на венецианца, то отворачиваясь. Бормотал он на своем языке, с бесконечными запинками и паузами. Наконец, перешел на тот смешанный язык, что изобрели они с Марко. Но хотя слова — словно исходящие от разноязыкой толпы — были понятны, смысла в них не проглядывало.

Наконец венецианец прервал Оливера:

— Ничего не могу понять.

А тот устремил на Марко безумный взгляд и, еле ворочая языком, ответил:

— Удачливый сын Краснорожего Плута искал лозу за морем… а обремененная шипами лоза — то, что ты ищешь… но кудрям малышки должно остаться под маской…

— Да о чем ты говоришь? — воскликнул Марко. Но с таким же успехом можно было требовать ясности от какой-нибудь старой карги, что бормочет себе в бороду у очага и тянет морщинистые клешни к светящимся яйцам в угольной жаровне. — Пойдешь с нами искать Си-шэнь? А, Оливер? — спросил затем Марко. Но ответа не получил. — Ну… тогда выпей крепкий травяной настой, который катанцы зовут «чаем». Он прочищает мозги. Ладно, Оливер? Чтобы мы могли…

И опять никакого ответа. Большая светловолосая голова Оливера медленно склонилась на песчаную землю. Северянин провалился в мертвецкий сон тех, кем овладевали духи этого острова. И единственным его откликом стал раскатистый храп.

А вскоре единственными звуками на унылом берегу остались плеск волн, шелест ветра в пальмах с фараоновыми орехами и гулкая молитва Марко Поло.

— О благословенный Сан-Марко, Лев Венеции и мой святой тезка! Пожалуйста, защити Си-шэнь — а тогда ее непременно окрестят в твоем золотом соборе! Святая Мать Мария, заступница всех женщин! Ты, что сияешь подобно луне в полдневном небе! Пожалуйста, помоги мне ее найти!

И в этот самый миг произошло нечто необычайное. Все птицы острова вдруг с криками взмыли в воздух и принялись кружить, словно ища себе насест на ночь. А тем временем на пылающий лик солнца с неспешным достоинством наплыла громадная круглая тень — подобно темной луне в полдневном небе. Наконец, остров накрыли мутные сумерки солнечного затмения. Марко машинально отметил дату — 4 июня 1285 года — и подумал, что надо будет упомянуть об этом мастеру Го Шу-цзиню на Террасе Управления Небесами. Когда он, естественно, вернется в Ханбалык. Если он когда-нибудь туда вернется.

Затмение странным образом ослабило власть духов сна над Оливером — и гигант внезапно очнулся.

— Надо найти ее сейчас — пока дикари боятся, что солнце будет проглочено, — сказал могучий северянин, словно уже знал обо всем случившемся.

Небольшой Остров Утех делился на низменную равнину у северной оконечности и ряд туманных скал на юге. Низинный народец никогда не отваживался взбираться на холмы, ибо все знали, что горные люди кровожадные охотники и каннибалы. Порой, когда не хватало дичи, горцы совершали набеги на низинные деревушки. Так что вопроса, где искать Си-шэнь, перед Марко и Оливером не стояло. Страшило их только одно — какая жуткая картина может им предстать. Сфинкс понесся предупредить остальных, а два европейца — громадный светловолосый северянин с зазубренным боевым топором и невысокий итальянец с острым серебристым ножичком — по долгу преданности направились к запретным холмам.

Сумерки и тишь затмения все нарастали, а солнце превратилось в тонкий серпик над головой, когда Марко и Оливер, отчаянно пытаясь не заснуть, стали взбираться по каменистым тропкам поросших кустарником холмов. Чем выше взбирались, тем сильнее накатывала вялость — словно громадные ленивые валы тянули путников в дремотное

забытье. И Марко то и дело подталкивал Оливера, а Оливер — Марко. Причем могущественные духи этих гор мирным сном забыться не давали — каждая отключка сопровождалась жуткими видениями.

Марко сжимался от страха всякий раз, как перед глазами вспыхивал яркий сонный образ: мертвенно-бледная перекошенная рожа под спутанными медными волосами. Единственный черный глаз дико таращился, а из оскаленной пасти с неровными рядами клыков вылетало: «Вижу ее… вижу…»

Потом Марко и Оливера вдруг пробудили какие-то адские песнопения. Или и они звучали во сне? Разобраться никак не удавалось. Путники шли на этот звук — и наконец набрели на убогую деревушку плоскохвостых, размалеванных грязью дикарей, что плясали и пели, подбрасывая сухие ветки в огромный костер. Марко заинтересовали взмахи их широких плоских хвостов — похоже, как у особой породы овец в землях Малой Армении у самых берегов полноводного (и страшно далекого) срединного моря. Невдалеке от костра кучка сухощавых женщин с попугайными перьями в волосах, с прикрепленными к хвостам костяными украшениями склонялась над каким-то рвущимся из пут существом, подобно тому как в иных краях женщины склоняются над готовым для вертела ягненком. Но склонялись они, как вскоре выяснилось, не над откормленным ягненком. Над Си-шэнь.

— Они готовят трапезу в честь новорожденного солнца, — заметил Оливер с мрачным выражением на покрытом шрамами лице.

— Что же нам делать? — спросил Марко. — Если нападем, они убьют Си-шэнь раньше, чем мы успеем до нее добраться… Да и как бы не заснуть прежде, чем решим напасть…

Затмение достигло своей высшей точки — и солнце превратилось в пылающее колечко вокруг темного диска луны. Каннибалы прервали свои занятия, обращая глубоко посаженные глазки на это чудо, — тут-то Си-шэнь и решила действовать. С тем проворством и змеиной изворотливостью, которыми она славилась, девушка вырвалась из рук дикарок и бросилась вниз по неровному склону холма. Следом за ней рванулись каннибалы — а за ними, в свою очередь, Марко и Оливер. Си-шэнь бежала и бежала — одинокий воробушек, спасающийся от шустрой своры шумных плоскохвостых животных. И вот она уже у скалистого утеса, высящегося над бурным морем. Тут девушка поняла, что оказалась в ловушке. По трем сторонам — неприступные скалы, а позади потрясающие длинными копьями размалеванные дикари.

— Си-шэнь! — в один голос взревели Марко и Оливер — но она слишком перепугалась, чтобы их услышать.

Неожиданным грациозным прыжком, удивившим ее преследователей — а быть может, и ее саму, — девушка по красивой дуге бросилась вниз с утеса. Время, казалось, замерло, пока она летела. Замерло и сердце Марко. Наконец Си-шэнь пронзила волны — и исчезла под пенными водами — исчезла мгновенно, беззвучно и бесследно.

Марко с Оливером прятались за грудой валунов, пока каннибалы удрученно топали в свою убогую деревушку. Теперь дикарям суждено было отпраздновать рождение нового солнца привычным диетическим блюдом из поджаренных личинок. Когда они ушли, двое европейцев встали плечом к плечу на краю крутого утеса и долго смотрели на неугомонный океан, где уже не осталось никаких следов Си-шэнь, кроме ее глубокой шапочки, что лениво уплывала прочь от берега…

Затмение уже проходило, яркий солнечный свет возвращался из краткого изгнания, и птицы дружно принялись воспевать рассвет — второй раз на дню. Для Марко их песни звучали как панихида. Венецианец и могучий северянин все не сводили пристальных взглядов с моря. Молчание затягивалось… и кто знает, только ли от соленого ветра слезы наворачивались им на глаза.

Наконец Оливер сказал:

— Там, внизу, привязаны крепкие боевые лодки…

После еще одной долгой паузы Марко ответил:

— Да, это, должно быть, долбленки дикарей. Раньше мы здесь не бывали и потому их не видели. Нашим людям надо их забрать. Они куда прочнее наших шлюпок. На них мы сможем наконец выбраться с этого проклятого Острова Утех.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ВПЕРЕДИ ЧУДЕСА И ОПАСНОСТИ

27

Би: Приближение.
Воды хлынули на землю.
Глиняная чаша полна.

Множество бессчетных дней и ночей миновало. На крепких долбленках плоскохвостых каннибалов Поло и их люди гребли на север по не занесенным на карты южным морям. Знали они только то, что берег Бенгалии в Большей Индии лежит где-то на севере, а из Бенгалии можно по суше добраться до Тибета. Но сколько бесконечных дней и ночей должны они грести на север, прежде чем доберутся до желанной цели?

Великое облегчение все испытали, когда на небе вновь стали видны Полярная звезда, обе Медведицы и другие северные звезды и созвездия, обычно используемые при навигации. Празднуя первое появление недвижной световой точечки Полярной звезды, татарин Петр затянул песнь своих дьяволов:

Разум беспределен как небо…
с проплывающими по нему облаками…
Разум широк как океан…
с проносящимися по нему волнами…
Разум велик как гора…
с овевающим ее ветром…
Разум светел как Полярная звезда…
с кружащими вокруг нее небесами…

— Слушай, а ты не знаешь пикантных любовных баллад — как все нормальные парни? — проворчал Маффео, вороша и без того всклокоченную бороду.

Большую часть плавания праздником никак было не назвать. Скорее скукой, голодом и жаждой. Со все нарастающим отчаянием люди подставляли свои кожаные шлемы под скудные приношения проходящих дождевых облаков — но питья никогда не хватало. Никогда. После каждого краткого дождичка мужчины выжимали всю влагу из затхлой одежды в пересохшие рты — кап… кап… кап… кап… Будто псы, лакали из лужиц, что собирались на грязных днищах грубых долбленок. Но питья все равно не хватало. Никогда.

Как же они теперь жаждали увидеть радужных дождевых драконов! Как тосковали по муссонным ливням, что устраивают серебристый перезвон под мшистыми свесами крыш храмов Чамбы! Далеко отсюда — так далеко!

Со все нарастающей алчностью люди забрасывали в море лески с наживкой из ярких клочков собственной одежды. Когда удавалось выловить незадачливую рыбину — большую ли, малую, — все в бешенстве на нее накидывались. Сначала высасывали глаза, потом пожирали сырое мясо и внутренности. И то и дело в грубых долбленках возникали перебранки по поводу того, на чей клочок попалась рыбина. Споры и драки не прекращались ни днем ни ночью. Люди рычали подобно диким зверям, посаженным в тесные клетки. И все это лишь усиливало общие тяготы и мучения.

А порой улова не было дни напролет — когда лодки плыли над теми морскими глубинами, где рыба не водится. Тогда людям оставалось только безмолвное отчаяние.

— Проклятый океан пуст, как головы петровских дьяволов, — проворчал Маффео. — А помнишь, братец Никколо, те роскошные пиры, что дож давал в своем мраморном пиршественном зале в Венеции? Сидели мы как-то раз рядом с торговцем зерном с Заморских Территорий. Он все бубнил себе под нос какую-то невнятицу — и вдруг выдал: «А вот в абиссинских краях навалом птицы, именуемой „страус“. И птица эта, будьте уверены, запросто ест и переваривает железо». А ты, Никколо, еще так серьезно ему ответил: «Прекрасно! Тогда вам стоит только последовать их примеру — и никаких затруднений на этом пиру у вас не возникнет». Да, едоком ты был тогда привередливым — и считал, что никакая компания поваров, даже самых первоклассных, не может в равной мере удовлетворить стольких пирующих. Потом ты заметил: «Бульон из бычьих хвостов наверняка пропадет даром». Но мессир Заморские Территории с тобой не согласился и ответил: «Нет-нет, ни в коем случае. Ибо нас щедро вознаграждает наша богатая торговля пряностями. Когда столько разных пряностей, никакой бульон даром не пропадет». Тут ты, братец Никколо, просто закатил глаза… — И дядя Маффео, желая это продемонстрировать, сам закатил глаза. А потом, не услышав никакого отклика на умеренно забавный анекдот, вновь погрузился в унылое молчание.

В конце концов они все-таки добрались до жаркого и влажного берега царства Бенгалии. Как раз к руслу полноводной реки Ганги, чьи мутные воды текут с Канченджанги и других священных гор, оставаясь священными, пока не достигнут нечестивых черных вод Индусского моря. С неизъяснимым облегчением путники с грубых долбленок сошли на землю (топкую и нетвердую — но все-таки землю). Даже суровые лица монголо-татарских стражников и озабоченные лица троих Поло и ученого Вана озарились радостными улыбками.

Изобильное царство Бенгалии не подчинялось великому хану и было, по сути, союзником Бир-мяня. Поэтому Поло хотелось, воспользовавшись личиной купцов, поскорей его миновать. А раз коней они лишились, то им оставалось плыть по притоку Ганга к северу, в Тибет, на речном судне. В диком же Тибете они снова окажутся в пределах ханства. Там нужно будет найти родину загадочного рунного ковра — а та, в свою очередь, приведет их к месту вечного отдыха неприступной Спящей Красавицы.

Краткие мгновения Поло даже потешили себя мыслью о том, чтобы ускользнуть на запад — к Венеции. Но на самом деле не было у них ни золота, чтобы зафрахтовать подходящий корабль, ни золотого пропуска для безопасного путешествия через западные ханства. А хоть Бенгалия и не подчинялась великому хану, лазутчики его действовали повсюду. Дорого обошлось бы им и задержание в обширном Персидском царстве, где правил Хубилаев племянник. К тому же, несмотря на все ворчание и ропот, Поло все-таки оставались верными слугами великого хана. Да и накопленное ими добро было спрятано в Ханбалыке. Спрятано надежно — но там, в Ханбалыке.

На берегах Ганга, вдоль людных пристаней и душистых проулков, лежали целые лабиринты базаров и складов. До Марко доносился непрерывный шум торговли продуктами для местных жителей и прочими товарами — от драгоценных пряностей с южных островов до татуированных слонов и невероятного изобилия оскопленных рабов.

Среди пропахших пряностями базаров высились прибрежные храмы из украшенного затейливой резьбой розового песчаника. Храмы эти охранялись мрачными идолами с объятыми пламенем черными черепами вместо голов. Оттуда каменные лестницы вели к припахивающим навозом священным берегам, где мутная речная вода лениво плескала на дымные погребальные костры. Жирные вороны и тощие псы тут же выискивали в пепле клочки обугленного мяса и обломки костей. Скрипучие напевы идолопоклонников мешались с хриплыми выкриками торговцев и ворон, да еще и беспрерывной болтовней обезьян, что кувыркались и прыгали по крышам храмов. Трубный глас слонов, рев буйволов, звонкие свистки витых раковин и вой недавно захваченных и оскопленных рабов — все это звучало жуткой какофонией в ушах у Марко.

А на пристанях царила беспорядочная толкотня. Пилигримы, рабочие, торговцы,

праздношатающиеся… Оборванные лодочники буквально роились вокруг Марко, предлагая еду и перевозку, товары и юных рабынь. За деньги там можно было купить решительно все. Потом к венецианцу приблизилась высокая фигура и вежливо заговорила на торговой латыни:

— Уверен, вы найдете лодки моего хозяина крепкими и удобными для речного плавания.

Взглянув на говорившего, Марко понял, что это ни мужчина, ни женщина. Или и то и другое. Мягкая женская кожа и плавные формы стройного скопца резко контрастировали с крупной и сильной мужской костью. Согласно бенгальским обычаям он, подобно женщине, носил просторные шелковые одеяния, ручные и ножные браслетки, подкрашивал веки черной сурьмой — но крепкая стать все же выдавала его мужское происхождение.

— Ладно, показывай, — согласился Марко, и высокий скопец повел его вдоль пристани.

— Наверное, вы торговцы пряностями из Европы? — осведомился скопец. — Я тоже пришел с запада — тогда еще юный и полноценный.

— Да, мы из Европы, — кивнул Марко. — Хочу и тебя спросить. Уши подсказывают мне, что ты неплохо знаешь латынь… а глаза добавляют, что судьба обошлась с тобой довольно жестоко…

— Увы, это правда, — с тяжким вздохом ответил скопец. — Зовут меня Ваган, а отец мой был торговец зерном из Большей Армении и приверженец Восточной церкви. В сезон жатвы Ваган-старший путешествовал по торговым путям, покупая и продавая пшеницу, — и неизменно возвращался к нашим родным виноградникам с хорошим барышом.

Тут скопец устремил свои грустные глаза на запад — будто до сих пор видел там домашние виноградники под ярким армянским солнцем. Потом негромко продолжил:

— Каждый год тогда походил на предыдущий, пока однажды летом отец не решил, что я уже высок и силен, как мужчина, и годен для купеческого ремесла. После жатвы я гордо попрощался с младшими братьями, сестрами и плачущей матушкой. Мой заплечный мешок она наполнила козьим сыром и маслинами, черным хлебом и сушеными фигами. Не забыла и фляжку нашего домашнего вина. Отец пожаловался, что его никогда так богато не снаряжали, и тогда матушка ответила: «А ты свои прощальные подарки получил ночью». Потом мы отправились в путь, и поначалу все казалось сплошным праздником ведь отца отлично знали и любили на его обычных маршрутах. Все с готовностью предлагали торговцу зерном и его недавно возмужавшему сыну мясо и выпивку — а также и служанок.

— Но праздник не затянулся, — с трепетом в голосе вставил Марко, думая о том, как же эта история похожа на его собственную — если не считать трагического финала.

— Увы, да, — ответил скопец Ваган. — На подходе к отдаленной реке Оксус караван атаковала банда татарских изменников, жаждавшая нашего золота и зерна. Бедного моего отца убили, а моя злосчастная участь оказалась еще тяжелей, ибо меня оставили жить и обратили в раба. В кандалах доставив на невольничий рынок в Бенгалию, меня лишили мужеского достоинства и всех тех радостей, что я почти и не познал. Благодаря моей силе и высокому росту за меня дал хорошую цену капитан речного судна. Хозяин мой — добрый человек… так что здесь я и останусь.

— Но ведь тебя, кажется, не стерегут; разве ты не подумывал о том, чтобы сбежать в христианские земли? — спросил Марко.

— А где в жестокой Европе найти пристанище кастрату? — спросил в свою очередь скопец. — Чтобы петь где-нибудь в хоре, мой голос слишком груб. Здесь же такие, как я, не редкость, и относятся к нам даже с добротой. Ибо со временем мы набираемся послушания подобно упитанным меринам, благодарно берущим зерно с хозяйской руки.

— Кратко познанные радости подчас больнее всего терять, — заметил Марко, с грустью вспоминая о Си-шэнь.

— Кратко познанные радости забываются подобно смутным обрывкам снов, пожал плечами Ваган. — Ну что ж, а теперь позвольте я покажу вам лодки.

Лодки и впрямь оказались крепкими и удобными. Гребцы были упитанные и мускулистые, а капитан с тюрбаном на голове показался Марко настоящим знатоком речной навигации. Заключив сделку, Поло расплатились с капитаном раковинами каури. И отряд отправился вверх по течению священной реки Ганги и ее заросших джунглями северо-восточных притоков, — а мутные воды кружились и пенились, делаясь все быстрей и бурливей.

Наконец Поло попрощались с печальным скопцом Ваганом, с его сослужившим им верную службу веселым хозяином и высадились на берег. Одно утомительное ли за другим люди плелись по ледяным горным тропам рубежей Тибета, не располагая никакими провожатыми, кроме неточных карт, изменчивых звезд и «проклятого» свитка великого хана.

28

Гуай: Выход.
Радостное озеро подымается до небес.
Сильный и стойкий муж идет под дождем в одиночку.

— «Ищи Стоглавую Голову», — задумчиво процитировал Никколо свиток великого хана. — Интересно, кто это. Или что. Помнится, я читал… или слышал… а-а, неважно. В общем, давным-давно было такое стоглавое чудище. Геракл ему головы отхватывал — а они тут же опять вырастали. Н-да, вырастали.

Они продолжали устало тащиться вверх по продуваемой злыми ветрами горной тропе, вдоль ряда низких сосенок. Наконец, дядя Маффео, придавая мысли брата причудливое продолжение, заметил, что гераклины отличаются превосходной шерстью.

— Роскошная, плотная! А какие из нее капюшоны для подобной холодрыги! На ней даже влага от дыхания не намерзает! Этих гераклинов еще росомахами зовут. Так что, мы теперь ищем холм с сотней росомах? Да?

Марко, в очередной раз подивившись поразительной логике своего дяди, тяжко вздохнул. А потом ответил, что, по его мнению, они ищут дверь с сотней замочных скважин. Или замочную скважину с сотней дверей. Или…

Но тут ученый Ван Лин-гуань, порядком подуставший и в беседу не ввязывавшийся, вдруг произнес:

— Ха!

Все повернули головы и внимательно на него посмотрели.

— А что, собственно, «ха»? — осведомился дядя Маффео, нервно подергивая седеющую бороду.

— Притча о блаженном Ананде…

— Блаженном что?

Марко вежливо вмешался:

— Это, дядя, один индусский мудрец. Жил еще до Господа нашего. Очень добродетельный язычник, и теперь он, несомненно, в чистилище, а ни в коем случае не в аду. — Про себя Марко добавил, что в чистилище, должно быть, куда приятнее, чем на этой продуваемой леденящим ветром горной тропе.

Дядя Маффео кивнул.

— Значит, добродетельный дохристианский язычник? Так? — Теперь он нашел точку отсчета. — Что, вроде Вергилия? Да? Помнится, я в свое время тоже штудировал Вергилия. «Arumque…» Да нет — что это я? «Anna virumque cano», или «О мужах, псах и оружии». Ха, Вергилий. — Тут дядя выдохся. Да и замечания на предмет Вергилия истощились. Больше он ничего не сказал.

А ученый Ван вновь подобрал нить своего рассуждения.

— По прошествии далее Будды Шакьямуни, о коем, безусловно, неверно будет сказать, что он умер от употребления в пищу свинины, был созван Великий монаший собор. И

ученик Ананда туда пришел. Однако у дверей разные монахи остановили его со словами… — Тут ученый Ван откашлялся и очень похоже изобразил монотонную речь монаха: — «Собор сей запретен для тебя, о Ананда, по причине твоего прежнего неизменного пристрастия к женскому телу, каковое, о Ананда, несовместно с путем мудрости и познания!» И с этими словами они закрыли дверь перед самым его носом, заперли ее и убрали ключ. Тогда, произведя шум наподобие громового раската, блаженный Ананда все-таки вошел. Через замочную скважину.

Какое-то время тишину нарушал только мерный стук шагов по ледяному гравию. А потом дядя Маффео от души расхохотался.

— Понятно вам? — фыркнул он. — Вот он, ваш добродетельный язычник! Нет, вы поняли? Поняли? Женщины! Познание! Замочная скважина! Ха-ха-ха!

Никколо тоже немного посмеялся. Ученый Ван позволил себе еле заметную улыбочку.

Но Марко мало волновали дискуссии о добродетели Ананды. Он размышлял о том, куда их теперь несет — если вообще куда-то конкретно.

— Мои дьяволы что-то мне напевают, молодой господин, — сообщил татарин Петр, пока они взбирались все выше в безжизненные горы.

— И что же? — поинтересовался Марко.

— Слишком тихо, — ответил Петр. — Не могу разобрать.

— Ну так скажи своим проклятым чертям, чтобы пели погромче, — проворчал дядя Маффео.

Отряд плелся все дальше. Вот уже кончились деревья, а низинные джунгли и лесистые склоны холмов у подножия остались внизу лишь отдаленным намеком. Путники взбирались по крутой и узкой тропке меж гладкими утесами и торчащими ввысь снежными пиками, где их предшественники возвели каменные пирамиды в честь своего успешного восхождения. В конце опасной тропы оказалось пустое и безжизненное плато с любопытными скальными нагромождениями, где в уши вонзались ледяные иголочки пыльного ветра.

— Мои дьяволы поют про рыб… — заявил Петр.

— В этой морозной пустоши нет никаких рыб! — рявкнул Никколо. — И быть не может.

— Наверное, они поют о нежнейших сардинах Венеции, — со вздохом сказал Маффео. — О вкуснейших сардинах, поджаренных с чесноком на оливковом масле и поданных с бутылкой красного вина. Ох, так и чую их аромат… и запах каналов. А у этих проклятых гор никакого запаха! Если и попадается навозная лепешка — так и та суха, как пыль, и ничем не пахнет.

— Мои дьяволы поют, чтобы мы искали рыбовидную скалу, — сообщил Петр.

— Эту дьявольскую песню я уже слышал, когда мы спасались от смертоносных ворон, — стал размышлять Марко. — И тогда еще подумал, что тебя стоило назвать в честь святого Петра, рыболова.

— Так что же нам теперь — искать стоглазую рыбу? Или сторыбью скалу? Слишком я стар для таких загадок, — принялся язвить Маффео. Но когда над ними вдруг нависла громадная рыбовидная скала, увенчанная россыпью мощных валунов, даже насмешливого дядю Маффео охватило крайнее изумление.

Все тут же на эту загадочную скалу взобрались. Изумление еще возросло, когда путники увидели, что груда округлых валунов представляет собой вовсе не беспорядочную россыпь, а целую сеть неглубоких пещер, напоминающую гору черепов — или Стоглазую Голову из свитка великого хана.

— Быть может, мы наконец напали на след… и она спит где-то неподалеку? — спросил Никколо, возбужденно перебирая свои старые хрустальные четки, словно то были самоцветы. Про себя он так и решил: четки розовых рубинов для «Аве Марий» и бриллиантов для «Отче нашей». А цена — столько лет избавления от чистилища, сколько установит его святейшество…

Подойдя поближе к похожим на глаза пещерам, путники узрели нечто необычайное.

Ибо стены пещер сплошь были покрыты бесчисленными резными изображениями гневных и безмятежных Будд, а также всевозможных демонов и идолов. Глаза и конечности изящно вытянуты; во множестве рук зажаты загадочные орудия и символы; спокойные и яростные лица размалеваны яркими красками. Поразительное и увлекательное зрелище — хотя и нечистое духовно.

— Это древние пещеры для медитации, — объяснил ученый Ван. — Здесь монахи вырезали образы гневных и мирных сил в таких же клетках разума, а также культивировали внутреннее тепло, что греет без огня.

— Мой разум может умиротворить только одно, — проворчал дядя Маффео. Тепло того сердца, что под щитом с четырьмя скворцами на Палаццо ди Поло в Наисветлейшей Венеции.

А потом, когда путники вошли в просторную, украшенную броской резьбой пещеру, изумление их перешло все границы. Ибо там, под изображением сидящего в позе лотоса и улыбающегося Будды, сидел в позе лотоса и улыбался странствующий катайский рыцарь, порой именуемый Хэ Янем.

Хотя Поло и остальные члены отряда кутались в подбитые мехом халаты, Хэ Янь остался в той же тонкой хлопковой блузе, штанах до колен и пеньковых сандалиях, которые он носил и в жарких и влажных джунглях Чамбы. Должно быть, он как раз культивировал внутреннее тепло. Под руками у рыцаря лежала его верная ржавая алебарда. Увидев вошедших в пещеру людей, Хэ Янь, зевнув, изрек:

— Ну, наконец-то… я уже и ждать устал.

— Хэ Янь! Как ты здесь оказался? — воскликнул Марко.

— Разве я не обещал встретиться с вами в Тибете? И разве порядочный рыцарь не держит своих обещаний?

— Так ты шел один под муссонными ливнями? От самой Чамбы? — спросил Марко.

— Ха! Такая прогулка изорвала бы в клочья мои жалкие сандалии. А денег на новые у меня нет. Нет, не шел я один под дождем. Я ехал на жирном белом муле. Правда, его бока порядком исхудали, пока дожидались тут вас, ленивцев, — ответил Хэ Янь.

— Но как же ты раздобыл мула и еду, если у тебя не было денег? поинтересовался Маффео.

— Разве мои добрые господа не посланники великого хана? — с обиженной миной на скуластом лице спросил Хэ Янь. — Разве мои господа не носят при себе серебряную печать, способную обеспечить их конями и провизией на любой императорской почтовой станции?

— Все это так, — отозвался Маффео, — но тебе-то как удалось раздобыть мула? Надеюсь, ты его не украл?

— Не украл! — Рыцарь возбужденно хлопнул себя по колену. — Разве под силу обычному вору реквизировать и привести своим добрым господам в дикие горы Тибета целый табун коней — с запасом провизии в придачу?

— Это ты о чем? — спросил Никколо, нервно перебирая четки.

— Если благородные господа меня не понимают, пусть взглянут под этот рыбовидный холм с горой валунов, похожих на черепа…

Все Поло и ученый Ван вышли из пещеры и посмотрели вниз. Там оказался целый табун ухоженных и славно навьюченных коней (а среди них — одного белого мула), что стояли на привязи в низенькой рощице у хилого ручейка. Седельные вьюки ломились от продуктов. Животные нетерпеливо ржали и били копытами.

— Ну и как он, по-вашему, это проделал? — спросил Маффео.

— По-моему, лучше не спрашивать, — ответил Марко.

— Мудрец с благодарностью ест предложенный рис, — заметил ученый Ван. И ему вовсе не обязательно знать, где этот рис вырос.

Мудрая восточная поговорка расставила все по своим местам.

Сунь: Проникновение.
Беспрестанные ветры дуют сверху и снизу.
Травы никнут под легкими порывами.

Поло со своим отрядом, а также рыцарь, порой именуемый Хэ Янем, разбили на ночь лагерь под стоглазыми валунами, что составляли собой пещеры Гневной и Мирной Памяти. Все радовались новым припасам из седельных вьюков чужих коней и надежде на передышку для своих усталых натертых ног.

— Кони уже совсем застоялись… что же вас так задержало? — спросил Хэ Янь, потягивая рисовое вино, подогретое на хилом высокогорном костерке.

— Наш корабль захватили песьеголовые пираты, — объяснил Марко. — Мы спаслись на гребных шлюпках, но затем к нам подплыл морской дракон и стал спрашивать, где тебя найти. Когда мы отказались открыть твое местонахождение, морской дракон направил нас на остров, где местные духи снов околдовали людей и где плоскохвостые каннибалы похитили Си-шэнь.

— Си-шэнь? — переспросил рыцарь, сжимая алебарду.

— Да. Она сопровождала нас под видом немого пажа Оливера, и… — Пока Марко и Оливер негромко рассказывали о печальной судьбе Си-шэнь, Хэ Янь все крепче и крепче сжимал алебарду, пока костяшки пальцев совсем не побелели в неверном свете потрескивающего костерка.

— Так вы говорите, она нырнула в море, но тела ее не нашли? — спросил Хэ Янь. — И вы высадились на берег этого злосчастного острова только из привязанности ко мне? Сможет ли порядочный рыцарь спасти свою ничтожную репутацию, отплатив за подобное благодеяние?

— Но ты же ничего не знал… и потом, ты уже и так слишком многое для нас сделал, — возразил Марко.

— О Хэ Яне известно, что он пожелал умереть за господина, оказавшего ему почет, — напомнил странствующий рыцарь.

От хилого костерка остались лишь тлеющие угли, разговор превратился в сплошные зевки — и усталые путники стали устраиваться ко сну. Марко свернулся калачиком, накрывшись плащом на меху. И вдруг, в каком-то промежуточном состоянии меж сном и явью, услышал явственное шуршание. Полуоткрыв глаза, Марко увидел смутную тень, очерченную скудным светом звезд и горячей золы. То была крупная фигура мужчины с алебардой, который как раз совал себе в рукав нечто вроде сложенного листка бумаги.

По-прежнему оставаясь меж сном и явью, Марко видел, как скуластый мужчина приостановился; потом снова аккуратно достал из рукава белую бумажку — и развернул ее. Изогнутый листок начал расти — рос и рос, — пока не сделался размером с жирного белого мула. Тогда призрачная фигура с алебардой оседлала сияющее белизной животное. Не веря своим глазам, Марко крепко зажмурился. Когда же он снова открыл глаза, мужчина и мул уже исчезли.

«Приснилось, — решил Марко. — Наверное, я все-таки спал».

Пронизывающий горный ветер свистел у Марко в ушах — и крепкий сон никак не приходил. Но какие-то сновидные образы все же проплывали в голове. То и дело слышались негромкие слова кроткого скопца Вагана: «Кратко познанные радости забываются подобно смутным обрывкам снов…» Были то сновидения или полустертые воспоминания, что засоряли голову и мешали спокойно заснуть? Закутавшись в меховой плащ под пещерами Гневной и Мирной Памяти, надстроенными над рыбовидной скалой, Марко лежал — а ветры воспоминаний беспрестанно продували его сонный разум…

«Марко!» Теперь его позвал женский голос. Но чей? И тут же он вспомнил. Как же он мог забыть? Ведь это его больная матушка зовет его домой, отрывая от шумных забав на пропахших рыбой набережных Словенского канала. Вот она стоит у прогревшихся на солнце железных ворот Палаццо ди Поло там, под гербом с четырьмя скворцами, где небольшая

треугольная клумба розовых роз. Землю для этих клумб, удовлетворяя каприз его бабки, слуги специально наносили с Терра-Фирмы.

Но Марко не откликнулся на зов своей недужной матушки. Не хотел он домой, где все навевало скуку — где нужно будет опять долбить с отцом Павлом сухую латынь и греческий. Марко хотелось остаться там, под ярким солнечным светом… ведь его звала труппа бродячих актеров… приглашала посмотреть представление… манила радостными барабанами и флейтами… его звали кувыркающиеся клоуны и шуты в забавных масках и цветастых одеяниях… на представление… И Марко, с монеткой в потной ладошке, припустил вдоль грязных берегов — а дальше через выгнувшийся дугой каменный мост над Словенским каналом. Побежал, так ничего и не ответив матушке. Очень уж хотелось ему посмотреть представление…

Но все же ни один непослушный венецианский паренек и вообразить не мог того представления, что давалось по берегам Великого канала Хубилай-хана, когда Марко с недужным царевичем Чингином плыли на императорской барже из Ханбалыка в богатую южную провинцию Манзи. Сына Неба тогда как раз назначил Марко управителем канцелярии по сбору солевого налога в Янчжоу, а царевич искал случая избегнуть одра болезни, отправившись вместе с венецианцем в плавание по восстановленному Великому каналу. Заново углубленный канал был главной артерией для торговли Южной Манзи и Северного Катая, пересекаясь вдобавок в Янчжоу с текущей с запада на восток полноводной рекой Янцзыцзян. Чингин сидел на низенькой парчовой кушетке, поставленной прямо на палубу золоченой императорской баржи. Обратив бледное лицо с глубоко запавшими глазами, прикрытое от солнца белыми шелковыми зонтами, к водруженной на носу баржи голове дракона, царевич играл на своей заунывной трехструнной лютне. Временами он посматривал на разворачивающееся вдоль берега представление…

Великий канал был куда шире, глубже и длиннее любого канала Венеции. Мощная водная магистраль соединяла между собой множество рек и озер. Вдоль берегов бежали дороги — так что всевозможный транспорт двигался тут как по воде, так и по суше. Длинные вереницы сампанов перевозили зерно с рисовых полей на юге в засушливые столичные земли на севере. А черные угольные камни направлялись от желтых северо-западных песков в горячие южные печи. Плавучие дома с яркими горшечными садиками везли целые горы нежной капусты. Оборванные пешие крестьяне тащили свои товары в плетеных корзинах, свисающих с бамбуковых наплечных шестов. Расфуфыренные господа и их дамы с крошечными спеленатыми ножками наслаждались пирами, радостной музыкой и прочими увеселениями на прогулочных баржах с фениксами на носах. Длинные похоронные лодки перевозили плакальщиков в белых халатах, чьи унылые причитания словно повисали во влажном воздухе.

Марко и царевич, в переливающихся халатах летнего шелка, плыли мимо пропахших нечистотами деревушек и городских сторожевых пагод. Нанесли они царский визит и в восхитительный Сичжоу, чьи красоты особенно впечатлили Марко, ибо то был город узких каналов и дуговых каменных мостов — город, так напоминавший Венецию. За множество величественных особняков Сичжоу также называли «Земным городом». А неподалеку, у полноводного Западного озера, располагался Хансай, иначе называемый «Небесным городом». Хансай воистину был величайшим (не считая, разумеется, Наивеличайшей и Наисветлейшей Венеции) городом, какой Марко когда-либо доводилось видеть. Так венецианец и недужный царевич Чингин плыли по Великому каналу Хубилай-хана, наблюдая за происходящим на берегу фантастическим представлением…

Однажды, с печальным вздохом отложив свою лютню, Чингин сказал Марко:

— В такие волшебные дни я особенно сожалею о скором конце своей краткой жизни.

— В империи вашего отца множество разных лекарей, — возразил Марко. Великий хан еще далеко не исчерпал все их познания.

— Зато я уже исчерпался, — отозвался царевич. И продолжил грустную мелодию своей лютни, ибо музыкантом он и впрямь был незаурядным.

Но вдруг фигура принца заколыхалась, будто рябь на воде, — и превратилась в фигуру грустного скопца Вагана.

— Кратко познанные радости забываются подобно смутным обрывкам снов… — сказал скопец.

— Марко… Марко… домой!.. — позвал голос больной матушки.

— Нет, мама. Мне надо увидеть это странное представление… — ответил Марко.

Сновидные ветры воспоминаний продували и голову Никколо Поло, закутавшегося в заплесневелый меховой халат под пещерами Гневной и Мирной Памяти…

— Какой у вас здоровенький, пухленький сынишка, мессир Никколо, лучилась улыбкой не менее здоровенькая и пухленькая повивальная бабка за массивной деревянной дверью его спальни в Палаццо ди Поло. — Вам следует воздать благодарения благословенному Сан-Марко за то, что ваш ребенок и ваша жена — хоть она и слаба — в добром здравии.

— Я не просто воздам ему благодарения, — сказал Никколо. — Мальчик будет тезкой Сан-Марко, чьи мощи покоятся на высоком алтаре Священной Базилики нашей любимой республики Венеции.

И в лето Господне 1254-е мессир Никколо Поло, преуспевающий венецианский купец, отправился в базилику ди Сан-Марко воздать благодарения за благополучное рождение сына. Просачивающийся сквозь дымку солнечный свет поблескивал на водах Большого канала — и на мраморной мостовой громадной площади перед величественным куполом собора, что был выстроен в форме греческого креста, поддерживаемого сотнями мраморных колонн. Внутри базилики всегда царил призрачный сумрак — даже несмотря на поблескивание золотистых мозаик в византийском стиле на верху стен и сводчатом потолке, несмотря на мерцание богато украшенных самоцветами эмалей высокого алтаря, где покоились мощи Сан-Марко. Тишину нарушало только приглушенное эхо молитв. Мессир Никколо Поло присоединился к молящимся, перебирая свои хрустальные четки…

«Нитка жемчуга с лучших жемчужных плантаций, где Африканский океан смешивает свои пряные, как гвоздика, воды с пахнущими сандаловым деревом волнами Индусского моря. Соответственно оплодотворяя лучшим морским песком лучистые перламутровые раковины с мягчайшей плотью, куда до той поры не попадало ни песчинки. В те томные ночи под Южным Крестом, когда нежный моллюск ощущает радостное падение медленного-медленного дождя… Двойная нитка таких жемчужин, где каждая размером с молочный зуб невинной девочки, каких подводят к первому причастию. Сказанная нитка легко обматывается дважды вокруг спрятанной в кружевах шейки той самой девочки из Великих Фамилий, вписанных в Золотую Книгу.

Ценою же каждая нитка (с застежками наподобие крошечных акульих пастей из позолоченного серебра) в одного лучшего белого мула, пригодного для езды князя церкви на любые конклавы и в святые места…»

Но что это за четки? Это же совсем не те четки! Сияющие арки собора замерцали, заколыхались — и превратились в заросшие лишайником валуны его укрытия от гигантского барса, что беспрестанно расхаживал снаружи туда-сюда, туда-сюда. Рычал, шлепал огромными лапами — пока Никколо утешения ради читал свою самоцветную литанию…

«Винная чаша великого хана; по меньшей мере вдвое крупнее большого кубка дожей и из лучшего золота. Украшенная серебряной филигранью со вставленными в нее двумя десятками звездчатых сапфиров, каждый размером с глаз кефали (самой крупной, каких кардиналы любят отведать в Великий пост, — с приправой из чеснока, розмарина и фиг). Ценою же каждый из сказанных сапфиров в кольцо с большого пальца главного повара — из халцедона и гагата с тремя бриллиантами в честь Святой Троицы, а каждый из бриллиантов размером с зерно отборной пшеницы…»

Опять мерцание, колыхание — и каменная клетка, а с ней и гигантский барс, исчезла. Теперь было лето Господне 1270-е, и каштановые волосы мессира Никколо Поло уже тронула седина. Только-только они с младшим братом Маффео вернулись в Венецию из

первого триумфального путешествия в Катай, — вернулись поначалу лишь ради насмешливых приветствий кичливых венецианцев, скалившихся над их чужеземными отрепьями.

Но стоило им только разорвать свои одеяния по швам, стоило только высыпаться на землю целой груде самоцветов, как все насмешки тут же сменились уважительным изумлением. Все поняли, что братья Поло славно пожили при монгольском дворе. А вот болезненная супруга Никколо Поло пожила не очень славно, и радость возвращения домой обернулась скорбью, когда Никколо узнал о ее смерти. От их брака остался единственный сын, Марко, — тогда еще пятнадцатилетний подросток с каштановыми кудрями…

«Также: шестнадцать армилов, сработанные из наилучшего красного золота, инкрустированного розочками из яшмы и халцедона, усеянного бриллиантами размером с сустав среднего пальца только-только отнятого от груди младенца. Ценою же каждый армил: в доход меж праздником Крещения и днем святого Иоанна, считая за два года, от портового города, способного принимать суда не более шести футов осадкой…»

Воистину славное утешение находил мессир Никколо в самоцветах. Ибо свое состояние можно носить при себе — и, в отличие от волос или бороды, краски его не пропадут никогда…

Пронизывающие ветры воспоминаний свистели и в голове мессира Маффео Поло, седобородого брата Никколо и дяди Марко. Маффео также снилось то, в чем он находил наибольшее отдохновение, — еда. Снился ему свежевыпеченный пшеничный хлеб и нежнейшие голуби, поджаренные в растопленной деревянными поленьями печи Палаццо ди Поло; поданные, как полагается, с добрым красным вином и гарниром из изюма и диких грибов с ароматными восточными пряностями.

А ведь как раз дьявольский соблазн нажиться на этих проклятых пряностях и занес их в языческие земли! Но рис здесь по вкусу походил на песок, из пшеничной муки выпекали каких-то червей, а мясо поливали омерзительным черным соусом из соленых соевых бобов…

— Вы уже откушали? — приветствовал их во время путешествия по очередному повелению великого хана кланяющийся хозяин постоялого двора с улыбкой до ушей. — Надеюсь сегодня вечером порадовать вас молочным супом из козьего желудка. Поверьте, благородные господа, — мы его не каждый вечер готовим.

— Марон! Сегодня, стало быть, такая баранина! — проворчал Маффео, чувствуя, как по мере исчезновения снов о жареных голубях с хрустящей корочкой, горячем пшеничном хлебе и добром красном вине Терра-Фирмы к горлу его подступает тошнота…

Любезнейший хозяин постоялого двора, несколько растерявшись, сказал, что, если благородные господа пожелают, можно приготовить суп из овечьего рубца. Хотя многие благородные господа, несомненно, предпочли бы козий желудок.

— Что-то ты, братец, становишься больно разборчив, — заметил Никколо. А ведь совсем недавно ты с аппетитом сожрал бы своего собственного жареного пони!

Марко же напомнил дяде, что — не считая, быть может, сезона пахоты — и «там, дома», никто не стал бы воротить нос от козлятины. Суп они, впрочем, все-таки пропустили. Рубец порой бывал нежен, но порой так тверд, что зубы сломаешь.

Оживленная болтовня под висячим фонарем душной чайной резко оборвалась при входе иноземцев — и тут же возобновилась, причем еще оживленнее. Ибо в доброй компании катайцы вовсе не слыли людьми особо молчаливыми или сдержанными. Как, впрочем, и венецианцы.

В углу тихо стоял мальчуган с бритой головой и узлом на макушке. Для быстрейшего удовлетворения природных потребностей на штанах его сзади имелся вырез. Парнишка был почти незаметен — не считая тех мгновений, когда он делал шаг вперед и похлопывал ручонкой чайник, проверяя, достаточно ли он теплый. Если чайник остывал, мальчуган стремглав бросался на кухню за новым. А мессир Маффео Поло тем временем хмуро поедал песчаный рис, пшеничных червей и соленую требуху. Мечталось же ему о жареных голубях и свежевыпеченном пшеничном хлебе.

Придворному мудрецу ученому Вану, молодому татарскому рабу Петру, странствующему варягу Оливеру, крылатому сфинксу жарких пустынь, монгольским и татарским конникам — всем, всем им продували головы ветры воспоминаний. Путники спали под пещерами Гневной и Мирной Памяти, что увенчивали рыбовидную скалу, — и видели сны о своих языческих землях, кричали на своих языческих языках. Спокойного сна не удостоился ни один…

30

Сяо-го: Переразвитие малого.
Гром грохочет над облачными горами Запада.
Прародительница летящей птицы долее не поет.

Оставив далеко позади лесистую часть склона, отряд уже взбирался там, где не росло ничего, кроме сероватого лишайника, ковром устилавшего голые скалы. Путники взобрались выше облаков, клубившихся далеко внизу. Выше круживших под ними соколов и пустельг. Небо здесь было кобальтово-синее, а воздух предельно чист и сух. Губы путников запеклись, волосы потрескивали от разрядов крошечных молний. Не взобрались ли они уже и выше самого воздуха? Ибо, несмотря на отчаянные вдохи, их бешено колотящимся сердцам и раздувающимся легким мало было толку от разреженной атмосферы.

Кони тоже задыхались — били копытами и артачились. Без конца приходилось понукать их, тянуть все выше и выше. А потом послышались голоса. Поначалу — будто приглушенное рокотание грома на отдаленных ледяных пиках. Затем рокот превратился в гулкое эхо призывных голосов взывающих к Поло и их людям.

Один из монгольских конников — крепкий, бывалый воин — услышал топот копыт и призывные голоса товарищей. Окликая по имени, его призывали следовать по узкой боковой тропке в сторону от главной тропы — к осыпающемуся краю крутого ущелья. А там конь его, и без того одуревший от нехватки воздуха, оступился. Дико крича, конь и всадник рухнули в пропасть — и навек исчезли в клубящихся внизу облаках.

Другой татарский конник, помоложе, услышал стук копыт и барабанную дробь, хлопки в ладоши и хриплые выкрики большой разбойничьей банды. Ударившись в панику, он пустил коня во весь опор — бросился удирать по голым скалам. Удирал парень до тех пор, пока безнадежно не заблудился — и обратной дороги уже не нашел.

Марко и могучий северянин Оливер разом услышали голос Си-шэнь, жалобно взывающий к ним из мрачной пещеры.

— Си-шэнь! — воскликнули оба.

И нырнули в черный лабиринт, где наверняка затерялись бы навеки, не поспей за ними привычный к голосам дьяволов татарин Петр. Не отставая от них ни на шаг, он отчаянно кричал, что голос Си-шэнь иллюзорен, что не следует бросаться в эту зловещую черноту. Но Марко и Оливер к нему не прислушались. Тогда Петр схватил их за руки и потянул на ледяную землю. Один невысокий, но жилистый татарин против двух здоровых европейцев! Наконец, неравный борцовский поединок все же развеял чары, и двое уроженцев Запада, расстроенные и подавленные, покорно последовали за Петром прочь из мрачной пещеры.

Мессиры Никколо и Маффео Поло тоже разом услышали резкий голос странствующего рыцаря, порой именуемого Хэ Янем, вместе со своим белым мулом исчезнувшего в ту самую ночь, когда дули ветры воспоминаний. Рыцарь звал их из-за беспорядочной груды валунов невдалеке от тропы, уверяя, что нашел там богатейшие залежи муравьиного золота. Братья последовали настойчивым призывам Хэ Яня, ибо и вправду слышали, что муравьи собирают золото в горах Тибета. Но стоило им добраться до груды, как голос отдалился. Теперь он доносился от валуна, что лежал на почтительном расстоянии от тропы. Когда же соблазн муравьиного золота повлек Никколо и Маффео дальше, голос опять отдалился.

— Марон! — выдохнул Маффео, дергая себя за бороду и ошалело оглядываясь.

Наконец до Никколо дошло, что все это лишь обман. Тогда, выхватив поводья у растерянного брата, он повлек своих спутников обратно на главную тропу, отвлекаясь от призывного голоса при помощи столь часто повторяемой литании о своих обожаемых самоцветах: «…десяток отборных рубинов чистой воды, каждый размером с крабий глаз; ценою же сказанные рубины в вес и работу полного набора из двенадцати крестильных ложек…»

Только маленький сфинкс и ученый Ван спокойно ехали дальше в этом вихре колдовских голосов, что конечно же призывали и их. И не появилось ли несколько самодовольное выражение на будто бы выточенном из слоновой кости лице Ван Лин-гуаня? Не подумалось ли ученому, что теперь-то его варварским господам станет наконец ясна его правота?

Невозмутимо пряча руки в рукава своего подбитого мехом черного халата, ученый Ван в прежнем темпе ехал дальше по каменистой тропе — и иронически игнорировал назойливые голоса.

— Иллюзия, — со снисходительной улыбкой пробурчал он себе под нос. По-моему, я уже достаточно часто пытался заронить в их грубых умах мысль, что все это лишь иллюзия.

Но тут прямо на тропе появилось видение — и даже ученый Ван остановился, внимательно в него вглядываясь. Видение напоминало потрепанного мужчину с длинными волосами, ногтями и бородой, в лиственной накидке и соломенных сандалиях горного отшельника — хотя от высокогорного холода столь скудное одеяние защитить никак не могло. На чумазой физиономии застыло чудаковатое выражение. В одной тощей руке видение держало сучковатый посох, а в другой баюкало крупную трехлапую жабу.

— Хо! — выкрикнула странная фигура, испустив безумный смешок.

— Иллюзии, — пробормотал ученый Ван и с брезгливой гримасой отвернулся.

— Вот мы, досточтимый господин, снова и встретились, — сказала растрепанная иллюзия.

— Никогда я с тобой не встречался — даже в виде миража, — ответил ученый Ван. Любопытство его, впрочем, даже вопреки его воле, все возрастало — и ученый надменным, но внимательным взглядом рассматривал иллюзию.

— Неужели вы не помните ничтожного травника Хуа То? Того, который обучил вас ста двадцати способам медицинского применения благословенного цветка конопли и проводил к пещере феи Облачного Танца?

— Я действительно припоминаю того человека, но в таком случае ты принял неудачную личину, призрак. Одежда и манеры Хуа То соответствовали одежде и манерам благородного ученого, а не горного безумца, что баюкает жабу, будто ребенка, — ответил Ван Лин-гуань.

— Тогда я носил шелка ученого, теперь ношу листья отшельника. Все движется и меняется — и в то же время остается прежним.

Ученый Ван недоверчиво хмыкнул:

— Будь ты и впрямь странствующим лекарем Хуа То — чего я ни на секунду не допускаю, — что тебе тогда делать на этом безвоздушном склоне, где вдобавок полно призраков?

— Будь я и впрямь Хуа То — кем, собственно, и являюсь, — я искал бы здесь редкие горные грибы и черную каменную соль, что встречается только на этом высоком плато и обладает весьма необычными целебными свойствами.

— Верно, обладает, — согласился ученый Ван.

— И будь вы и впрямь добрым лекарем Хуа То, — вмешался Никколо, перебирая свои вторые по значимости янтарные четки, — хоть ученый Ван и настаивает, что вы всего лишь призрак… да и кто, впрочем, может судить с уверенностью в столь необыкновенном месте? Так вот. Будь вы и впрямь Хуа То, вы наверняка смогли бы провести нас через всю эту армию иллюзий — как однажды уже проводили нас к пещере госпожи феи за вознаграждение в виде полной рисовой чашки.

— Мою рисовую чашку теперь наполняют земля и облака, — ответил отшельник. — Но будь я и впрямь ничтожным лекарем Хуа То — каковым, собственно, и являюсь, — я, безусловно, смог бы еще раз проводить моих благородных господ.

— А как бы досточтимый Хуа То нас проводил… если бы и впрямь здесь присутствовал? — спросил Марко.

— Если бы ничтожнейший Хуа То и впрямь здесь присутствовал, чтобы сопровождать вас — как оно на самом деле и есть, — он позвонил бы в свой хрустальный колокольчик, что разгоняет голоса иллюзий. Затем он провел бы вас через эти мрачные горы. Разумеется, будь он со своей жабой и впрямь реален — как оно, опять-таки, на самом деле и есть.

— Марон! — возопил Маффео. — От всех этих намеков и иллюзий у меня уже голова раскалывается! Мне без разницы, реален этот призрак или нет! Если он со своим колокольчиком может вывести нас из этого проклятого места, тогда пусть действует!

— Если он только не какой-нибудь новый демон — и не выведет нас прямиком в ад, — пробормотал Оливер.

— Ну вот, теперь варварские господа еще и просят иллюзию быть им проводником, — со смиренным вздохом произнес ученый Ван.

Добившись более-менее общего согласия следовать за более-менее реальным отшельником, путники позволили хрустальной песне его колокольчика одолеть голоса духов, а ему самому повести их через мрачные горы.

«Любопытно, — размышлял Марко, пока отряд взбирался все выше и выше вслед за звонким треньканьем колокольчика, — любопытно, а не могут ли редкие грибы и черная каменная соль этого странного целителя вылечить и подагру?» Ибо великого хана частенько тревожили боли в распухших ногах и он щедро вознаградил бы того, кто принес бы ему исцеление.

Марко хорошо помнил, как его суровый отец обратился однажды к Сыну Неба в неофициальном приемном зале Ханбалыка:

— Нам, о повелитель, посчастливилось найти в нашей жалкой библиотеке один замечательный византийский манускрипт. Сейчас я его переведу. «Соль святого Григория; делается сказанная соль из нарда, нашатыря, петрушки, перца и имбиря. Сие есть, как утверждается, превосходное средство от облысения, расстройства селезенки, излишне обильного слезотечения, кашля, каким заходятся в полночь, и… — На лице великого хана уже появилась кислая мина от перечисления недугов, свойственных людям много, много старше его, но мессир Никколо на триумфальной ноте закончил: — …и подагры!»

— И подагры! Ага, значит, и подагры! — обрадовался хан ханов. — А какой именно нард — поменьше или побольше? Какой перец — длинный черный, зеленый или белый? А нашатырь следует получить из верблюжьего навоза или… Где главные аптекари? Ты, По-ло, обязательно все им переведи. Они перепробуют все варианты, а когда найдут нужное сочетание, немедленно доставят его мне… мне! Эх, если бы мне сесть в седло, я бы сразу отправился в провинцию вокруг Да-тона у западной границы. Самолично бы выяснил, почему урожай проса там намного меньше, чем в прошлом году. Ведь это безобразие! И последствия могут быть самыми тяжкими. Если налог там выплачивают в просе, то как смогут платить больше налога, если стало меньше проса? Что мне брать у них в качестве налога? Желтую грязь, из которой там лепят хижины? Это падение урожая вполне может вызвать перебои в починке дорог… — И Хубилай дал Никколо знак подняться с блестящего мраморного пола в неофициальном приемном зале.

Потом великий хан еще раз махнул рукой и испустил хриплый смешок, от чего жемчужные подвески его повседневной золотой короны закачались.

— Ну хватит! Закончишь ты наконец с этими смехотворными поклонами? А то еще лоб разобьешь — как нам тогда составить лекарство от подагры? Скажи-ка мне вот что, Поло. Этот твой святой Гулег-али — он один из тех добрых святых духов, что обитают на небесах? Да? Верно? Еще бы! Я знаю! Вот видишь — я знаю! Бесполезно скрывать что-то от Сына Неба. Никто, впрочем, и не осмелится. Мастер ритуалов, можешь приблизиться. Только

поскорее. Можешь опустить шесть из шестнадцати положенных поклонов. Но не больше — а то в головах зародится крамола. И не меньше — иначе мы тут всю ночь проторчим.

Мастер ритуалов понемногу подполз к подножию неофициального трона (на сооружение которого ушел целый лесок черного дерева и кедра). Наконец мастер ритуалов выполнил последний поклон.

— Слушай внимательно, — сказал великий хан. — Иноземному духу Гулег-а-ли долженствует присвоить ранг Облачного Бога второго разряда. Подготовь подобающие приношения. Теперь иди.

Мастер ритуалов удалился. Словно его там и не было.

— Подагра, — пробормотал Хубилай-хан. — Просо. Когда нет проса, неизбежен голод. Налоги… голод… война… — Бормотание постепенно перешло в низкое неразборчивое урчание.

Марко подумал, что доведись великому хану жить в христианской стране, то (не имея характера Будды Шакьямуни) вряд ли стал бы он великим святым для Господа нашего.

Свечи, толщиной с руку крепкого мужчины, заколебались под залетевшим в зал ветерком ранней зимы. А где-то далеко, много западнее желтых просяных полей Да-тона, ветерок этот был диким ветром из Гоби. При одной мысли о тамошних ветрах Марко передернулся.

Хотя придворные аптекари перепробовали все возможные сочетания для «соли святого Григория», хотя недавно назначенному Облачному Богу второго разряда были сделаны соответствующие приношения, средства от подагры для великого хана так и не нашлось. Ни средства от подагры, ни от приближающейся слабости и старости. Так что поиски продолжались. Продолжались и продолжались. Карабкаясь вслед за поющим колокольчиком по зловещим горам, Марко прочитал про себя краткую, но предельно искреннюю молитву святому Григорию.

31

Сяо-чу: Воспитание малым.
Ветер несет по небу плотные тучи.
Но нет дождя на западных окраинах.

— Ты о чем-то крепко задумался, мой сын, — негромко заметил Никколо.

Марко кивнул:

— Да, отец, множество воспоминаний. Никак не могу избавиться от мыслей об одной строчке из свитка великого хана. «Отведай моря там, где нет моря…»

Никколо наклонил голову. Длинное лицо его сделалось еще задумчивее обычного.

— Тут есть какая-то связь с теми мыслями, что посещали меня, когда я прятался под грудой валунов от гигантского барса. О чем же я тогда подумал? О чем? Пусть все немного помолчат.

Марко жестом призвал спутников к тишине. Все умолкли. Отец его долго размышлял и прикидывал. Прикидывал и размышлял. Затем откашлялся и потеребил свои лучшие нефритовые четки. Наконец, кивнул.

— Нет, никак не припомню, — сказал он. — Но припомню. Обязательно…

Теперь уже казалось, что они бредут здесь сутками… неделями… месяцами… Сколько они уже следуют за хрустальным звоном колокольчика странствующего травника Хуа То по безлюдным и однообразным горным перевалам, именуемым Такой-Ла или Этакий-Ла? Сколько уже эти сухие пронизывающие ветра воют у них в ушах и задувают в ноздри мельчайшие песчинки? День — или год — их кони топали под пыльными горными ветрами — а отец Марко все напрягал свою память.

Но вот ветры стихли. Один за другим люди начали отнимать от лиц одежду, которой прикрывались от пыли. Дядя Маффео несколько раз яростно чихнул, а потом разразился

очередной тирадой.

— Марон! Вот бы выдуть эту проклятую пыль из глаз было так же легко, как из ноздрей, — прорычал он. — Или пусть бы песчинки у меня в глазах сделались жемчужинами — в возмещение всех неудобств!

Послышалось несколько негромких смешков, к которым присоединился и старший брат Маффео. Затем Никколо вдруг вскинул голову.

«Сотня и еще десяток отборных коричневых жемчужин в полном блеске — с архипелага Киноцефалов, или Песьеголовых, каждая размером с набухший сосок дородной кормилицы…» Отрывок из столь часто повторяемого перечня самоцветов, который Никколо успокоения ради цитировал, прячась под грудой валунов от гигантского барса.

— Жемчужины!

Все подняли головы и посмотрели на Никколо.

— Жемчужины! Жемчужины! Вот о чем речь! В свитке великого хана сказано: «Отведай моря там, где нет моря…» А откуда берутся жемчужины? Они берутся из раковин, оплодотворяемых свежей дождевой водой! Так? Дожди их оплодотворяют! А где? Где? В море! Так?

Марко задумчиво нахмурился. Затем быстро перевел спутникам слова своего отца. Никто, похоже, ничего не понял. Кроме, разумеется, ученого Вана, который немедленно возразил:

— О нет, старший господин Никколо. Вовсе не так. Жемчужин в устрицах порождают вовсе не дождевые капли, а вспышки молнии. Свидетельство тому наши катайские рисунки и гравюры, где изображаются небесный дракон и небесный жемчуг…

Но Никколо лишь досадливо махнул рукой на достоверные данные восточной науки.

— Неважно! Ведь жемчужины происходят из моря. Так, сын мой Марко? А, брат Маффео?

Марко кивнул. С неохотой. Что сказал? Ничего не сказал.

Кивнул и дядя Маффео. Потом немного пожевал свою седую бороду и ответил:

— Из моря? Ну да, из моря. Жемчужины? А почему жемчужины? Почему, скажем, не янтарь? Или не амбра? А почему, скажем, не раковины каури? Те, которыми пользуются вместо серебра или золота — или вместо этих забавных денег великого хана. Жемчуг, янтарь, амбра, каури — все это происходит из моря. Ну и что? Здесь-то нет никакого моря… — И, словно в подтверждение, Маффео развел загорелыми руками.

— Лично я не вижу никакого моря. Не вижу ни каури, ни янтаря. И жемчужин. Ты что, намерен искать их… — Тут голос изменил Маффео. Он обвел руками окрестности, а запекшиеся губы лишь изобразили последнее слово: — …здесь?

Вокруг же высились сухие и безжизненные скалы.

Прошли еще сутки… неделя… месяц… а путники все следовали за звоном хрустального колокольчика по горным тропам.

— А как насчет соли? — спросил наконец Марко.

— Что насчет соли? — устало осведомился его отец.

— Разве соль не имеет вкус моря? И разве травник Хуа То не сказал, что в этих краях есть горы черной соли?

— Соль… жемчужины… Устал я от этой игры в догадки, — сказал Никколо, перебирая свои нефритовые четки. — Что нам теперь — вечно бродить по этому безлюдью, пытаясь решить загадку проклятого свитка? Пока наша одежда не станет лохмотьями, а мозги не обратятся в пыль?

— Спрошу-ка я у травника насчет этих соленых гор. Может статься, они и дадут нам ответ — или хотя бы лекарство от подагры для великого хана, решил Марко. И погнал запыхавшегося коня вперед, оставляя отца устало перебирать свои четки.

— Загадку? — спросил сфинкс, высовывая голову из переметной сумы. Кто-то хочет поиграть в загадки?

— В моей ничтожной фармации, о младший господин, есть более двух тысяч

лекарств, — ответил Хуа То на вопрос Марко. — Среди них — и сильнодействующая черная соль, найти которую можно лишь в скалах этих западных гор, где мы оказались. Будь я и впрямь здесь, я отбил бы кусочек черной каменной соли — к примеру, вон там — и дал вам попробовать…

Марко кинул кусочек себе в рот. Точно! Вкус моря!

— «Отведай моря там, где нет моря»! — вскричал он. — Вот и решилась одна из загадок свитка великого хана! Наконец-то мы на верном пути!

— Одна из загадок… хочешь поиграть в загадки? — снова подал голос сфинкс, на сей раз целиком выскакивая из переметной сумы. Золотистое тельце его заметно дрожало.

— В самом деле, прелестный сфинкс, загадай-ка ты мне загадку, снисходительно усмехнулся Марко, ероша нежный пух на голове маленького создания.

— Скажи, отчего дрожит сфинкс из дремотно-жарких пустынь?

— Ну… от холода, наверное, — ответил Марко.

— Холод уже не первый день меня кусает, — пожаловался сфинкс. — А дрожать я начал только сейчас.

— Быть может, ты дрожишь от волнения? Оттого, что решилась загадка свитка про вкус моря? Нет? Ну, тогда это очень хитрая загадка… Пожалуйста, милый сфинкс, скажи мне ответ.

— Ответ лежит здесь, в твоей переметной суме, — сказал сфинкс. — При одном упоминании о горах черной соли этот любопытный ковер, что до той поры служил мне уютным гнездышком, вдруг свернулся, будто живая кобра, — и оставил меня дрожать от лютого холода!

— Прости, о гордый сфинкс, но ты должен был сразу мне сообщить! вскричал Марко.

— Сфинксы ничего не сообщают. Они спрашивают.

Марко заглянул в переметную суму и убедился, что сфинкс не сочиняет. Вот красновато-золотистый тибетский ковер, на котором те же рунные символы «шипа», что и на амулете Оливера, а также на загадочном свитке великого хана. Прежде он защищал сфинкса от ледяных ветров, а теперь свернут и напряжен, будто готовая к броску змея. И стоило Марко отвести в сторону верхний клапан переметной сумы, как ковер вдруг метнулся вверх — в разреженный воздух.

Там он лениво развернулся и поплыл над головами у путников подобно громадной бабочке, которой снится, что она сделалась потертым красноватым ковром. Или это ковру снилось, что он стал бабочкой?

— Мои дьяволы подсказывают мне, что мы уже почти у цели, — заметил татарин Петр.

Онемев от изумления, все следили, как порхающий в воздухе ковер неторопливо скользит вперед. Наконец он привел их к скользкой, едва заметной боковой тропке, что круто шла вниз по узкому каменному ущелью — к зеленеющей далеко внизу долине.

Отряд принялся спускаться в потаенную долину, и с каждым шагом воздух становился все более влажным и густым. Голые скалы высокогорных троп стали покрываться зеленоватыми бархатными мхами. На самом дне долины весело журчал ручей, по берегам которого росли плакучие ивы и абрикосовые деревья, сохранившие остатки прошлого урожая. Здесь путники помедлили досыта напились свежей воды и наелись кисловатых абрикосов, разделив свою трапезу со щебечущей стайкой желтых пташек. Но плывущий по воздуху ковер, неустанно порхая на легком ветерке, не желал дожидаться людей — и тянул их все дальше по извилистому ущелью.

— Много лет бродил я по этим горам — а тут никогда не бывал, — заметил оборванный травник Хуа То, чавкая сморщенным абрикосом и удивленно оглядывая изобильную долину. А трехлапая жаба тем временем, выпрыгнув у него из рук, радостно зашустрила по влажным мхам в поисках лакомых личинок.

Потом все вдруг остановились, принялись глазеть и тыкать пальцами. И немудрено. На выступе скалы в самом устье узкого ущелья высился волшебный белокаменный замок в форме колокола с длинным шпилем, окруженный плотными зарослями ежевики. На мощных

крепостных валах величественного замка реяли выцветшие красновато-золотистые знамена — и на каждом красовался рунный символ ковра, амулета и свитка!

А рунный ковер полетел еще быстрее — стремясь скорее попасть домой.

32

Сун: Тяжба.
Небеса и пучина — каждый сам по себе.
Триста дворов отступают пред могучими недругами.

Сжимая в руке свой серебряный крестик, чтобы отвадить незримое зло, Марко с победным криком пустил коня вскачь. Вперед — вслед за плывущим рунным ковром, а остальные держались у него на хвосте!

По мере приближения к белокаменной ступе-крепости Марко все сильнее поражали ее колоссальные размеры. Окружавшие ее стены вырастали прямо из скалистого мыса в устье долины — и скрывались под густым сплетением ежевики и колючей лозы. Крепостные валы с развевающимися на ветру красновато-золотистыми рунными знаменами возвышались над всем ущельем. Увитые лозой фасады куполообразного строения были пусты, лишены окон если не считать рядов узких бойниц, где могли располагаться вооруженные воины. Громадные стропила, сплошь покрытые резьбой и красочными рисунками, поддерживали загнутые кверху свесы крыш над верандами и коньки в виде летящих фениксов. Охряная черепица сияла под ярким горным солнцем, а шпиль с золотым кончиком, казалось, воткнут прямо в кобальтовое небо.

Уже почти под самыми уходящими ввысь стенами крепости к стуку конских копыт стало примешиваться какое-то гудение. Привязав коней в ивовой рощице у быстрого ручья, дальше путники двинулись пешком. Тут-то Марко и понял, что замок на вид совсем заброшен и лишен обитателей — если не считать множества жужжащих шершней, чьи гнезда из высохшей грязи облепили чуть ли не все полуразрушенное строение.

Вблизи замок уже не казался тем сияющим дворцом, каким виделся издали. Белые стены осыпались, рунные знамена висели лохмотьями, а охряная черепица крыш над верандами так растрескалась, что крыши эти сильно смахивали на рот с обломками зубов. Плотная занавесь ежевики разрослась столь буйно, что пролезла буквально повсюду, угрожая длинными шипами, сразу напоминавшими о рунном знаке на ковре, знаменах и свитке. Буйная ежевичная лоза покрывала осыпающиеся стены, ворота и крепостные валы, свисала из узких бойниц и с гнилых стропил под заплесневелыми свесами крыш. А вокруг ступы-крепости, подобно гудящему черному облаку, роились крупные смертоносные насекомые.

Марко осмотрел полный ила и тины старый карповый пруд рядом с увитыми лозой воротами и не на шутку задумался, как же им войти в крепость. Может этот заброшенный замок быть уютным пристанищем Спящей Красавицы — или они проделали столь трудный путь по ложному маршруту?

Но тут из крепости вдруг послышался грохот огромных барабанов и басовое подвывание длинных тибетских горнов. А потом из каждой узкой бойницы на путников уставились хмурые глаза. Присмотревшись повнимательнее, Марко понял, что глаза эти сверкают из-под бритых макушек и бровей одетых в темно-бордовые халаты монахинь какой-то колдовской секты. Трое Поло и ученый Ван приветствовали монахинь низкими поклонами — но идолопоклонницы не ответили.

Вместо ответных поклонов раздался такой грохот цимбал, что сотряслась, казалось, вся долина, а монахини подняли мощные луки. Монголы и татары бросились к своим коням за оружием, но не успели они вставить стрелы, как из замка посыпался целый град ярко раскрашенных деревянных снарядов в форме летящих фениксов — причем из каждого оперенного хвоста валил зеленоватый дым.

— Марон! — выругался Маффео. Никколо же тем временем перебирал свои четки.

Затянув какую-то нудную и распевную сутру, воинственные монахини продолжали осыпать оторопевших людей градом деревянных фениксов. Но снаряды не взрывались подобно начиненным громовым порошком. Лишь мягко приземлялись на мшистое дно долины — и наводили там густой зеленоватый туман.

Монголы и татары выпустили, наконец, первые стрелы — но те, резко взмыв вверх, дали недолет. Тогда люди принялись яростно топтать фениксов тяжелыми войлочными башмаками. Дым повалил еще сильнее, а к зеленоватому его цвету стал примешиваться лиловый оттенок. Один за другим люди начали шататься, словно от тяжелых ударов, и падать на землю, забываясь глубоким сном.

Марко и Петр пытались избежать летучей отравы, но не сумели спастись от долинных ветров, что разносили клубы приторно-сладкого дыма — вились вокруг них… вились… вились… Рокот барабанов и вой горнов, победные распевы монахинь и снотворный зеленый туман — все это мешалось в одно, пока Марко и Петр, наконец, не рухнули на сырую землю в полном сновидений беспамятстве.

«Великий хан… порой — гений, лишенный страстей; порой же — едва ли не испорченный ребенок…» Кто это сказал? Да сам Марко и сказал. Сказал, адресуясь к отцу и дяде после неофициальной аудиенции Сына Неба у раскисшего берега карпового пруда Великого Уединения в Ханбалыке, зимней цитадели хана ханов. Незадолго перед отбытием на ежегодную весеннюю охоту.

Великий хан: мудрый и справедливый. Милостивый и жестокий. Щедрый и жадный.

— Я — Сын Неба и, подобно небу, неподсуден, — заявил хан ханов одним пыльным и ветреным мартовским днем, когда они направлялись на ежегодную охотничью вылазку к югу от столицы.

Великий хан никогда не путешествовал налегке. Нет — не иначе как с любимыми сыновьями, с наложницами и приближенными чиновниками, со множеством лекарей и астрологов, пускателей бумажных змеев, поваров и слуг. Все размещались в роскошных куполообразных юртах, подбитых толстым войлоком, тигровыми шкурами и собольим мехом, увенчанных развевающимися на ветру знаменами с солнцем и луной.

Более десяти тысяч лесников и сокольничих в алых с синим ливреях сопровождали императорский кортеж — так, что вся колонна растягивалась на целый день пути. Лесники вели с собой охотничьих мастиффов и дрессированных львов, а также пятнистых, похожих на леопардов, охотничьих зверей, которые на самом деле леопардами не были. При сокольничих же находилось пять тысяч соколов и орлов, кречетов и сапсанов. Вся эта звериная рать и призвана была обеспечить грандиозное развлечение великого хана.

Сам хан ханов ехал в водруженном на спины четырех татуированных слонов затейливом деревянном шатре, обтянутом переливчатыми шелками и мягчайшими львиными шкурами. Подобный вид транспорта Хубилаю приходилось выбирать из-за своей подагры. Там же, заодно с лучшими соколами, ехали и его приближенные. А в тот раз и Марко позволено было присоединиться к императорскому кортежу…

— Все больше утомляют меня эти переезды из города в лагерь, из лагеря в другой город и так далее, — пожаловался великий хан. — Разве не сказано в «Аналектах», что после сорока человеку должно обосноваться в каком-то одном месте? А ведь мне скоро сорок. — И Хубилай обратил на Марко узкие карие глаза.

На всем Востоке — от Византии до Чипангу — человека, ответившего бы на подобное заявление «простите, но Вашему Величеству уже никогда не стукнет и пятьдесят», — такого человека сочли бы не просто болваном, а буйнопомешанным.

— О да, мой повелитель, истинная правда, — с безмолвным вздохом согласился Марко.

И продолжил возиться со сломанными перьями на крыле любимого белого сокола Хубилая, которые он восстанавливал при помощи продетой в особую иглу белой шелковой нити. Двойная тупоконечная игла эта носила на себе следы игрушечного по размеру молоточка, каким ее выковали. Марко усердно старался восстановить перья, не причиняя

вреда самому крылу…

Но почему недолеченный сокол вдруг взлетел… и летает, летает… парит, будто ожившая переливчатая птица из белого нефрита? И почему сокол вдруг превратился в громадного буровато-золотистого карпа с рунным знаком «шипа» на облепленных тиной плавниках… и плывет, плывет по воздуху… а на спине у него — татарин Петр?

— Ключ у рыбы, — рассмеялся Петр, пролетая мимо на рунном карпе.

И тут Марко внезапно очнулся.

Голова у мессира Марко Поло буквально разламывалась на куски. Боль пульсировала в висках подобно отзвуку громадного тибетского барабана. Оглядевшись, он понял, что все остальные еще храпят, лежа на земле в глубокой дреме. Похоже, он, попытавшись убежать от снотворных фениксов, вдохнул меньше зеленых паров. Но хоть Марко и очнулся раньше других, порядок у него в голове никак не налаживался.

Раздавленные башмаками фениксы валялись повсюду, давно выпустив все свои пары. Бритые головы и безбровые сверкающие глаза воинственных монахинь исчезли из бойниц, и зловещая их музыка больше не звучала. Над высокими горными пиками спокойно плыл красный шарик солнца. На дне потаенной долины царили мир и тишина.

Марко наконец понял, что все это время спал, — и попытался воскресить в своем затуманенном разуме обрывки сна. Что-то про великого хана и дымящихся фениксов… или то были белые соколы? Или карп? Точно! Великий хан ехал на дымящемся карпе… или там ехал Петр? Ага, все проясняется! Петр летел верхом на карпе и кричал: «Ключ у рыбы!» Но у какой рыбы… и что за ключ? Тут Марко перевел взгляд на Петра и заметил, что юный татарский раб, что-то невнятно бормоча, тоже начинает очухиваться. Ясно было, однако, что туман в голове у татарина так сразу не рассеется. Потом Марко вспомнил затянутый тиной карповый пруд пред увитыми ежевикой воротами полуразрушенного замка. Могла тут быть какая-то связь?

Дотащившись до пруда, Марко стал вглядываться в зеленую склизкую тину. Неужели в столь затхлой воде еще могут водиться рыбы? Марко вынул из кармана кусок ячменной лепешки и бросил его в темные глубины — словно зазывая лакомым блюдом того почтенного карпа из пруда Великого Уединения в Ханбалыке.

Вода тотчас забурлила и вспенилась, а липкие зеленые водоросли вмиг разметало по сторонам. Наконец, из глубины возникла голова здоровенной рыбины, вся в крапинках тины.

— Зачем разбудил?.. — прошептал древний буровато-золотистый карп, поблескивая мощными жабрами.

— Я… мне нужен ключ, — ответил Марко, глядя прямо в бездонные глаза огромной рыбины.

— Так ты ради ключа меня разбудил? — прошептал блестящий буровато-золотистый карп, на плавниках которого виднелся рунный знак «шипа».

— Прости меня, почтенный карп, но я подумал, он у тебя…

— Если хочешь ключ, следуй за мной, — ответил древний карп и снова нырнул в мрачную пучину.

Импульсивно бросившись в холодную жижу, Марко ухватился за широкий, виляющий хвост карпа. Мощная рыбина легко потянула его вниз… вниз… вниз… Но тут к осыпающемуся берегу пруда как раз подбежал татарин Петр.

— Господин Марко! Господин Марко! — кричал молодой слуга.

Потом Марко услышал шумный всплеск и почувствовал, как худые руки Петра ухватили его за лодыжки. Рыбина тянула обоих мужчин вниз… вниз… по мрачному водному туннелю. В груди у Марко запылало пламя, а в глазах засверкали искры. Он больше не мог сдерживать дыхание… нет! Нет! Надо вдохнуть! Вдохнуть! Скорее вдохнуть!

Открыв рот, Марко уже готов был втянуть в себя тухлую, смертоносную влагу. Но тут загадочный карп вдруг выскочил из мрачного туннеля в ярко-зеленую воду и устремился наверх — туда, к залитой солнцем поверхности. Долго Марко и Петру пришлось выплевывать затхлую воду пополам с горькими водорослями — и втягивать в горящие

легкие роскошный, прохладный горный воздух.

Наконец, оглядевшись, они выяснили, что плавают на поверхности большого пруда с нежно-розовыми лотосами — в стенах заколдованного замка!

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. СОН СПЯЩЕЙ КРАСАВИЦЫ КРЕПОК

33

Чжун-фу: Внутренняя правда.
Ласковый ветер дует над болотом.
Даже ничтожному вепрю — брод через великую реку.

Со все нарастающим изумлением Марко и Петр оглядывали просторный двор заколдованного куполообразного замка. Внутри обросшего колючками кольца стен не было даже намека на распад, столь бросающийся в глаза снаружи. Мощные белокаменные стены и сияющие крепостные валы были крепки и свободны от ежевики. На прочных балках веранд и бойниц виднелись искусно вырезанные багряные с золотом языческие знаки. Идеально ровные ряды охряной черепицы крыш весело поблескивали под ярким горным солнцем.

Но — никаких признаков жизни. В бойницах — никаких бритоголовых монахинь. Из пруда не высовывает голову ни один голодный карп. Только рои шершней остались на месте — именно что остались на месте. Парили, будто подвешенные в воздухе. Будто время остановилось. Тут Марко и Петр поняли, что в этом зловещем месте время и впрямь остановилось. По кобальтовому небу не плыло ни одного облака. В лица не задувал даже малейший ветерок. Ни жизни. Ни роста. Ни движения.

Взобравшись по крутой и узкой каменной лестнице из дворика на нижние крепостные валы, Марко и Петр заглянули по ту сторону стены. Снаружи кольца застывшего времени все жило и двигалось. Шершни жужжали, колючая лоза ползла по осыпающимся стенам, а облака, гонимые ветром, неслись по небосклону. Люди уже поднимались из забытья — терли глаза и что-то кричали товарищам. Старшие Поло вовсю дозывались Марко и Петра.

— Интересно, слышат они нас или нет, — сказал Марко. Потом сложил руки у рта и проревел: — Отец… дядя!.. — Отклика не последовало. — Похоже, они нас не слышат… Но если мы выйдем наружу, чтобы привлечь их внимание, то как потом попадем обратно?

— Видели же мы воинственных монахинь, — заметил Петр. — И слышали, кстати. Я, конечно, не знаю, существовали они на самом деле или то была одна из иллюзий ученого Вана, — но мы их видели. И они запускали снаряды по ту сторону стен… Быть может, и нам стоит что-нибудь туда бросить чтобы нас увидели?

— Но что нам бросить… и куда?..

Тут к самой стене своей размашистой походкой как раз подошел Оливер. Сверху высокий и мощный северянин с исчерченной боевыми шрамами багровой кожей и густой бородой казался особенно непохож на окликавших его желтокожих и коренастых монголов и татар. Чисто по наитию Марко подобрал камушек и бросил его через стену — точно в лоб Оливеру.

Хмурый варяг поднял изумленный взгляд и машинально сунул руку под истрепанную рубашку — к спасительному рунному амулету, что висел на его мощной шее. А Марко вдруг взбеленился, будто венецианский торговец рыбой в знойный летний полдень. Отчаянно размахивая руками и подпрыгивая, он принялся вопить:

— Амулет! Амулет, Оливер! Прочти заклинание на амулете!

Прикрыв от солнца свои неправдоподобно голубые глаза, Оливер оглядывал крепостные валы в поисках нападавшего. И вот, наконец, лицо его медленно расплылось в улыбке — он явно увидел Марко, размахивающего руками подобно взбесившейся кукле на уличной ярмарке. Затем северянин безнадежно развел руками и указал на разделявшие их

колючие стены.

— Прочти заклинание на амулете! — снова завопил Марко, ткнул пальцем себе в грудь, а потом сунул руку под свою кожаную куртку и вытащил оттуда серебряный нательный крест. Так он тыкал пальцем и жестикулировал — пока до Оливера наконец не дошло. Медленно кивнув, северянин вытащил из-под медвежьей шкуры свой амулет.

— Теперь прочти его! Прочти! — проревел Марко. Еще несколько энергичных жестов — а потом Марко и Петр наконец услышали, как сквозь мертвую тишину замершего времени просачивается гулкий бас Оливера.

— Фея, Всадник, Лед, Шип.

Древность, Разбойник, Язва, Норна.

Год, Солнце, Град, Бык.

Муж, Озеро, Розга, Руно.

Шип, Норна; Норна, Шип…

— Разбей заклятье — и жизнь поспешит! — в приливе какого-то дьявольского вдохновения добавил Петр.

Для Марко оставалось загадкой, каким образом эти языческие рунные знаки с дальнего ледяного Севера возымеют власть и над демоническими силами уединенных гор Тибета. Но отчего-то он чувствовал, что так оно и окажется. Ибо разве заклинания не всеобщи — и разве не черпают они свою силу у Всемогущего, чей язык несравним с пустой болтовней простых смертных? Так Марко подумал. Так оно на самом деле и оказалось…

Только Оливер закончил читать со своего амулета рунное заклинание, послышался как бы рокот отдаленного грома — и колючая лоза на высоких деревянных воротах замка разошлась по сторонам. Распахнуть ворота и пройти во двор оказалось для гиганта Оливера и других членов отряда не слишком сложной задачей. Марко и Петр бросились вниз по каменной лестнице поприветствовать товарищей, которые изумленно крутили головами, обозревая поразительную картину застывшего времени.

Ничто не двигалось. И все молчали. А потом в ворота торжественно проплыл выцветший рунный ковер — и направился дальше, к украшенному превосходной резьбой величественному порталу замка. Сфинкс, грациозно взмыв вверх, последовал за ковром. Остальные незваные гости, по-прежнему молча, двинулись за сфинксом.

Вскоре все оказались в просторном зале, где словно бы ниоткуда лился неяркий и таинственный зеленый свет. Зал этот почти целиком заполняли ряды громадных идолов в самых причудливых позах. Все идолы вырезаны были из прозрачного зеленого нефрита и усеяны сверкающими изумрудами, от вида которых глаза мессира Никколо полезли на лоб. Пол, стены и потолок устилал зеленый как листва мрамор. Путники изумленно оглядывали зеленеющий зал.

Впрочем, времени медлить не было, ибо ковер сразу же поплыл вверх по лестнице, выложенной зеленой яшмой, — ко второму ярусу ступы-замка. На случай появления воинственных монахинь Поло приказали своим людям приготовить оружие. Настороженно прислушиваясь и оглядываясь, отряд последовал дальше за плывущим по воздуху ковром.

На втором ярусе оказался зал еще просторнее первого, где, опять-таки словно бы ниоткуда, лился бледно-голубой свет. Громадные идолы, вырезанные из синего лазурита, усеяны были бирюзой и сапфирами такого размера, что у мессира Никколо перехватило дыхание. Идолы составляли пары обоих полов и сжимали друг друга в таких объятиях, что покраснел даже охочий до непристойностей дядя Маффео. Стены, пол и потолок устилал здесь переливчато-синий мрамор. Все круглыми от изумления глазами разглядывали синеющее великолепие.

А потом — дальше. Вверх по синей мраморной лестнице на третий ярус замка, где оказался просторнейший черный зал. Мутный, призрачный свет снова из незримого источника — играл на граненом обсидиане, что усеивал иссиня-черные мраморные стены. Громадные демоны из отполированного до блеска эбенового дерева, окруженные ярко-красными огнями, пристально глядели на путников. В этом темном зале никто

задерживаться не пожелал.

По мрачной сланцевой лестнице вслед за рунным ковром сфинкс устремился в шпиль конусообразного замка. И вдруг — пронзительно вскрикнул. Марко бросился к нему на помощь — и закричал еще пронзительней. Ибо сияющий свет, что невыносимо жег ему глаза, был ослепительно белым. Долгое, бесконечно долгое и жуткое мгновение Марко казалось, что глаза его непременно вытекут. Да и что теперь струится у него по щекам — кровь или слезы?

Когда зрение наконец прояснилось, Марко увидел круглую башенку, что возвышалась над замком и отражала солнечный свет рассыпанными по всей ее поверхности бесчисленными кристаллами кварца. А потом он увидел ту, которую все они и искали.

Спящая Красавица покоилась на ложе из белоснежного алебастра в самом центре башенки. Из-под свободных одежд из переливчатого белого бархата виднелась ее бледная как воск светящаяся кожа. Длинные шелковистые волосы покрывали ее плечи подобно снежно-белой газовой материи. Глаза были закрыты — но на губах играла едва заметная улыбка. Голову Спящая Красавица небрежно подпирала одной рукой. Изящное тело и тонкие черты лица казались застывшими — и Марко засомневался, дышит ли она вообще.

Затем, совершенно безотчетно, молодой венецианец упал на колени — и с губ у него слетел старинный псалом Святой Деве Марии.

Ангелы славят тебя, достойная Мария,
славят благость и доброту твою.
Непорочная Дева, дети твои
счастливо утешаются милостию твоей.
О, обратись к нам, услыши
скромные мольбы и молитвы наши.
Ты, которая здравие и целительница,
утоли печали наши.
Первородительница, всесильною рукою
своею защити нас от бедствий наших…

Так, не поднимаясь с колен, Марко разглядывал Спящую Красавицу, которая и вправду оказалась самой красивой из когда-либо виденных им женщин. Таившееся в ней внутреннее достоинство излучало мир и сострадание, мудрость и любовь. Остальные путники толпились позади, все еще отчаянно протирая руками ослепленные глаза. Потом, один за другим, принялись падать на колени или простираться ниц — каждый согласно обычаю своей родины.

— Это Си-ван-му, Бессмертная Матерь, Царица Запада, что пребывает на великой горе в центре мироздания, — сказал Петр.

— Приветствую госпожу Изиду, Великую-в-Магии, — сказал сфинкс.

— Вижу перед собою богиню милосердия Гуань-инь, сострадательную матерь, что дарит сынов бесплодным женам и помогает в пору нужды, — с несвойственным ему жаром сказал ученый Ван.

А монгольские всадники затянули гортанную песнь во славу благородной и победоносной Матери Друльмы, которую Марко перевел примерно как:

Мудрое ее тело улыбается красотою.
Правая рука ее щедро дарит долгую жизнь.
Левая рука ее бесподобно играет
тремя самоцветами.
Держит она алый цветок,
чьи нежные лепестки раскрыты.
Шелковые наряды ее и волны волос

дивно ее одевают.
Лотосовые гирлянды ее
и редкие украшения ярко сияют.
Легко возлежит она на троне алого солнца.
Краски радуги ее светятся бесконечно…

Опустившись на колени, Никколо Поло перекрестился и принялся перебирать свои хрустальные четки (не в силах, впрочем, удержаться от мгновенной и весьма приблизительной оценки бриллиантов и лунных камней сиятельной госпожи, безусловно ценою в арендную плату за крупный остров в Греческом море). Рунный ковер почтительно облетел ложе Спящей Красавицы и улегся у ее ног. Сфинкс же молча устроился на его истертом буровато-золотистом ворсе.

Лишь Маффео Поло остался стоять позади всех, подергивая свою седую бороду и вполголоса бормоча:

— Марон! Надеюсь, великий хан будет доволен. Она настоящая красавица. Только вот слишком уж не похожа на земную женщину! Пожалуй, она просто волшебный языческий идол. Какое-то подобие… не пойму, правда, из чего…

И тогда Марко сказал:

— Раю присуща бесконечная красота. Быть может, это подобие чего-то неведомого и прекрасного в чистилище?

34

Цзинь: Восход.
Пылающее солнце всходит над землею.
Сиятельному князю жалуют царственных коней.

— Ну и как мы теперь ее разбудим? — поинтересовался Никколо, тяжело поднимаясь с колен.

— А правда, братец, — как? — откликнулся Маффео. — Ведь пока мы тут стенали и придуривались, ее милость даже моргнуть не изволила.

— Быть может, ее пробудит рунное заклинание Оливера? — предположил Марко.

Оливер оторвался от своих раздумий пред ложем Спящей Красавицы. Потом, медленным рокочущим басом, заговорил:

— Когда я был сопливым щенком в Северных Краях, старшие рассказывали про Бога Одина, что носит на плечах воронов и пирует с павшими героями в золотом зале Асгарда. А конные девы-воительницы Одина зовутся валькирии. Они-то и собирают павших героев Валгаллы. От блеска доспехов скачущих валькирий в небе бывает северное сияние. Похожий свет исходит и от лица этой госпожи. Рунное заклинание — работа Бога Одина… Может, он и способен пробудить эту дремлющую деву.

«Ха! — сказал себе Марко. — Подозреваю, толковой молитвы к Святой Деве Марии этот загадочный костяной амулет не содержит».

Но когда Оливер огласил в лучистом шпиле свое рунное заклинание, ничего не переменилось. Совсем ничего. Спящая Красавица не проснулась — и даже не шевельнула пальцем.

— Фею Облачного Танца всегда развлекали мои загадки, — сказал золотистый сфинкс, легко подскакивая к левой руке Спящей Красавицы, которой она подпирала голову. — Быть может, мне удастся разбудить эту дремлющую госпожу, прошептав ей на ухо несколько самых забавных.

Но даже самые занимательные загадки сфинкса не вызвали ни малейшего интереса на бесстрастном лице Спящей Красавицы.

— Будь эта госпожа реальна, она бы давно проснулась, — заявил ученый Ван.

— Позвольте я обследую ее пульсы, чтобы определить, болеет она, отдыхает или пребывает в еще каком-то состоянии, — предложил странствующий травник Хуа То, подбирая свое лиственное одеяние и опуская на пол свою трехлапую жабу. — Покажут ли ее пульсы равновесие или дисгармонию меж качествами Большего Ян, Меньшего Ян, Солнечного Ян — и, соответственно, качествами Большего Инь, Меньшего Инь и Совершенного Инь? Бьются ли двенадцать ее внутренних и внешних пульсов в согласии со взаимодействием пяти внутренних органов и пяти времен года? Поскольку она женщина, а значит, подвержена влиянию Инь, я обследую пульсы преобладания Инь на ее правой руке.

Опустившись на колени у алебастрового ложа Спящей Красавицы, Хуа То осторожно поднял ее правую руку и кончиками пальцев дотронулся до прозрачного запястья. Затем травник стал внимательно прислушиваться, и все затаили дыхание.

— Мои ничтожные пальцы сообщают мне, плывут ли ее пульсы легко, будто листва по воде, стучат ли гулко, как барабан, отзываются ли глухо, словно падающий на дно камень. Бьют они медленно или быстро, ровно или сбивчиво в зависимости от ее дыхания. И не вредят ли ее чжи-энергии дурные ветра, проговорил наконец странствующий лекарь.

— Ну и что? — не утерпел Маффео. — Давай же, приятель, скажи — нашли мы тут что-нибудь новенькое для рисовой чаши великого хана? Или тут новенькое, да не то?

— Тут, о благородный господин, нечто совсем иное, — с улыбкой и низким поклоном ответил Хуа То. Потом нагнулся и подобрал с пола свою жабу. — Ибо прозрачная госпожа эта — ни здесь, ни там. Или — и здесь, и там. Она как бы зависла меж этим миром и следующим. Ни отсюда, ни оттуда. Или — и отсюда, и оттуда. Она — ни земная женщина, ни богиня. Но в то же время — и земная женщина, и богиня. Она и живет среди нас, и в то же время — живет не вполне. Одновременно — и среди нас, и…

— Марон! Да говори же толком, приятель! — рявкнул Маффео. — Можем мы ее разбудить? Ведь это главное! Так можем или нет?

— Будь ничтожный лекарь Хуа То и впрямь здесь, он мог бы испробовать все две тысячи лекарственных трав из своей скромной фармации — включая укрепляющий экстракт императорского маньчжурского женьшеня, а также эликсир из оленьего рога, что поднимает на ноги даже самых древних старцев.

— Так-так, хорошо, — обрадовался Никколо.

— Он воспользовался бы своими лучшими акупунктурными иглами с золотыми кончиками и сжег бы ватные конусы по двенадцати меридианам, чтобы восстановить равновесие Инь и Ян. Однако, если нижайше извиняющемуся лекарю Хуа То позволено будет говорить без обиняков, ему придется признать, что на самом деле он не знает, как разбудить эту лучезарную госпожу, — закончил травник со вздохом, на который тут же эхом отозвался Никколо.

«Будет ли доволен великий хан? — гадал Марко. — Или если поставить вопрос так: будет ли великий хан разочарован?» Ибо недовольство хана ханов представляло собой зрелище, малоприятное для любого смертного…

Марко припомнил ветреный ноябрьский день в нефритовом чайном павильоне на вершине холма перед карповым прудом Великого Уединения в Ханбалыке. Упираясь крепкими руками в колени, Хубилай сидел на невысокой парчовой кушетке рядом с недужным царевичем Чингином в окружении небольшой группки своих приближенных и слуг. Все потягивали горячее рисовое вино из сиреневых фарфоровых чашечек и разглядывали навезенные со всех концов империи деревья. Придворные музыканты тем временем наигрывали печальные мелодии на струнах своих сладкозвучных лютен.

Наконец великий хан, хмурясь, нарушил молчание.

— Далеко на юге есть большой остров Церендиб, также именуемый Цейлон. И есть там царь, скипетр которого украшен рубином — красным, как огонь, и крупным, как мой кулак. Почему он мне его не предложит? Разве мои торговые суда не ходят туда и обратно? Ему следует предложить мне рубин. Разве не так?

Все-все в один голос:

— О да, великий хан, конечно, великий хан.

— Я поддерживаю мир на нескольких морях, которые нас разделяют. Ему следует это знать и быть благодарным. Пусть ему незамедлительно на это укажут… Рубин, крупный, как мой кулак… Если он мне его предложит, я передам ему пожизненный доход от большого города. Хотя, быть может, и не из самых больших. И не из самых доходных. Если же он не предложит мне рубин, я отправлю туда мой военный флот. Возведу горы из черепов… В конце концов, я внук великого Чингис-хана!

Затем, отхлебнув из чашки рисового вина, великий хан обратился непосредственно к одному из придворных:

— Далее. Мы приказали восьмидесяти семи семьям из селения Мира и Добродетели, заслуженно славящегося своими превосходными топорищами, приготовиться принять в свою общину тринадцать новых семей мастеров по топорам — с тем чтобы скорее можно было соединять топор с топорищем. Таково было Наше настоятельное императорское требование к Миру и Добродетели, ибо разве это не предпочтительнее пятидневного путешествия, предпринимаемого затем лишь, чтобы доставить топор к топорищу? И вот те на! У этого Мира и Добродетели здравого смысла оказалось не больше, чем у самой склочной базарной торговки! Там осмеливаются тянуть Наше драгоценное время! Растрачивать его на пустопорожнюю болтовню! Заявляют, мол, «увы, но у нас нет места»! Что, Мир и Добродетель думает с Нами препираться?.. Нет. Разумеется, нет. Следует незамедлительно отрубить головы сорока трем протестующим. Тогда у этих безмозглых выкидышей из черепашьих яиц сразу появится место. Вот подлые хамы! Ленивые скоты! Как же ненавидим Мы лень и хамство! А теперь прочти мне указ!

— Сорок селян из Мира и Добродетели, за отказ в подчинении: обезглавить, — зачитал придворный, изящно жестикулируя длинными ухоженными ногтями на своих тонких руках.

— Разве Мы сказали не сорок три? — холодно поинтересовался Хубилай.

— Десять, о повелитель, суть число удачи. Двадцать — суть число двойной удачи. Сорок — суть число удвоения двойной удачи. Число же сорок три поднимает нас в сферы метафизики, где простолюдины оказываются в замешательстве…

И глаза великого хана, начавшие уже было угрожающе посверкивать, снова утонули под полузакрытыми веками.

— Достаточно, — заключил хан ханов.

Все смотрели, как придворный быстро и бесшумно пятится к двери. Он спас три жизни под угрозой потери собственной — зато семьи спасенных станут теперь его вечными должниками.

И с топорами в центре Срединного Царства теперь будет проще. Когда же людям снова захочется протестовать, пусть они об этом припомнят.

Утробный рык великого хана уже сменился негромким ворчанием.

— Что же касается моих каллиграфических талантов, то несколько весьма важных, хотя и подчиненных мне царей писали, что только сознание моей невероятной занятости удерживает их от нижайших просьб позаниматься с их сыновьями каллиграфией. Касательно же моего искусства вождения колесницы, то оно всем миром неизменно признавалось не заслуживающим ни малейшего упрека. Скажу даже больше. Если вспомнить, что учитель Кун-фу-цзы, которого вы, варвары… — тут Хубилай обратил благосклонный взгляд на старших Поло и Марко, — именуете «Конфуцием» — забавно, не правда ли?..

Так вот. Насколько я помню, учитель Кун утверждал, что вождение колесницы, владение каллиграфией и сдержанные манеры суть наипервейшие качества благородного мужа. Разве не так? А, главный ученый? — И великий хан резко повернулся к неизменно присутствовавшему на подобных приемах старцу — столь древнему, что, как утверждали злые языки, он уже при жизни превратился в мумию. — А? Разве досточтимый учитель Кун этого не утверждал?

Старец ответил без промедления:

— Утверждал, о Сын Неба. И весьма нередко.

Ученый был стар. Очень стар. Совсем стар и дряхл. Но все же стар не настолько, чтобы не задумываться о неудовольствии великого хана.

— Все наши способы мы уже перепробовали; пусть теперь чародеи великого хана ее пробуждают, — подвел итог Никколо, негромко пощелкивая своими вторыми по значению четками. Эти были сработаны из двадцати одного янтарного шарика — каждый размером с плод ююбы, — нанизанных на двойную нить из льна и шелка; ценою же — в пару сильных волов, способных вспахивать почву жесткую, непосильную для коней.

— Точно, братец, — согласился Маффео, ожесточенно крутя свою седую бороду. — Благо еще до того, как мы пустились в эту сумасшедшую авантюру, великий хан заметил, что его колдунам подобная работенка, несомненно, придется по вкусу. Так не будем откладывать их языческую забаву. Пусть наши люди соорудят из красного дерева, что растет в ущелье, красный невестин паланкин. Пора подаваться прочь из этих лихих мест — прямиком в Ханбалык. А там пусть великий хан со своими придворными ламами и чародеями забавляется новой игрушкой. Мы же с радостью примем его благосклонную награду — золотой заграничный пропуск — и вернемся наконец в Наисветлейшую Венецию!

— Если великий хан сочтет, что мы заслуживаем именно такой награды, напомнил своему нетерпеливому дяде Марко.

Подняв Спящую Красавицу с ее алебастрового ложа, Поло завернули ее прохладное, но полное жизни тело в рунный ковер, который немедленно замер вокруг своей лучезарной хозяйки. И поспешили вниз — прочь от сверкающей хрустальной башни.

Вниз по узкой лестнице в черный обсидиановый зал чудовищных демонов… вниз по другой лестнице в густо-синий зал совокупляющихся идолов… и вниз по последнему лестничному пролету в нефритово-зеленый зал могучих дьяволов и полубогов. Медлили путники ровно настолько, чтобы дать глазам привыкнуть к меняющемуся свету и посмотреть, не поджидает ли их в призрачных залах какая беда. А еще — ровно настолько, чтобы мессир Никколо Поло несколько поправил свое самочувствие, подобрав с полу (и, разумеется, сунув в карман) случайно попавшиеся ему на глаза изумруд и сапфир.

Наконец, через красочный резной портал они вышли во двор — и с радостью покинули волшебный замок-ступу. Осторожно неся свою драгоценную добычу, под предвечерним солнцем люди пустились в обратный путь. И тут все заметили какую-то перемену. Что же изменилось?.. Глаза и уши тут же подсказали путникам, что изменились шершни. Злобные черные твари уже вовсе не безжизненно висели в воздухе. Нет. В отличие от Спящей Красавицы шершни проснулись. И проснулись в бешенстве от столь наглого ограбления волшебного замка. Об этом ясно говорило их низкое монотонное жужжание пока шершни выстраивались в боевой порядок и готовились к яростной атаке.

35

Цзянь: Течение.
Солнце в зените — и древо растет неспешно.
Дикие гуси летят к девичьей горе.

Монголо-татарским стражникам не пришлось приказывать взяться за оружие и плотной фалангой встретить сужающееся кольцо разъяренных шершней. Но в то же время рассудок подсказывал людям, что это — лишь жест отчаяния. Ибо как могло их оружие противостоять громадному рою смертоносных насекомых? А потом один молодой монгольский конник, выкрикнув резкое степное проклятие, указал куда-то в сторону бойниц. Марко тоже взглянул туда и увидел, что в бойницах снова появились бритоголовые языческие монахини, — стоят там, пристально уставившись на людей горящими безбровыми глазами. Вставив стрелы в торопливо вытащенные луки, окруженный отряд приготовился принять бой.

Вот и первый залп — но, несмотря на точный прицел, стрелы бессильно упали на землю. А шершни тем временем все плотнее сжимали свое черное смертоносное кольцо…

Потом из ярко разукрашенного входа в замок начали выходить жуткие демоны черного зала — невесть как пробудившиеся. Буйные языки красного пламени вкруг множества их чудовищных голов опаляли затейливую резьбу. Выпученные глаза… торчащие клыки… бесчисленные руки с отвратительными клешнями, что сжимали длинные обсидиановые ножи… На чешуйчатых шеях смрадных демонов болтались гирлянды из человеческих черепов. От каждого шага мощных ног дрожала сама земля! А из окровавленных пастей вырывалось глухое рычание!

— Марон! — возопил Маффео, когда дрожащий сфинкс в страхе метнулся к нему на грудь. — Лучше бы меня сразу прикончили и отправили в ад к самому Сатане!

— Похоже, нам как-то удалось разбудить сразу все иллюзии этого замка… кроме госпожи, — заметил ученый Ван, своим белым веером пытаясь отмахнуться от зловещего кольца разъяренных шершней.

Потом Марко поднял глаза к небу и увидел, что оттуда, очень издалека, к ним приближается нечто весьма странное. Больше всего это напоминало клин перелетных гусей. Но даже на столь почтительном расстоянии было видно, что эти огромные переливчатые птицы с мерцающими хвостами — вовсе не обычные гуси. А на поблескивающей спине передней птицы, похоже, кто-то сидел.

Сияющий клин все приближался (как, между прочим, и шершни с мрачными демонами) — пока, наконец, не принялся кружить над путниками (шершни тем временем уже начали бросаться им прямо в глаза). Люди кричали, указывая пальцами (не забывая к тому же уворачиваться от демонов и шершней, а также прицеливаться в воинственных монахинь, что по-прежнему свирепо глазели из бойниц). Сражение вовлекло всех в единый беспорядочный вихрь.

Гигант Оливер схватился в открытом бою с главным многоруким демоном. Орудуя своим громадным боевым топором, будто ветряная мельница, северянин то и дело отхватывал чешуйчатую руку или клыкастую голову. А окруженное языками пламени чудище размашистыми ударами обсидиановых ножей пускало алую нордическую кровь. В очередной раз отмахнувшись от бросившихся на него шершней, Марко почувствовал мерзкие жала в шее и предплечье. Венецианец уклонялся от вразвалку ковылявшего за ним демона — и одновременно поглядывал на кружащий в небе клин. Кто там — друг или враг? Или, быть может, иллюзия?

Вот огромная стая опустилась прямо во двор замка — в царящий там кавардак, и Марко наконец понял, что состоит она вовсе не из гусей. Нет из белых нефритовых фениксов. А на спине самого роскошного феникса с самым длинным переливающимся хвостом, бешено сверкая красными глазками, летел столь хорошо знакомый путникам Царь обезьян.

Мессир Никколо Поло как раз высунул голову из-под мехового плаща, которым прикрывался от шершней, и в благоговейном ужасе воззрился на белых нефритовых птиц. Потом увидел белую обезьяну, вслух простонал — и снова спрятал лицо под плащом.

А оседлавший величественного нефритового феникса Царь обезьян вскочил на задние лапы и завопил:

— Я Великий Мудрец, равный небу! Я полакомился волшебными небесными персиками и выпил изготовленный Тайшан Лао-цзюнем эликсир бессмертия! Я пил райское вино вместе с Нефритовым императором, и тело мое сделалось твердым и неразрушимым, как алмаз! Госпожа Облачного Танца из Пещеры посылает свои приветствия Сияющей Госпоже из Замка! Переродившаяся в кротком облике облачная плясунья послала меня выручить вас, безмозглых и неблагодарных смертных, ибо опасается, что милый ей сфинкс может оказаться в беде. Я привел с собой стаю белых нефритовых фениксов из небесного зала Загадочной Мглы. Они и доставят вас, недостойных, в безопасное место.

Дальнейших приглашений Поло и их люди дожидаться не стали — и быстро взобрались на прохладных лучистых фениксов. Шершни тем временем бросались в новые атаки, демоны угрожающе ревели, а бритоголовые монахини злобно сверкали горящими

глазами.

— А с хвастливой обезьяной мы уж как-нибудь разберемся, — пробормотал Маффео, помогая осторожно разместить завернутую в ковер Спящую Красавицу на спине одной из нефритовых птиц.

— Что это у вас там в ковре? — поинтересовался Царь обезьян, когда переливающаяся стая уже оторвалась от земли.

— Да так, поклажа, — ответил Маффео. — А как насчет наших коней и припасов?

— Проще простого! — с громким хохотом выкрикнул Царь обезьян. — Я перенесу их в рукавах. В конце концов, точно так же они сюда и попали.

— Как по-твоему, братец, что он имел в виду? — поинтересовался Маффео, когда они уже перелетали через стену замка, оставляя разъяренных шершней далеко позади.

— Мало ли что в этом Богом проклятом месте можно иметь в виду? проворчал Никколо, перебирая свои вторые по значению янтарные четки и для успокоения разгулявшихся нервов еле слышно бормоча: — Нитка с двумя десятками и еще дюжиной отборных сердоликов; каждый ярок и ал, как медвежий глаз под фонарем ночного охотника. Ценою же сказанная нитка в первоклассную венецианскую гондолу со всеми приличествующими украшениями и непременными серебряными колокольцами.

Когда стена колдовского замка осталась позади, глазам Марко снова предстали осыпающиеся, сплошь заросшие колючками руины. Затем фениксы подлетели к привязанным в ивовой рощице коням. И тут случилось нечто совершенно поразительное — даже в столь поразительном месте. Белая передняя лапа Царя обезьян вдруг сделалась непомерно огромной — и потянулась к земле. А потом, скомкав коней, будто шарики рисовой бумаги, сунула их в рукав короткого обезьяньего халата пурпурной парчи.

— Марон! — взвыл Маффео. — Проклятая обезьяна раздавила наших коней!

А Марко вдруг вспомнилась та ночь у пещер Мирной и Гневной Памяти, когда призрачная фигура (весьма похожая на пропавшего рыцаря, порой именуемого Хэ Янем) аккуратно развернула вытащенного из рукава белого бумажного мула…

— В потрепанном рукаве того шустрого рыцаря куда больше одного фокуса, — словно читая мысли Марко, усмехнулся Царь обезьян.

— Стойте! — воскликнул странствующий травник Хуа То, когда они снова начали подниматься. — Раз уж на самом деле меня тут и не было, то, надеюсь, благородные господа не станут возражать, если я скромно откланяюсь, ибо очень хочу поискать в этой потаенной долине целебные горные грибы. — И с этими словами, придерживая свою трехлапую жабу, оборванный лекарь легко спрыгнул с феникса. Оказавшись же на земле, странная парочка разом отвесила ошарашенным Поло прощальный поклон.

— Куда ты нас везешь? — выкрикнул Маффео, когда нефритовые фениксы взмыли в самое небо.

— Сфинкса я везу обратно в уютную пещеру феи Облачного Танца, ибо перерожденная в кротком облике госпожа испытывает одиночество и скучает по его забавным загадкам. Вам, жалким смертным, конечно же не под силу должным образом позаботиться о столь драгоценном создании. Что же касается вас… то вас я никуда не везу. Ну, если не станете гневить меня всякими вашими фокусами, могу сбросить вас где-нибудь по дороге. — И словно иллюстрируя эти слова, их феникс вдруг дал головокружительный крен, а Царь обезьян зашелся громким хохотом.

— Нет! Пожалуйста, не надо нас сбрасывать! — завопил Марко. Потом он обратился к сфинксу: — Каково же твое желание, прелестный сфинкс?

Тот ненадолго перестал вылизывать свою золотистую шерстку и зевнул. Потом загадочно улыбнулся.

— Когда сфинкс — не сфинкс? — спросило маленькое существо. А не услышав ответа, само же и ответило на свою загадку: — Когда он спит! Устал я суетиться с вами, смертными. Ведь время вашей жизни так коротко, что все приходится делать на бегу. Далеко и тяжко будет мне добираться с вами до горячих песков родных пустынь. Лучше я пока что вздремну

в уютной пещере переродившейся в кротком облике госпожи.

— Пусть так и будет, — сказал Марко, ероша мягкую шерстку на макушке сфинкса. — Когда же нам наконец позволят вернуться в родную Венецию, мы пошлем в пещеру гонца, чтобы ты смог присоединиться к нашему каравану. А до той поры, прелестный сфинкс, будем очень скучать по твоим играм, и загадкам.

— Я буду ждать вашего гонца — и скучать по вашей итальянской любезности, — приглаживая свою шерстку, отозвался сфинкс.

Затем Марко обратился к летевшей впереди обезьяне:

— Сфинкс отправляется отдыхать в пещеру госпожи — надеемся, ненадолго. А нас ты можешь где-нибудь высадить. Только осторожно — и так, чтобы нам легче было вернуться в обжитые катайские провинции.

Будто воздушные змеи, плыли они и по кобальтовым небесам, и по небесам клубящейся мглы, и по небесам, взбаламученным бурей. Летели прочь от ледяных гор Тибета. Парили подобно орлам над обжитыми зелеными долинами Срединного царства.

Глядя вниз, мессир Никколо Поло и впрямь чувствовал себя орлом. Вспомнилось ему, как, пусть и не так уж много орлов вьют свои гнезда в Наисветлейшей республике Венеции, двое все же свили их на полуразвалившейся башне, ошибочно приняв ее (как утверждалось) за скалу. Насмешники, издеваясь над зодчими и хозяином башни, еще добавляли, что это, мол, и немудрено.

Наблюдателям приказано было докладывать, когда орлиные птенцы оперятся, смогут летать и научатся сами добывать пищу. Когда же было доложено, что орлы покинули свое гнездо и в том году точно туда не вернутся, те, кто выкупил у властей привилегию, послали разумных и достойных доверия слуг, влив масло в заржавленный замок входной двери в башню, взобраться по полуразрушенным лестницам. У последнего пролета обычай требовал задержаться не долее чем потребуется ровно на десяток «Отче наш» и два старинных (теперь уже нигде более не используемых) воззвания к великому языческому пророку и колдуну Вергилию Магусу. Затем, следуя совету упомянутого Вергилия (давным-давно обнаруженному одним ученым затворником на обрывке некого палимпсеста), слуги одолевали последние несколько ступенек и долго разглядывали орлиное гнездо. Позволялось им не более чем аккуратно поворошить его ивовым прутиком, срезанным в устье реки По, особенно любимой Вергилием, который, впрочем, любил почти все реки (не считая лишь зловещего Стикса, над берегами которого ведьма, что приходится женой перевозчику, наводит страшную пелену, если только нерадивые друзья покойника не положили ему под язык монету).

И некоторым временам года следовало миновать, а некоторым миновать не следовало, когда любое время года, доброе ли, злое ли, могло вдруг украситься в книге с новехонькими страницами из тончайшего пергамента записью наподобие нижеследующей: «В году, когда дожем Венеции был Фулано, камень, именуемый „Аэйтосом“, нашли в орлином гнезде на верху разрушенной башни». Что же до достоинств того камня, то о них никогда не сообщалось, ибо те, кто заплатил, чтобы знать, и так знали, а те, кто не заплатил, знать нужды не имели. Достаточно лишь сказать, что камень тот носили обычно на легкой золотой цепочке, пропущенной через петельки в нижней рубашке — над самым пупком или чуть ниже.

В год же, когда находили камень Аэйтос (порой именуемый также камнем «Стамопетра»), фамилиям, чьи люди его находили (а по указу сената то были лишь благородные, но пришедшие в упадок семьи, чьи главы лишились правой руки на воинской службе республике, — и лишившиеся левой руки в счет тут не шли), — таким фамилиям выпадал тогда особый почет. Согласно обычаю, они давали великий пир с жареной ягнятиной и бараниной (вместо обычно предпочитаемой телятины), приготовленной с шалфеем, превосходной лекарственной травой, к тому же придававшей баранине лучший вкус. Ибо люди мудрые всегда готовят мясо с шалфеем; не зря же написал ученейший Теофраст: «Едва ли должно умереть тому, у кого в саду произрастает шалфей».

А как-то раз в такой год нашелся один монах — несомненно, безумец, который взялся настаивать, чтобы Великие Фамилии пригласили на упомянутый пир бедняков. Да кто его послушал? Братец Маффео тогда метко подметил: «Марон! Богатый всегда должен печься о богатом. Ибо иначе кто о нем будет печься? Не бедный же!»

Наконец, все увидели внизу сверкающую полоску широкой реки. Когда белые нефритовые фениксы опустились почти к самой земле, хохочущая обезьяна высыпала из своего рукава пригоршню комков рисовой бумаги, которые немедленно превратились в коней Поло и их поклажу. С разинутыми ртами поглазев на диковинное зрелище, люди принялись торопливо слезать с белоснежных птичьих спин. Затем все низко поклонились Царю обезьян и сфинксу. Те тоже изобразили прощальные поклоны — и сияющая стая вновь поднялась в небо.

Оглядев пейзаж из туманных утесов, зарослей тростника и бесчисленных рыбацких лодок, Поло удостоверились, что достигли берегов самой оживленной водной артерии в мире: Янцзы-цзян. А вместе с ними, завернутая в загадочный рунный ковер, там оказалась и Спящая Красавица.

36

Цзин: Колодец.
Древо впитывает прохладную весеннюю воду.
Кувшин может протечь, колодец же неизменен.

Мессир Марко Поло записывал в свой путевой дневник: «Мутная река Янцзы-цзян широка как море, а судоходство на ней превосходит судоходство на всех реках и морях христианских стран, взятых вместе. Текут ее воды через шестнадцать провинций, а на ее изобилующих утесами берегах расположилось более 200 людных городов. Есть там и множество каменистых островов, где стоят храмы идолопоклонников. Великий хан получает таможенные пошлины с более чем 200000 судов, что ежегодно по этой реке плавают, — начиная от плотов и кончая одномачтовыми тростниковыми лодчонками. Вверх по течению везут соль и приморские товары, а вниз каменный уголь и прочее добро из глубинки. Порой целые табуны коней тянут суда вверх по течению, ибо оно здесь весьма изрядное…»

Поло вскоре сообразили, что приземлиться им случилось в том месте, где полноводная река втекает в изобильную южную провинцию Манзи. Что к лучшему. Здесь весьма нетрудно будет через императорскую почтовую систему получить надежный корабль и направиться вниз по течению к Янчжоу. Туда, где Янцзыцзян встречается с Великим каналом Хубилай-хана, этим вновь восстановленным чудом инженерного искусства, что связывает богатые земли Манзи с зимней столицей в Ханбалыке.

— А уж там мы представим великому хану и его чародеям пополнение гарема в лице Спящей Красавицы… попросим в награду позволение отбыть домой… и пустимся домой, в родную Венецию! — восклицал Маффео, радостно потирая руки. — Ах, кажется, я уже чувствую вкус красного вина и теплого пшеничного хлеба!

— Сначала надо добраться до Ханбалыка… потом получить у великого хана отставку… а только потом мы сможем отправиться домой, — вздыхал Никколо, перебирая свои лучшие нефритовые четки.

— А еще раньше нам следует подыскать корабль, — напомнил им Марко.

Тогда они стали искать корабль — и вскоре его нашли, воспользовавшись вместо платы серебряной табличкой с печатью великого хана. Но почему пышнобородый куманский чиновник на таможенной станции изучал их таким долгим и пристальным взглядом? И не шепнул ли он что-то на ухо другому светлокожему куманцу, своему подчиненному? Впрочем, учитывая усталый и измотанный скитаниями внешний вид троих Поло, оснований для особого беспокойства как будто не находилось.

Заодно с конями и поклажей погрузившись на борт одномачтового речного судна,

путники, после стольких месяцев лишений, приятно удивились его простору и удобству. Корабль же поднял паруса и быстро направился вниз по течению, позволяя мессирам Никколо, Маффео и Марко Поло, неспешно расхаживавшим по деревянной палубе, благосклонно обозревать великое разнообразие речного торгового транспорта. Свежее нижнее белье на чисто вымытых телах также доставляло венецианцам несравненное удовольствие. Бороды и волосы их были аккуратно подстрижены прислугой катайского капитана.

— Ибо при дворе великого хана мы не должны выглядеть — или пахнуть, как варвары, — заметил Никколо, пока дородная служанка втирала в его обветренную кожу ароматное масло и развлекала всех забавными россказнями.

— Воистину, благородные господа, река эта изобилует преданиями, рассказывала она, растирая Никколо лоб. — Как-то раз капитан взял с собой целую баржу каменного угля, которую следовало выгрузить в одном отдаленном городишке рядом с одним старым каналом. Его и каналом-то было не назвать так, ручеек какой-то. И, значит, пристал капитан там на ночь, а на рассвете смотрит — ни корабля, ни реки! Ничего, кроме груды каменного угля в пыли у сгнившей пристани, капитанского груза и команды! По-простому говоря, господа хорошие, плыли они по реке-призраку. А как же иначе? У каждого человека, вещи и местности есть дух, который может ожить. Порой дух принимает вид человека, а этот сделался рекой. В смысле, там когда-то была река — и теперь она изредка возвращается, чтобы течь только один день и одну ночь.

— Хорошо, милейшая, но как насчет корабля? — поинтересовался Никколо.

— Корабля? А-а, корабля… — Но дальше служанка лишь слегка улыбнулась и пожала плечами.

Тем вечером они славно отобедали свежей рыбой, сваренной на пару с имбирем и побегами молодого бамбука, бульоном с лапшой и горячим рисовым вином. Даже разборчивый Маффео причмокивал губами от удовольствия. Ближе к ночи стали наблюдать за причудливым скалистым берегом в лунном свете. Никого не встревожило, когда Петр обратил внимание на следующее за ними по пятам небольшое судно. Ибо Петр родился в сухопутной Татарии и в делах навигации ничего не смыслил. Невдомек ему было, что на оживленном водном пути один корабль неизбежно должен следовать за другим. Потом путники заснули как убитые среди нежданного удобства выстроенных на палубе кают.

В каждой каюте стояло по две невысокие кушетки. Никколо и Маффео хоть и обвинили друг друга в непотребном храпе, все же устроились вместе. В соседней каюте расположились Марко и Спящая Красавица, по-прежнему недвижно покоящаяся в рунном ковре. Петра поставили у двери на стражу. Хотя Марко и мечталось, чтобы на соседней кушетке вместо Спящей Красавицы лежала Си-шэнь, ничто не смогло удержать его усталое тело и разум от глубокой дремы.

Но уже поздней ночью его вдруг разбудили громкие крики и топот ног. Мигом соскочив с кровати, Марко бросился наружу. Петра за дверью не оказалось — а на залитой лунным светом палубе царил страшный кавардак. Катайские матросы и монгольские всадники с громкими криками отбивались от наседавших на них бородатых чужеземцев в одеждах степняков.

А потом на Марко неожиданно бросилась грузная бородатая фигура. Венецианец и опомниться не успел, как противник уже затолкал его в каюту и запер за собой дверь. Но тут от сильной качки ковер соскользнул с лица Спящей Красавицы — и всю каюту заполнило ее неземное сияние. В этом странном свете Марко узнал своего врага и выкрикнул его имя:

— Ты Хутан, сын нечестивого наместника Ахмада!

Да, это и вправду был сын бывшего императорского министра, убитого разгневанными катайцами. Перед Марко стоял теперь тот самый головорез, что подстерег его у границы Бир-мяня, обвинил в шпионаже — и пообещал отрезать язык. Незваный гость оказался главарем куманских мятежников, состоящим на службе у злейшего врага Хубилая, Хайду-хана — степного волка, угрожавшего западным рубежам Катайской империи. Двое

мужчин, тяжело дыша, долгое мгновение стояли лицом друг к другу в тесной каюте.

А потом здоровенный куманец вдруг накинулся на Марко, грубо заломил ему руки за спину и приставил к горлу венецианца сверкающий нож. Марко боролся как мог, пытаясь освободиться от мощной хватки Хутана, но оказался явно слабее — а из страха перед ножом не мог и крикнуть. Затем с помощью крепкого пенькового шнурка куманец ловко и быстро прикрутил руки Марко к балке под потолком. Запястья отчаянно жгло.

— Ну что, По-ло, узнал своего старого придворного знакомца? — оскалился куманец. — Да, я Хутан. Я ношу имя великого куманского вождя, лишившегося после нашествия монгольских орд всех своих степных владений. Мать моя была рабыней из куманского гарема, похищенной монголами, которую они, будто собачонку, отдали для забавы моему бессердечному отцу Ахмаду. Куманцев прогнали от могильных курганов их отцов и развеяли будто песок по пустыне. Сделали же это монголы. Мой народ потерял все — и теперь исчезает даже само его имя. Спасибо опять же монголам. Поэтому я служу Хайду-хану, врагу моего врага Хубилая, — служу, чтобы вредить монголам. Мой хозяин хочет получше узнать о твоей таинственной миссии. И я тоже. Если ты не шпионишь против Бир-мяня, то что же ты тогда делаешь… и что за странное свечение наполняет эту каюту?

Оттолкнув в сторону связанного Марко, Хутан повернулся к кушетке, где лежала Спящая Красавица, и изумленно на нее уставился.

— Ну и красотка! Откуда такая? — спросил он затем, поворачиваясь обратно к Марко, чтобы слегка ткнуть злосчастного венецианца острым ножичком в горло.

— Из одной безымянной долины в Тибете, — честно ответил Марко. Выдача этих сведений не могла повредить великому хану так, как острый ножичек мог повредить его собственному горлу, закричи он или откажись отвечать.

— Из Тибета, значит? — прорычал Хутан. — Конечно! Всем известно, что в Тибете самые могущественные колдуны. Так вот, стало быть, в чем цель твоей миссии — доставить эту красотку Хубилаю? Хотя она, похоже, спит, ее тело явно излучает великую силу. И ее любовники, должно быть, этой силы причащаются. Теперь понятно, почему Хубилаю так хотелось ее заполучить. Но она пока что не под его защитой. Она здесь, со мной. Я и отведаю ее силы.

И Хутан снова повернулся к возлежащей на кушетке лучезарной деве.

— Красавица… красавица… — шептал он, медленно разворачивая ковер и разглядывая все прозрачное тело. — Она прекрасна… да, прекрасна, бормотал куманец, пожирая Спящую Красавицу пристальными глазами, которые, казалось, уже позабыли и про Марко, и про бушующее за дверью сражение. Потом он, словно околдованный, опустился на колени. — Ты будешь моей невестой, — сказал Хутан, поглаживая руку, что небрежно подпирала сияющий лоб. А затем импульсивно прижался бородатым лицом к светящейся шее. И вдруг все тело его страшно напряглось. С диким воплем куманец отпрянул от Спящей Красавицы.

Полными ужаса глазами Марко смотрел на растекавшуюся по лицу Хутана сероватую бледность обморожения. Наконец, куманский лазутчик с трудом встал на ноги и нетвердо потащился к двери. Лицо его превратилось в синюю перекошенную маску. Потом Хутан покачнулся и рухнул на пол. Недолгие предсмертные корчи, короткий стон — и все.

Мучительно напрягаясь, Марко все-таки сумел высвободить руки. Потом торопливо нагнулся к кушетке за ножом. И наконец склонился над Хутаном. Не дышит. Все тело холодно как лед, а на перекошенном лице выражается та же злоба, что и при жизни. Итак, Хутан, сын жестокого наместника Ахмада, вреда никому из Поло больше не причинит. Марко накрыл труп мятежника его же собственным мерзлым плащом из овечьих шкур.

Спящая Красавица по-прежнему недвижно лежала на кушетке. Но когда Марко наклонился, чтобы снова завернуть ее в рунный ковер, на сияющих губах ему вдруг почудилась слабая тень улыбки. Скорее всего, впрочем, то был лишь обман зрения. Затем, держа перед собой нож, Марко бросился из сумрачной каюты на палубу, где бой с мятежными лазутчиками Хайду-хана был в самом разгаре.

37

Хуань: Раздробление.
Ветер дует над водами.
Царь-хранитель посылает приношения в храмы предков.

Ну и побоище, подумал Марко, на миг помедлив за дверью и потирая горящие запястья. Отовсюду раздавался резкий звон клинков и глухие удары тела о тело. Слышались боевые возгласы и просто яростные вскрики, к которым примешивались и стоны, когда оружие достигало цели. Но стоило Марко тоже ринуться в бой, как весь беспорядочный шум вдруг смолк. Катайские матросы, монгольские стражники и куманские бунтовщики разом уставились вверх и принялись тыкать пальцами, указывая на гигантскую призрачную фигуру, что неспешно плыла по залитому лунным светом ночному небу.

Загадочная фигура носила багряные с золотом боевые доспехи, липнувшие к могучему телу будто змеиная чешуя. Вся кожа была багровой, а нахмуренные черные глаза тоже сверкали как-то по-змеиному. Мощные руки сжимали огромную алебарду, которую ее хозяин вертел словно легкую тросточку. Под скорее похожими на бревна ногами реяло знамя из переливающегося шелка. При первом же взгляде на величественное видение Марко сразу вспомнились статуи царей-хранителей, что ставят у своих храмов идолопоклонники.

А на плечах у гигантской фигуры приютилось любопытное существо. Лицо и развевающиеся волосы женщины; свободная женская куртка из мягкого шелка цвета персика. Но нижняя часть тела — змеиная, покрытая радужными чешуйками, что радостно искрились, пока странное существо изящно скользило по плечам огромного воина.

Рядом с Марко вдруг оказался ученый Ван. Сунув руки в рукава своего черного стеганого халата, ученый произнес:

— Мои сами себе не верящие глаза лицезреют Духа Северной Полярной звезды в сопровождении одной из его змеиных прислужниц. Он и его братья, Духи Юга, Запада и Востока, блюдут учение небесного Нефритового императора об истине и иллюзии.

Странные фигуры парили над кораблем, пока плывущее прямо по воздуху шелковое знамя не опустилось к самой палубе. Грозная алебарда завертелась так, что стала казаться большим смертоносным пятном. Дух Севера быстро теснил бунтовщиков — те с воем падали за борт, в темную речную воду, где если сразу не шли на дно, то с трудом добирались до своего жалкого суденышка.

Выбравшиеся из своей каюты мессиры Никколо и Маффео Поло низко поклонились Духу.

— Мы хотели бы поблагодарить тебя, о могучий господин, за спасение нашего ничтожного корабля… и не поведаешь ли ты нам свое благородное имя? — осведомился Никколо.

— Ученый Ван назвал его Духом Северной Полярной звезды, — шепнул Марко. — Быть может, отец, лучше и не спрашивать?

Залившись громовым хохотом, огромный воин ответил:

— Можете звать меня этим благородным именем. На самом деле вы можете звать меня многими именами. Порой меня даже зовут ничтожным именем Хэ Яня.

Марко присмотрелся повнимательнее к грозному Духу… да и в самом деле… ведь это же…

— Хэ Янь!

А потом, так же внимательно присмотревшись к женщине-змее с густыми рыжеватыми волосами, Марко испытал еще более сильное потрясение. Она же… ведь у нее лицо…

— Си-шэнь!

Тут голос его от избытка чувств сорвался, а глаза наполнились слезами.

Женщина-змея развернула свои кольца на плечах Хэ Яня и скользнула к молодому венецианцу.

— Я здесь, чтобы попрощаться с тобой, милый Марко, — сказала она бархатным голоском Си-шэнь. — Ибо, спасая свою жизнь, мне пришлось вспомнить свою изначальную змеиную природу.

— Но как же так?.. — И Марко запнулся.

Си-шэнь напомнила ему тот злополучный день, когда плоскохвостые каннибалы Острова Утех вынудили ее нырнуть в бурное море.

— Я часто вспоминал тот горестный день и думал, что ты утонула, сказал Марко.

— Я непременно бы утонула, принадлежи я целиком человеческому роду как казалось нам обоим, — ответила девушка. — Но вышло иначе.

И Си-шэнь поведала всем, как прыгнула она с отвесного утеса, ожидая вскоре оказаться в руках Ямы, быкоголового Властелина Смерти. А потом в голове вдруг всплыло смутное воспоминание о том, как покойная мать баюкает ее младенческое тельце на руках — которые были вовсе не руками, а змеиными кольцами. Стоило Си-шэнь погрузиться в бурлящую воду, как наследственная память возобладала над разумом. Вдруг она поняла, что начинает как-то изгибаться и скручиваться, что ноги ее вытягиваются. Сильно вытягиваются. Пока, обернувшись, она не обнаружила у себя змеиный хвост. Тут-то Си-шэнь и поняла, что и она, и ее мать происходят из шэнь, природных духов, нередко сходящихся с людьми и чьи дети столь походят на смертных, что никто не может их распознать — пока какая-то критическая ситуация не вынуждает их вспомнить свою изначальную природу.

— Марон! Еще бы! Какая земная женщина сможет двигаться со столь неестественной грацией? — заметил Маффео.

— Значит, ты до сегодняшнего дня так и плавала в море?.. — спросил Марко.

— Нет. Случилось так, что проплывавший мимо морской дракон завлек меня в подводное царство Нага-хана, Басудары, Повелителя Пучины. Там я увидела пагоды-башни прекрасного города, возведенные из красного и черного коралла, усеянные сияющими жемчужинами.

Глаза Никколо Поло вдруг зажглись интересом.

— Прости, о благородная девушка, но не захватила ли ты несколько… ну, скажем, образцов?

Си-шэнь негромко рассмеялась и вытащила из своих волос какое-то украшение. Это оказался гребень из черного коралла, украшенный полукругом отборных жемчужин размером с яйцо перепелки. Затем девушка вручила гребень Никколо Поло, который с радостной улыбкой и низким поклоном принял подарок.

И Си-шэнь продолжила свою историю. Рассказала, как нашла благоволение в глазах властителя Басудары. Как он взял ее акробаткой в свою придворную театральную труппу и как она бесчисленное множество раз выступала перед двором под музыку витых раковин.

— …Занималась я в общем-то тем же, чем и раньше. Но счастья в этом царстве морского дракона не видела. Обращались со мной, как с рабыней, и хотя новый облик нравился мне больше прежнего, я тосковала по человеческому теплу… ибо морские змеи все-таки твари холоднокровные.

— И я о тебе тосковал… — грустно признался Марко.

— Точно так же, как я всегда-всегда буду тосковать о тебе, — опустив глаза, отозвалась Си-шэнь.

В конце концов странствующий рыцарь Хэ Янь из рассказа Марко об исчезновении Си-шэнь догадался, куда она попала. Приняв свой изначальный вид Духа Северной Полярной звезды, он внезапно явился в приемный зал Кораллового двора и потребовал освобождения Си-шэнь. Поначалу девушка не узнала благородного воина. Зато морские драконы сразу признали своего давнишнего врага.

— Эти драконы с капюшонами кобр большие пройдохи и вдобавок дурно обращаются с нежным народцем шэнь, — заметил Хэ Янь, выразительно постукивая по палубе древком своей алебарды. — А кроме того, после долгого сопровождения вас, медлительных смертных, все у меня зудело примерно как у человека в тесных шерстяных штанах. Страшно

хотелось хорошенько подраться.

— Драка и впрямь получилась славная… — вставила Си-шэнь.

Морские драконы неистово бросались на рыцаря и размахивали своими острыми как бритвы когтями, но блистательный Хэ Янь стоил их всех, вместе взятых. Бешено вертя алебардой, прыгая и отмахиваясь ногами как кузнечик, он пробил себе дорогу к сцене из раковины гигантского моллюска.

— Там он подхватил меня закованной в латы рукой и, все так же отчаянно крутясь и отбиваясь, прорвался наверх — прочь из Кораллового двора в бушующее море, — рассказывала Си-шэнь. — Потом рванулся в небо — и прилетел сюда, чтобы мы смогли встретиться еще один, последний раз…

— Так это последний раз? — воскликнул Марко. — И ты уже никогда не сможешь восстановить человеческий облик? Но куда же ты теперь… и что ты будешь делать?

— Увы, в этой жизни свой человеческий облик я восстановить уже не смогу, — вздохнула девушка. — А жизнь у шэнь долгая. Но все-таки ты обо мне не горюй. Для шэнь великая честь стать приближенной Духа Севера. Я буду и дальше странствовать с Хэ Янем, помогая тем, кто встретится нам на пути.

— Я отправлюсь с тобой, девочка, — сказал Оливер, который до той поры лишь молча прислушивался, сжимая в покрытых шрамами руках громадный боевой топор.

— А ты… ты знал? — спросил Марко у Оливера.

— Со слов ее отца я знал только, что мать ее отличалась от всех остальных женщин, — ответил северянин. — Но так говорят все любящие мужчины.

— О мой благородный покровитель, — улыбнулась Си-шэнь. — Ты всегда заботился обо мне как о родной дочери. Чего же ты теперь желаешь?

И все стали внимать медленным и вдумчивым словам Оливера.

— Значит, этот рыцарь теперь Царь Севера. Я тоже северянин, и уже старею. Быстро устаю. Борода седеет, а кости и шрамы ноют все чаще. Теперь мне уже хочется одного — пить мед вместе с Богом Одином в золотом пиршественном зале Асгарда. Но боюсь, сверкающие валькирии не найдут меня в этих дальних краях. Можете вы доставить меня на север? На дальний север — в Валгаллу?

— Мы обязательно доставим тебя в золотой пиршественный зал, освещенный северным сиянием, где ты на славу попируешь вместе с павшими героями Асгарда, — пообещал Хэ Янь. Потом пошарил под своими багряными доспехами, вытащил оттуда женскую парчовую туфельку, какие-то объедки — и Отшвырнул в сторону. Наконец, извлек на свет комок черной рисовой бумаги и медленно развернул из него огромного черного ворона — вместо коня Оливеру.

Попрощавшись с Поло, северянин взобрался на сияющего ворона. Когда троица стала подниматься в ночное небо, Дух выкрикнул:

— Если вам понадобится помощь странствующего рыцаря, порой именуемого Хэ Янем, и его сноровистой спутницы, сосредоточьте свой разум на Северной Полярной звезде… которой неведомы перемены.

— Прощай, милый Марко! Быть может, когда-нибудь наши мечты и сбудутся! — крикнула Си-шэнь, кружа над речным кораблем. Потом все трое вихрем метнулись вверх и исчезли в ночном небе.

— А твои дьяволы знали? — спросил Марко у молча стоявшего рядом Петра.

— Может, и знали, — ответил Петр. — А может, и нет. Все равно. Разве бы вы мне поверили?

38

Гэнь: Сосредоточенность.
Горы сверху; горы и снизу.
Когда спина, уста и разум сосредоточены, ошибки нет.

— Чую запах моря! — сказал мессир Никколо Поло — и, будто луч света в пасмурный день, на строгом лице его расцвела радостная улыбка.

После завтрака, на который подали горячую рисовую кашу, приправленную заготовленными впрок яйцами и имбирем, а также горячий чай, Поло стояли на палубе речного судна. Облик берега претерпел за ночь заметные изменения. Вместо заросших соснами и бамбуком ущелий вокруг теперь лежали людные и плодородные земли Манзи, чьи большие города располагались средь мириад озер, речек и каналов. Плавание Поло по мутной реке Янцзыцзян подходило к концу. Скоро широкая водная артерия должна будет пересечься с Великим каналом Хубилай-хана, по которому можно добраться прямиком до Ханбалыка. Там их путешествие закончится — и быть может, начнется другое (да будет на то воля Господа и Хубилай-хана) — начнется длинный путь домой, в милую сердцу Венецию.

— Между прочим, отец, эта провинция Манзи нравится мне больше прочих провинций Срединного царства, — заметил Марко. — Вот как я записал у себя в путевом дневнике: «Повсюду там торговля и судоходство. Повсюду рисовые и прочие поля, а также фруктовые сады приносят обильный урожай. На холмах там полно дичи, в реках полно рыбы, а в городах полно людей благородных, знающих толк в изысканных яствах и всевозможных искусных увеселениях. Города Манзи восхитительнее всех, виденных мною за пределами Италии: Сичжоу, или Город Земли, что на берегу канала, и Хансай, или Город Неба, что на берегу озера. Оба они, с разветвленными водными артериями, украшенными тысячами дуговых каменных мостов, так напоминают мне нашу несравненную Венецию!»

— Приятно снова слышать жар в твоих речах, сынок, — сказал Никколо. — А то с тех пор, как отбыла твоя прелестная подружка, ты был так удручен и тих. Быть может, нам следует ненадолго задержаться здесь, прежде чем мы отправимся в Великому каналу в Ханбалык. Великий хан никуда не денется, а его спящая дама и так прекрасно отдыхает. Услады большого города быстро вернут румянец твоим бледным щекам.

— А и правда, почему бы нам не задержаться в Сичжоу? — поддержал брата Маффео. — Перед возвращением ко двору наша одежда нуждается в починке, а этот город садов и каналов славится своими шелками… и шелковистой кожей своих женщин. Да, давайте-ка предложим нашим коням опробовать дорогу к прекраснейшему Сичжоу — который так напоминает Венецию!

— Пожалуй, вы правы, — согласился Марко и впервые за долгое время слегка улыбнулся. — Действительно, перед возвращением ко двору нам всем нужна передышка, а Сичжоу мне особенно приятен. Ибо мосты там украшены множеством резных каменных львов — вроде как при въезде в столичный город Тайтинь, — но, в отличие от благородных крылатых львов Сан-Марко, все катайские львы разные. Итак, в путь! Наши пони застоялись и явно ждут хорошей пробежки, а заботу великого хана составляет и благополучие императорских коней…

Ничто не удостаивалось большей императорской заботы, чем «преющие кровью кони-драконы» (хотя насчет «драконов» — скорее поэтическая вольность), происходившие, как считали многие, из древней Фергианы. Монархи предшествующих династий Тан и Сун очень любили сидеть на обитых шелками скамеечках, защищенных от солнца парчовыми зонтиками, и наблюдать, как необыкновенных этих животных все гоняют и гоняют по кругу на зеленой лужайке Императорских Конюшен — пока белые бока не окрасятся алым от уникального пота.

А вот Чингис-хан и его сын Тулуй, отец Хубилая, не располагали временем для столь бесплодного времяпрепровождения. Один озабочен был покорением необъятной империи, а другой — упрочением этого завоевания. Хотя Чингис, правду сказать, иногда позволял себе расслабиться, пристреливая из лука грифов, но все же первый «хан всех морей» считал это лишь «упражнениями в стрельбе перед сражением».

Хубилай-хан уже как-то раз наблюдал за удивительным зрелищем того, как белые кони

постепенно окрашиваются своим кроваво-красным потом. Наблюдал с острым интересом в пронзительных глазах. Второй же раз наблюдал бесстрастно, поглаживая снежно-белое оперение своего любимого манчьжурского сокола. Наконец, великий хан заговорил:

— Воистину любопытные создания! Но они капризны и требуют дорогого ухода. Так?

— О да, Сын Неба, — ответил главный императорский конюший. Старец уже собрался было перечислить ветеринаров и коновалов, приставленных к каждому животному, зачитать состав их диеты, включающей в себя отборный ячмень и виноград, изюм и плоды ююбы, а также целую фармакопею дорогих приправ — но тут снова заговорил его повелитель.

— Жизненную силу Империи не следует растрачивать на содержание дорогих игрушек. С сего же часа приступите к распределению этих коней в качестве ценных подарков меньшим царям и некоторым достойным вождям в приграничных землях.

— Да, но… о да, Сын Неба, конечно, Сын Неба…

И не было нужды лишний раз упоминать, что чем дороже какому-нибудь приграничному князьку обойдется достойное содержание «преющего кровью коня-дракона», тем меньше у него останется на войну. Собственно, даже не на войну, а на мятеж.

Никто, разумеется, не осмелился напрямую сказать императору «нет». Но наиболее почтенные из придворных лам и шаманов, пользовавшиеся у Хубилай-хана особым уважением, отважились испустить нечто вроде вздоха. Потом добавили:

— Облачные драконы, о Сын Неба, тщетно будут искать себе кобыл в привычных местах случки.

— Пусть лучше займутся дождем, — кратко ответил Сын Неба, намекая на испускаемую драконами молнию, что опорожняет облака влаги, и на игру «в тучку и дождик» как пристойное название амурных занятий у учеников бессмертного Лао-цзы.

Затем великий хан подобрал свои роскошные царские одеяния, на которых в тот день золотой нитью по багряному шелку вышиты были три дракона, и, вместе с бдительным белым соколом на монаршем запястье, покинул Императорские Конюшни. Ибо все знали, что, подобно своему безжалостному деду Чингису, Хубилай-хан не упустит даже малейшего случая поохотиться.

Полноводная река Янцзы-цзян неслась теперь мимо величественных Лиловых гор, разукрашенных осенней листвой, и мимо сторожевых пагод портового города Нанкина. Здесь отряд высадился на берег, намереваясь добраться до Великого канала у прелестного города Сичжоу конным порядком. На лицах людей выражалась нескрываемая радость. Вот они снова в окружении всамделишных людей и селений — а не духов и чудищ, призраков и иллюзий.

Бодро направившись прочь от людного речного порта, отряд вскоре достиг невысокой череды туманных холмов, где веющий осенью ветерок осыпал с деревьев ржавые листья. А там на глаза им попалось нечто весьма странное…

— Вряд ли это еще одна чертова иллюзия, — пробормотал Маффео, когда, остановив коней, все уставились на высящийся перед ними лесистый отрог.

— Похоже, целая монгольская орда решила перекрыть нам путь, — угрюмо отозвался Пикколо и спешно принялся перебирать свои нефритовые четки.

В безмолвном изумлении Марко оглядывал марширующую прямо к ним громадную армию. Вот целые эскадроны конных лучников и арбалетчиков в пластинчатых доспехах и увенчанных шипами шлемах. Вот несметное полчище пехотинцев с короткими пиками и длинными мечами. И все звучным басом вытягивают монгольские боевые гимны под заунывные посвисты степных дудок. Тут Марко с облегчением понял, что грохота барабанов пока еще не слышно. А сигнал к атаке у монголов мог подать лишь барабанный бой.

В самом центре устрашающей армии Марко разглядел эбеновую сторожевую башню, что покачивалась на спинах четырех татуированных слонов в отделанных золотом попонах. Возвышающийся шатер охраняли ряды громадных мастиффов и ручных львов, ведомых на прочных цепочках пехотинцами. Над шатром реяло громадное черное знамя — без всякого символа.

— Неужто Хайду-хан, голодный степной волк, послал на нас воинство монгольских и куманских бунтовщиков? — завопил ученый Ван, съеживаясь в седле.

— Однако почтенный ученый не выражался столь изысканно о всевозможных иллюзиях, которые вот-вот собирались перерезать ему глотку, — заметил Маффео.

Тут Марко заметил высоко над головой белую точку, которая вскоре превратилась в изящного охотничьего сокола, закружившего над его головой. Марко вытянул руку, как делают сокольничий, — и безупречно выученная маньчжурская птица, аккуратно усевшись венецианцу на кисть, внимательно посмотрела ему в глаза. Бегло осмотрев сокола, Марко быстро нашел то место на его белоснежном крыле, которое своими руками залечивал. Затем он легко подбросил птицу в воздух. Сокол принялся удаляться по спирали, словно собираясь продолжить охоту.

Ибо все знали, что Хубилай-хан не упустит даже малейшего случая поохотиться…

— По-моему, великий хан уже рядом, — негромко заключил Марко Поло.

39

Ли: Наступление.
Небеса проплывают над озером.
Наступи на хвост тигра — и не укусит.

— Ну что, По-ло, удивил я вас? — сиял великий хан с верха эбеновой сторожевой башни. Багровое лицо императора так и лучилось радостью и беззлобной насмешкой, пока зловещий черный флаг заменяли на подобающее знамя с солнцем и луной. — Ладно, вставайте. Нечего там в пыли ползать.

— О да, великий хан, воистину удивил, — закивал головой Никколо Поло, чьи дрожащие от волнения пальцы по-прежнему перебирали бусины четок.

— Я решил отправиться инкогнито с небольшим отрядом личной охраны чтобы не тревожить народ, — пояснил Хубилай. — В Ханбалыке моих бдительных ушей достигли слухи о том, что вы все-таки нашли новый лакомый кусочек для моей рисовой чашки, — и ждать я уже не мог. Нет, просто не мог дождаться того мгновения, когда заключу в объятия прелестную госпожу. Видите, у меня тут ее багряный невестин палантин… и драгоценнейшая парча с вышитыми чистейшей золотой нитью пионами для ее наряда… и соболья шуба от холодных осенних ветров… и головные украшения с редчайшими самоцветами… и… но пусть госпожа сама взглянет на эти жалкие безделушки. Где же, наконец, эта маленькая скромница?

— Здесь, о повелитель, — ответил Никколо. И указал на грубые пеньковые носилки, что висели меж спин двух лохматых пони. Там, завернутая в выцветший рунный ковер, и лежала Спящая Красавица.

— Что? Мою новую невесту тащили, как мешок с рисом? — вопросил Сын Неба, и на его улыбающееся лицо мигом набежала тень.

— Нижайше просим великого хана припомнить, что востребованная им госпожа спит, — с низким поклоном заметил Маффео Поло.

— Так скажите ей, чтоб немедленно просыпалась, — нахмурился Хубилай. Ее супруг и повелитель уже здесь!

— Ее, о повелитель, не так просто разбудить, — сказал Марко. — Спит она очень крепко.

— Она что, больна? — спросил хан ханов, и его уже не столь радостное лицо совсем помрачнело.

— Нет, о Сын Неба, она не больна, — ответил Марко. — Скорее заколдована.

Морщинистый лоб великого хана чуть разгладился.

— А-а, ну так мои чародеи быстро поставят ее на ноги. Скоро она будет бодра и весела, как монгольская доярка. Да, Чингин? — И Хубилай подтолкнул локтем своего любимого

недужного сына, что вяло и безмолвно восседал рядом с отцом в водруженной на спины слонов эбеновой сторожевой башне.

Тем временем вокруг шатра собралось волнующееся озерцо темно-бордовых халатов. Самые могущественные и дряхлые ламы с шаманами, развернув рунный ковер, уставились на лучезарную Спящую Красавицу. Потом забормотали что-то невразумительное и с каким-то бульканьем принялись выражать нескрываемый восторг.

Казалось, носилки окружила беспокойная стая темно-бордовых гусей. На редкость дохлые были людишки. Чаще всего — больные, увечные и придурковатые. Но, представляя свое шаманское искусство пред Военным Советом великого хана, они казались Марко здоровей и сильней самых могучих героев…

Марко бывал на множестве заседаний Военного Совета. Все они уже так перемешались у него в голове, что он не мог отделить одно от другого. Что же было тогда? Кажется, какое-то варварское племя по ту сторону Великой стены в 10000 ли подняло мятеж. Мир в Римской империи то и дело прерывали мятежи вдоль ее далеко протянувшихся границ — так почему же по-иному должно было быть в империи Катайской?

Сначала зачитывались доклады ближайших к месту происшествия чиновников. Затем приводились жалобы — обычно на непомерные налоги. Далее столичные чиновники, непосредственно ответственные за приграничные районы, делали свои замечания — как правило, что налоги на самом деле не столь уж непомерны, но что, должно быть, ошибки допустили их сборщики, корпус которых обычно составляли ученые, сосланные туда за некомпетентность (уточнение, от которого ученый Ван неизменно вздрагивал).

Далее высшие катайские мудрецы в величественных халатах черного шелка изъяснялись в избитых философских выражениях: «Неповиновение Трону Дракона суть противодействие Воле Небес. Мудрый правитель никогда не разбивает рисовые чашки своих подданных…»

Затем следовали советы императорских военачальников, людей с непосредственным, практическим опытом: «Наикратчайший путь в Мо или Ло (или в любой другой мятежный район) ведет по узкой тропе через колдовское болото и зачарованный лес, и его должно избегнуть».

Неизменное решение в отношении мятежа заключалось просто-напросто в том, что мятеж должен быть подавлен. И с этим неизменным решением великий хан неизменно был рад согласиться. Затем, столь же неизменно, следовала финальная сцена — та самая, что не переставала завораживать Марко.

Призывались чародеи в темно-бордовых халатах, пред которыми тут же ставился обязательный вопрос: «Придет ли к воинству великого хана, который также Сын Неба, победа?» Слово «поражение» в таких случаях никто даже не упоминал. Дурной знак. Дурной и опасный знак.

Ламы и шаманы, подобно всем прочим колдунам и оракулам, были беззастенчиво многословны. Ведь ни один оракул в мировой истории никогда не ответил просто «да» или «нет». Но все же в конце концов, после длительных песнопений и плясок, махания кадилом и нудного зудения, верховный шаман, чьи волосы были стянуты в аккуратный узел на затылке, выступал вперед с двумя любопытными бледно-золотистыми жезлами. Издав для начала невнятный вопль, он затем заявлял, что один жезл служит Хубилай-хану, великому хану ханов, который также Сын Неба.

— А вот этот ничтожный жезл, — голосил он, потрясая палкой, которая, судя по гибкости, была сплетена из тростника, — этот служит негодным бунтовщикам — негодным, низким и подлым!

Чтобы подчеркнуть всю низость и подлость ничтожных бунтовщиков, шаман тут же совал жезл в открытое бронзовое кадило и пачкал его пеплом. Затем бросал второй жезл на землю и наклонялся, чтобы аккуратно положить рядом первый.

А потом, разведя тощими руками, отступал назад. Тут нечто вроде неумелого оркестра начинало играть на весьма подозрительных инструментах: гулких глиняных мисках вместо

барабанов, связках оленьих копыт, свистках из свежего тростника, нанизанных на проводки кусочках железа. И поразительно было, как все это музыкальное безобразие вдруг превращалось в отчетливый шум сражения. Марко слышались выкрики воинов, топот несущихся в атаку коней, бряцание оружия…

Но то чудо, что слышали его уши, не шло ни в какое сравнение с тем чудом, что видели его глаза. Ибо неведомо как, но золотистый жезл из сплетенного тростника, гибкий и податливый, — жезл Хубилай-хана — будто сам собой корчился, принимая форму человека, потом облик коня, а когда, наконец, замирал… Боже милостивый! Да это же вооруженный всадник на боевом коне!

Итак: бледно-золотистый жезл.

И: жезл, выпачканный в пепле.

Кто, кто тогда мог сказать, сколько они уже бьются?

Они бились. Снова и снова схватывались, кололи копьями. Бились!

Под конец, порой скорый, порой не очень, одного из лжедуэлянтов прибивали к земле, пинали и топтали. Причем, по опыту Марко, никогда на земле не оказывалась бледно-золотистая фигурка. Нет, всегда там недвижно лежала ничтожная пепельно-серая.

И наступала мертвая тишина.

Голосом сухим, надтреснутым, измученным — но уже по крайней мере человеческим — верховный шаман разбивал эту тишину вдребезги, объявляя:

— Хубилаю, сыну Тулуя, сыну Чингиса, — великому хану ханов всех морей, который также Сын Неба, — ему и его воинству победа!

Последнее слово, «победа», верховный шаман дико выкрикивал. А все присутствующие разом испускали облегченный вздох. После чего раздавался общий, еще более дикий и оглушительный, вопль:

— Победа! Победа! Победа!

Это могла быть победа над Престером Иоанном, над Горным Старцем или над самим Верховным Турком — но не над продуваемой всеми ветрами грязной деревушкой какого-то варварского племени по ту сторону Великой стены в 10000 ли. Великому хану Хубилаю и его воинству неизменно присуждалась победа.

А теперь эти же самые ламы и шаманы бесновались вокруг носилок лучезарной Спящей Красавицы. Темно-бордовые халаты так и порхали, узлы волос на макушках подпрыгивали. Странными и зловещими голосами чародеи распевали странные и зловещие песни под сопровождение гулких барабанчиков из человеческих черепов и заунывных горнов опять-таки из человеческих берцовых костей. Вертели жезлами с развевающимися лентами всех расцветок. Смазывали лоб Спящей Красавицы стимулирующими бальзамами и нежными, но действенными маслами. Прыгали и вопили, дергались и хрипели, падали на колени, лаяли и выли, будто дикие псы.

И все тщетно. Небрежно подпирая рукой голову. Спящая Красавица как ни в чем не бывало продолжала мирно дремать. Наконец, все колдуны склонили головы и погрузились в долгое молчание.

— Ну? — с хмурым выражением на широкоскулом лице вопросил великий хан.

Верховный лама поднял голову, откашлялся и нараспев заговорил:

— Представляется, что Сияющая Госпожа мало подходит для чести оказаться в гареме Сына Неба, ибо она никак не смертная женщина… а великолепная, хотя и не самая значительная богиня, что пребывает в покое своего собственного эфирного царства.

— Богиня! — воскликнул Хубилай, а лицо его прояснилось, как небо после грозы. — Значит, она богиня? Это еще сильнее разжигает мою страсть, ибо кто знает, какое тайное знание скрывается под этим нежным, как персик, лбом! Наверняка есть какой-то способ ее пробудить! Мы должны это сделать! Эй, ученый Ван, а что там сказано в свитке?

Оправив свой величавый халат ученого, Ван Лин-гуань дождался, пока глаза всех присутствующих не сосредоточились на нем. Затем он медленно и церемонно вынул свиток из лакированной эбеновой шкатулки, а потом — из разноцветного шелкового футляра.

Удалив промасленные шелковые обертки, он развернул подшитую шелком бумагу с палочками камфорного дерева сверху и снизу и приготовился читать вслух.

Тут великий хан, хмурясь, начал постукивать пальцами по эбеновому подлокотнику кушетки. Ван сразу же узнал команду кончать церемонии и переходить к делу. Тогда он наконец заговорил…

— Каллиграфия сия весьма древняя, и понять ее крайне затруднительно… — начал ученый.

— Затем я вас, дармоедов, и держу! — нетерпеливо рявкнул великий хан.

— О да, Сын Неба, конечно. Если мое ничтожное истолкование сего свитка верно, то единственный намек на пробуждение содержится в следующей фразе: «Дремота растает от поцелуя царской весны; однако опасайся мороза, что низложит царское величие».

— Вот! Вот и ответ! — заулыбался великий хан, игриво подталкивая локтем недужного царевича Чингина, на бледном лице которого ясно читалась внутренняя боль. — Вы говорите, что нашли ее среди снежных пиков варварского Тибета. Она как пить дать пребывает в зимней спячке — и только подобное весне тепло моего царского поцелуя может ее пробудить!

Бодро поднявшись на распухшие от подагры ноги, великий хан протянул руки к погонщикам слонов.

— Помогите мне спуститься, — приказал он. — Я должен поцеловать мою прекрасную невесту…

— Нет, о повелитель! — вмешался Марко. — Это было бы весьма безрассудно…

Все обратили недоуменные взгляды на отважного молодого венецианца.

Дядя Маффео отчаянными жестами пытался призвать Марко к молчанию, а Никколо побледнел и принялся что-то бормотать, перебирая свои четки.

— Ты осмеливаешься заявлять, что Сын Неба лишился рассудка? — прорычал Хубилай.

— Хан ханов неизменно мудр и рассудителен, — торопливо ответил Марко. Но мой скромный долг — предупредить повелителя об опасности. Тем более что и свиток предупреждает о морозе, что низложит царское величие. Эта госпожа дремлет — но в то же время она весьма могущественна. Когда главарь куманских бунтовщиков попытался ее обнять, он тут же упал замертво от обморожения.

— Так ты к тому же полагаешь, что богиня не сумеет отличить ненавистные объятия ничтожного бунтовщика от царского поцелуя великого хана? — сверкая глазами, произнес Хубилай — и продолжил спускаться с эбеновой сторожевой башни, водруженной на спины четырех татуированных слонов. — Не смей мне противоречить, молодой По-ло, если не хочешь лишиться моего благоволения! Не терплю, когда мне противоречат! Моя невеста непременно проснется от моего царского поцелуя!

— Постой, отец! — вдруг крикнул Чингин. Никогда Марко не видел его столь слабым и изнуренным — и в то же время столь властным и решительным, каким и подобает быть настоящему монгольскому принцу.

40

Суй: Последование.
Гром рокочет в болотах.
В сумерки царевич почиет с миром.

Царевич Чингин, любимый, хоть и недужный, сын Хубилай-хана, нетвердо поднялся с кушетки в эбеновом шатре и дал знак погонщикам слонов помочь ему сойти на землю. Сын и его царственный отец встали лицом к лицу у носилок меж двух лохматых пони, где покоилась Спящая Красавица.

— Постой, отец, — повторил Чингин. — Я не могу допустить, чтобы ты рисковал

собой… и империей.

— Значит, ты согласен с молодым По-ло, что обнять ее опасно? — вопросил Хубилай. — Но как мне тогда разбудить мою невесту? И как узнать ее тайны?

— Я поцелую ее, отец, — ответил Чингин. — Ибо красота ее тронула и мое царственное сердце. Я теперь близок к смерти. Очень близок. Жизнь, каждый ее день, не приносит мне ничего, кроме боли. Ты позвал меня встретить лучезарную госпожу в надежде, что она меня вылечит. Так давай попробуем. Мой царственный поцелуй разбудит ее — тогда и станет ясно, лечит она или убивает.

— Прекрасно, сынок, — кивнул Хубилай. — Я останусь в стороне и позволю действовать тебе, ибо ты мой наследник. Истинная правда и то, что не след мне опрометчиво рисковать Монгольской империей. И то, что больше всего на свете меня заботит твое слабеющее здоровье. Вид спящей госпожи дал тебе силу обратиться ко мне как подобает истинному правнуку великого Чингис-хана. Может статься, прикосновение к ней восстановит и твои телесные силы. А если она предпочтет твои юные объятия моим, что ж, значит, на то воля Господа — того, что зовется степными кочевниками Тенгри, а катайской знатью — Тянь и которому безразлично, под каким именем вершить наши судьбы.

Все замерло в пахнущем осенью лесу. Даже ветер стих. Музыканты бодро заиграли монгольскую свадебную песнь — а царевич Чингин медленно опустился на колени и нежно поцеловал лучезарную Спящую Красавицу в губы. Время, казалось, свернулось кольцом в сине-фиолетовой пустоте подобно извечному змею, ухватившему себя за хвост. Время, казалось, замерло на какое-то бесконечное мерцающее мгновение…

Наконец Чингин взглянул на отца и сказал:

— Теперь мне гораздо лучше.

А потом распростерся на земле в глубоком, скорее похожем на смерть, обмороке.

Но Марко видел, что лицо его давнего друга не было искажено привычной гримасой страдания. Лицо это разгладилось. Теперь царевич Чингин спокойно и ласково улыбался. И лучезарная Спящая Красавица тоже, казалось, улыбается…

Все молча опустились на колени. Придворные лекари, обследовав пульсы Чингина, объявили, что царевич все еще жив, но уже не очнется — так постепенно и будет угасать до мирной кончины. Когда врачи подняли тело царевича в закрытые носилки, придворные ламы затянули монотонную буддийскую песнь по умирающему…

— «Ушел, ушел, нет его… ушел к дальнему берегу горького моря жизни и смерти…»

— Сынок! — с безумным видом возопил Хубилай. — Воистину благо, что кончина твоя будет мирной, но как мне тебя оплакать? Надеть ли дерюгу и рыдать в соломенной хижине, как делает катайская знать? Отвезти твое тело к священным горам Алтая, где под могильными курганами покоится прах потомков великого Чингиса? Исполосовать себя плетьми и убивать каждого, кто попадется мне по дороге, чтобы кровь смешивалась с моими слезами? Уподобиться дикому степному вождю? Как Сыну Неба оплакать своего любимого сына? Как?

Потом великий хан уставился на Спящую Красавицу.

— Ты! — вскричал он. — Ты это проделала! И ты знаешь ответы на все, что меня тревожит!

Никколо Поло принялся нервно перебирать свои янтарные четки.

— Ох, боюсь, не обрадует она великого хана, — шепнул он Маффео.

Часто Марко видел, как в критические моменты хан ханов движется быстро и решительно. Видел он и как из-за злосчастной подагры Хубилай движется скованно и вымученно. Теперь же Марко видел, как великий хан движется быстро и вымученно. Взобравшись на одного из пони, что везли носилки со Спящей Красавицей, Сын Неба погнал упряжку в густой лес.

— Куда это он? — спросил Марко.

Стоявший рядом с хозяином татарин Петр пояснил:

— Он следует древнему монгольскому обычаю похищения невесты и покорения ее в

борцовском поединке. Обычно это просто игра, которая по душе и парню, и девушке. А порой — настоящая битва. Например, когда семьи враждуют или когда девушка подобна Яркой Луне, воинственной дочери Хайду-хана. Эта царевна столь сильна, что пообещала выйти за любого знатного молодца, который сможет поставить сто коней на то, что повалит ее на землю. Замуж Яркая Луна так пока и не вышла. Ни один мужчина не смог ее одолеть. А конюшни Хайду тем временем пополнились десятью тысячами прекрасных животных. Надеюсь, великому хану будет немного проще. Мои дьяволы подсказывают нам последовать за ними и посмотреть…

Великий хан привез подвешенные меж двух пони носилки Спящей Красавицы на светлую лесную поляну. Там он остановился, с трудом спешился и сел на мшистый лесной ковер рядом с носилками. Долго-долго смотрел он на лик лучезарной девы.

Потом, наконец, заговорил.

— Как мне пробудить тебя, блистательная невеста? Должен же я с тобой поговорить… мне надо задать тебе столько вопросов… даже Сын Неба растерян пред столькими загадками. Надеть ли мне оленью шкуру и сражаться с тобой как с Яркой Луной, дочерью подлого Хайду? Рискнуть ли мне в столь тяжких битвах завоеванной Монгольской империей ради сомнительного удовольствия твоих ледяных объятий? Могу ли я коснуться тебя, моя невеста, или впаду в морозный сон?

Затем, вытащив из-под собольего плаща крепкую руку, великий хан поднес ее к самому лбу Спящей Красавицы и продолжил:

— И все-таки — если я уже не готов к риску и опасностям подобно тем жалким катайцам, что предшествовали мне на Троне Дракона, — могу ли я по-прежнему именоваться ханом ханов, внуком непобедимого Чингиса? — На круглом багровом лице катайского властителя появилось решительное выражение — и он нежно погладил восково-бледный лоб, небрежно подпертый изящной ладонью. Казалось, все тело его вдруг охватила страшная дрожь, — и Хубилай было отшатнулся… но тут же выпрямился.

А Спящая Красавица открыла мерцающие глаза и, глядя прямо в лицо великому хану, заговорила:

— Я чувствовала, как вы меня зовете — ты и твой сын… призываете меня с самого пика небесной горы в центре мироздания, где я пью сладкий нектар из плодов с древа вечной жизни и танцую с бессмертными средь света и тени. Мой облик, который ты видишь и который так тебе приятен, — всего лишь одежда, в которой я решила навестить твое царство. Остаться же с тобой я смогу лишь ненадолго. Так как же мне послужить тебе, о повелитель?

— Скажи, что сталось с Чингином… и что будет со мной? Я уже стар и полон сомнений. Кости мои болят, а силы стремительно уходят. Чингин умирает, а его старший сын, Тимур, мой теперешний наследник, еще только подросток. Тяжкая ноша могучей империи великого Чингиса покоится на моих усталых плечах. Не знаю, сколько еще смогу ее выносить. Приснилось мне, как мой дед стреляет грифов и кричит: «Готовься к походу… готовься к войне!» Не знаю, есть ли у меня еще сила ответить на его суровые призывы. Ты тут говорила о бессмертии, сияющая госпожа… прошу тебя, причасти меня твоим тайнам…

— Царевичу Чингину уготована была мучительная смерть. Однако поцелуй, которым он меня разбудил, удостоил его мирной кончины. Теперь его никакой поцелуй уже не пробудит. И все же это был отважный муж, ибо пожертвовал своей жизнью ради защиты Трона Дракона. А теперь дай мне руку, о повелитель, — если тебе хватит отваги меня обнять.

— С радостью, моя невеста, — ответил Хубилай. Медленно протягивая руку, он смело готовился к морозному прикосновению. Вот пальцы их встретились и Хубилай заметно вздрогнул, словно от пробежавшей по всему его телу страшной судороги. Кожа его побледнела как лед, глаза закрылись. Казалось — он впал в забытье. А потом на ладонь катайскому властителю из перстня Спящей Красавицы упал светящийся лунный камень. И Хубилай вдруг очнулся. Лицо его буквально лучилось неистовой энергией и силой.

— Благодарю тебя, моя невеста, — сказал хан ханов, внимательно разглядывая

загадочный лунный камень у себя на ладони. Но Спящая Красавица не ответила — ибо сияющие ее глаза вновь смежил глубокий сон.

Тогда великий хан поднялся с земли — встал бодро и энергично, без малейших следов болезненной скованности. Потом, легко оседлав ближайшего пони, без единого признака слабости или боли, помчался обратно через осенний лес — к своим подданным. В носилках же мирно покачивалась Спящая Красавица. Марко и Петр вместе с его дьяволами последовали за повелителем…

Все несказанно подивились тому, как Хубилай скачет на пони — будто не знакомый ни с какими недугами монгольский юноша.

— Воистину подагра великого хана теперь вроде одной из его роскошных одежд, которую он надевает и снимает когда ему вздумается, — шепнул на ухо Пикколо Поло его младший брат Маффео.

Великий Хубилай-хан, в собольем плаще, кожаных доспехах и шлеме с серебряным наконечником, лихо сидел в седле также облаченного в доспехи боевого коня подобно подлинному монгольскому полководцу. Когда люди окружили своего повелителя, он звучно и твердо заговорил:

— Мы вернемся прямо в Ханбалык и подготовимся к окончательному покорению мятежного Бир-мяня. На Зеленом Холме, что у карпового пруда Великого Уединения, я возведу ступу-шатер из чистейшего белого нефрита. Шатер сей станет усыпальницей моего обожаемого сына Чингина, когда ему придется надеть золотую посмертную маску. А рядом я возведу белую храм-ступу в форме колокола как покои для моей дремлющей невесты — и для той любопытной карты, что привела нас к ней. Ибо я знавал женщин всех рас и народностей, но эта женщина воистину не похожа ни на одну из них.

— О да, да, о повелитель! — разом вскричали все сановники и генералы, все сокольничие и врачи, все пускатели воздушных змеев, ламы и низшие слуги — и тут же все пали ниц пред реющими на ветру знаменами с солнцем и луной.

— Марон! — пробормотал своему брату Маффео. — Не знаю, что и подумать. Обрадовала его эта драгоценная госпожа — или не очень? И вознаградит нас Его Величество богатством и золотым пропуском домой — или нет?

С тревогой ожидая дальнейших слов великого хана, Никколо Поло затеребил свои янтарные бусы и еле слышно зашептал: «Далее: витой браслет из небесно-голубых камушков бирюзы с зелеными крапинками, нанизанных на золотую проволочинку; ценою же сказанный браслет в десятимесячный сбор таможенной пошлины за въезд в небольшой, обнесенный стенами город, в коем, впрочем, имеется базилика и не менее пяти гильдий…»

Наконец, взгляд великого хана упал на Никколо, Маффео и Марко Поло — и он обратился непосредственно к ним:

— Муж, вершащий судьбы Империи, не имеет права рисковать своей жизнью без нужды. Поистине великая, неимоверная честь для вас, По-ло, что это рискованное предприятие я вместо себя доверил вам. Мне известно, что вы хотите отбыть на родину. И вы туда отбудете. Причем отбудете с миром и почестями. Вы получите золотой пропуск, каковой, согласно нашим законам и обычаям, нужен для проезда за пределами Империи. Получите вы и золото, которым я щедро вас награжу… — Тут великий хан махнул рукой, и один из придворных подошел к нему с искусно вырезанным нефритовым подносом. Еще одним взмахом руки Хубилай дал всем Поло знак приблизиться.

Медленно, со многими поклонами и коленопреклонениями, согласно придворным обычаям, Поло приблизились. Дрожа от нетерпения, они ожидали увидеть золотую пластинку — ту самую, что обеспечит им свободный проезд через все меньшие царства и ханства Катайской империи. Но когда они наконец добрались до восседающего на своем громадном боевом коне великого хана, то увидели, что на нефритовом подносе никакого золотого пропуска нет. Оказалось там лишь бессчетное изобилие сверкающих золотых монет и колец, украшенных безупречными рубинами цвета раздавленных зернышек граната. Придворная вежливость не позволяла даже заикнуться о желанной золотой пластинке.

Собственно говоря, придворная вежливость вообще ни о чем заикнуться не позволяла. Так что, со многими поклонами и коленопреклонениями приняв полный золота и рубинов нефритовый поднос, трое Поло церемонно удалились.

— Н-да, — произнес Никколо Поло, когда трое венецианцев вновь оказались у края громадной толпы. — Вот так порой с величайшими государями и получается. Много дают, по сути так ничего и не давая.

— Неважно, — отозвался Марко. — Раз Сын Неба обещал золотой пропуск, значит, он его даст.

— Марон! — рявкнул Маффео. — Лучше бы дал! Причем до моей безвременной кончины! Или наоборот — до того, как на нашего высочайшего покровителя наденут золотую посмертную маску! Как жажду я наконец увидеть четырех скворцов на фамильном щите Поло над увитыми цветами балконами в Величайшей и Наисветлейшей Венеции!

И тут по небу, направляясь на запад, пронеслись четыре черные птицы. Скворцы? Кто знает?

— Отправимся, когда будет угодно великому хану, — заключил мессир Марко Поло.

ЭПИЛОГ. ИЗ АННАЛОВ ИСТОРИИ

В январе месяце памятного года 1286-го царевич Чингин, любимый сын Хубилай-хана, почил с миром.

А в году 1287-м войска Хубилая успешно атаковали и разграбили роскошную бирманскую столицу Паган. Царствование Хубилая длилось до самой его кончины в возрасте семидесяти девяти лет в феврале месяце 1294 года. Унаследовал великому государю его внук Тимур, сын Чингина. Среди возведенных Хубилаем монументов известен белый храм-ступа в старом районе Пекина, где не так давно обнаружена была завернутая в разноцветную шелковую пряжу тайная карта.

Ранее, в году 1292-м, Хубилай позволил наконец троим Поло отправиться морем для препровождения юной катайской царевны к ее жениху Архуну, хану Персии. После многих приключений и мытарств они в 1295 году все же достигли родной Венеции.

В году 1296-м Марко Поло командовал галерой в войне венецианцев с генуэзцами и на год оказался в плену. Сокамерником его был известный писатель-романист Рустичелло из Пизы, не без помощи которого и появилась на свет «Книга странствий мессира Марко Поло». Многие наблюдения «Книги странствий» подтверждаются катайскими и иными источниками, некоторые же романтические и цветистые подробности вышли, должно быть, из-под пера Рустичелло. Несмотря на определенное недоверие, книга их получилась весьма удачной и, несомненно, повлияла на позднейших исследователей, ибо впервые столь полно представила Европе чудеса Восточной Азии.

После года 1299-го Марко уже до самой своей кончины в возрасте семидесяти лет обосновался под щитом с четырьмя скворцами в качестве венецианского купца. Завещание его огласили 9 января 1324 года. Свое движимое и недвижимое имущество он поделил между супругой Донатой и тремя дочерьми. Также пожаловал он полную свободу своему верному и преданному рабу татарину Петру.

Хвала Всевышнему Господу. Аминь.